УДК 340.123

«ДОРОГОЙ МОЙ ДРУГ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ»: ПИСЬМА Н.Н. АЛЕКСЕЕВА К П.Н. САВИЦКОМУ (1957–1961)*

Предисловие Б.В. Назмутдинова. Подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова

Классическое евразийство 1920–30-х гг. сравнительно хорошо изучено как на уровне официальных текстов движения (манифесты, временники, хроники), статей евразийцев в эмигрантской периодике, так и на уровне переписки между представителями движения. Однако это справедливо лишь по отношению к текстам 1921–1928 гг., когда евразийство еще было единым течением, не распавшимся на левое (просоветское) и правое евразийство в результате кламарского раскола[1] 1928–1929 гг. Менее изучены посткламарские тексты 1929–1939 гг. и особенно постевразийское наследие 1940–60-х гг.

Между тем содержание послевоенных писем П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.Н. Алексеева, Г.В. Флоровского и Г.В. Вернадского очень важно и интересно. Например, возобновилось общение между двумя бывшими лидерами евразийства — Савицким и Сувчинским, которые сочли свои прежние разногласия несущественными[2].

С точки зрения истории политических и правовых учений наибольший интерес представляет переписка лидера евразийцев П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексеева. Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) основателем евразийства не был, присоединившись к движению лишь в 1926 г. Известность он получил задолго до этого, став видным российским правоведом. Алексеев окончил юридический факультет Московского университета; его наставниками были А.С. Алексеев и П.И. Новгородцев. В силу возраста и мировоззрения ученого можно причислить к старшему поколению русских эмигрантов (Н.А. Бердяеву, С.Н. Булгакову и др.), которому участники евразийского движения, родившиеся в начале 1890-х гг., себя нарочито противопоставляли.

К самому евразийству Алексеев изначально относился критически. «В основе идеи евразийства лежит не историческое, а эмоциональное начало, родившееся

* Публикуется по архивным источникам, хранящимся в Славянской библиотеке (Прага, Чехия): T-SAV-II/9, T-SAV-V/80.

[1] Кламарский раскол знаменует распад евразийского движения на левое (просоветское) и правое (ортодоксальное) евразийство. Кламарским раскол назван из-за пригорода Парижа, где жили многие русские эмигранты (Н.А. Бердяев и др.); здесь же находилась типография, в которой печаталась газета «Евразия», ставшая рупором левого евразийства.

[2] Впрочем, неприятие П.Н. Савицкого Г.В. Флоровским осталось прежним. Их переписка сохранилась, но непосредственно П.Н. Савицкому адресовано лишь первое письмо Г.В. Флоровского, другие предназначались А.В. Флоровскому, брату Г.В. Флоровского, жившему в Праге, как и П.Н. Савицкий (см.: (Florovskaja, Florovskij)).

в результате нашего <русского> разочарования в Западе. Подъем национального чувства следует приветствовать, решительно отвергая, однако, как несостоятельный исторический подход докладчика, так и его максимализм» [Россия как особый исторический мир 1925, с. 4] — именно так высказался Алексеев о докладе Савицкого, прочитанном 10 марта 1925 г. в Берлине.

Исследователи и сам Савицкий подчеркивают, что Алексеев присоединился к евразийству уже в 1926 г.[3] Причиной такого поступка послужила, несмотря на ряд разногласий, идейная сопричастность евразийству, поводом стало проживание автора в 1922–1926 гг. в Праге. Последнее немаловажно, поскольку столица Чехословакии некоторое время даже именовалась «русским Оксфордом». В начале 1920-х гг. многие ученые и философы вынужденно покинули советскую Россию, общая численность русских эмигрантов составляла свыше миллиона человек[4], из которых чуть больше двадцати тысяч осело в Праге[5], при этом многие из них — либо преподаватели и ученые, либо недоучившиеся студенты. В рамках так называемой Русской акции, проводившейся при содействии Т.Г. Масарика (Masaryk) и Э. Бенеша (Beneš), в мае 1922 г. был основан Русский юридический факультет (далее — РЮФ), принятый под протекторат Карлова университета[6]. Деканом РЮФа стал русский юрист П.И. Новгородцев, благодаря которому Алексеев, покинувший Россию в 1921 г., был назначен секретарем РЮФа и возглавил кафедру государственного права.

Логично предположить, что Алексеева привлек к сотрудничеству с евразийцами Савицкий, учившийся, а затем и преподававший на РЮФе. Однако тот в своих пометках[7] к письму Сувчинского от 7 декабря 1926 г. уточнял, что первое упоминание об Алексееве содержит именно это письмо, где среди прочего говорится о процессе издания брошюры Алексеева о политическом строе советской России [Алексеев 1927ж].

Савицкий подчеркивал, что Алексеев «вошел в евразийскую работу (через посредство Сувчинского и Л.П. Карсавина) около времени “съезда” в Трагвайне, т. е. в

[3] Об этом см. ниже.

[4] Подчеркивается, что «после революции 1917 года и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, по данным, опубликованным Лигой Наций в сентябре 1926 г., из России выехало 1 160 000 человек» [Кривошеева 2003, с. 3].

[5] Численность русских эмигрантов в ЧСР в начале — середине 1920-х гг. составляла 22 тыс. человек [Пашуто 1991, с. 68]. Для сравнения, в Германии число русских эмигрантов примерно в то же время составляло около 600 тыс. [Дмитриев 2003, с. 225].

[6] Пражский кружок евразийцев группировался вокруг РЮФа. Из тех, кто на тот момент примкнул к евразийцам или присоединился к ним позже, здесь преподавали в должности профессоров Н.Н. Алексеев и Г.В. Вернадский. Были оставлены для защиты профессорского звания выпускники Н.А. Дунаев (1895–1931), К.А. Чхеидзе (1897–1974) и Я.Д. Садовский (1891–1925). С 1922 по 1925 г. Н.Н. Алексеев был секретарем РЮФа. Г.В. Вернадский возглавлял кафедру истории русского права, М.В. Шахматов состоял в должности профессора на той же кафедре. П.Н. Савицкий числился приват-доцентом на кафедре политической экономики и статистики. Вместе с тем на факультете преподавали известные своей нетерпимостью к евразийству историк А.А. Кизеветтер, юрист Г.Д. Гурвич и др. (см.: ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 92. Л. 2). Выступавший против евразийства Е.В. Спекторский был принят на кафедру истории философии права уже после смерти Новгородцева и по сути — на его место. Благожелательную характеристику ему дал Алексеев, к тому времени еще не присоединившийся к евразийству (см.: ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 7).

[7] Пометки датированы 16 января 1937 г.

августе–сентябре 1926 г.»[8]. Данное упоминание совпадает с призывом Трубецкого, который 25 апреля 1926 г. пишет Сувчинскому: «С юристами, особенно государствоведами, дело по-прежнему обстоит очень скверно. Они поголовно и безнадежно твердят зады. <...> Вместе с тем мы не можем довольствоваться кустарщиной. Наше дело — поставить проблему, подать мысль, а разрабатывать должны настоящие спецы. Когда от нас требуют программ и деклараций, упускают из вида это обстоятельство. Вопрос этот, наконец, надо сдвинуть с мертвой точки. Без юриста мы погибнем. И нужен он именно сейчас. Надо предпринимать героические меры, чтобы заразить какого-нибудь юриста. Пускай ищут все: рассчитываю на Вас и на Кошица <Карсавина>, у П<етра> Н<иколаевича> С<авицкого> в этом отношении ничего не выходит, ибо юристы в его районе все являются нашими злейшими врагами» [Из писем Н.С. Трубецкого 2010, с. 413–414]. Под недругами движения подразумевались Е.В. Спекторский, Д.Д. Гримм, Г.Д. Гурвич и прочие преподаватели РЮФа, критиковавшие евразийство. Кандидатуру Алексеева Трубецкой всерьез не рассматривал прежде всего в силу личной неприязни.

В это же время Алексеев оставляет постоянную работу в Праге. В одном из публикуемых ниже писем он упоминает о своем присоединении к евразийству в Париже в 1927 г. По его собственному признанию, он часто видел лишь парижских евразийцев, которые были ему чрезвычайно неприятны, — Сувчинского и Карсавина (Aleksejev, (22), s. 1). Именно в Париже в декабре 1926 г. Алексеев выступил на Евразийском семинаре с докладом «О советском строе и его политических возможностях» [Татищев 1927, с. 44]. Тогда же он дебютировал в евразийской печати. Степан Лубенский (псевдоним П.Н. Савицкого), автор «Евразийской библиографии 1921–1931», упомянул об этом событии: «В пятой книге “Евразийского временника” выступил автор, работ которого не было в предшествовавших евразийских изданиях, но которому предстояло внести исключительно большой вклад в евразийское дело: это — государствовед, бывший профессор Московского университета — Н.Н. Алексеев. Его статья говорит о “советском федерализме”» [Лубенский 1931, с. 301–302].

В 1926–1928 гг. автор опубликовал в евразийских изданиях статьи «Советский федерализм» (1927), «О народном праве и задачи нашей правовой политики» (1927), «Записка о суде» (1927), «Евразийцы и государство» (1927), «Обязанность и право» (1928), брошюры «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» (1927), «Собственность и социализм» (1928). Известны историософская работа Алексеева «Русский народ и государство» и другие статьи, опубликованные в журнале «Путь» на рубеже 1920–30-х гг.

Несмотря на то что Алексеева привлекли к участию в евразийском движении в Париже, он был верен пражскому евразийству, возглавляемому П.Н. Савицким. Символом этой лояльности стала совместная брошюра Алексеева, Савицкого

---

[8] ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 359. Л. 172. Благодарю за ссылку на реквизиты архивного дела Л.И. Новоженину [Новоженина 2002, с. 22]. В австрийском селении Трагвайн (Tragwein) у Трубецких располагалась «дача», где, по версии М. Байссвенгера, и состоялась встреча Савицкого с Трубецким и Сувчинским [Байссвенгер 2008, с. 30].

и В.Н. Ильина против кламарского евразийства «О газете “Евразия”. Газета “Евразия” не есть евразийский орган» (1929).

В 1930-е гг. Алексеев продолжал публиковать в евразийских изданиях свои работы, среди которых — «Задачи современного правоведения» (1931), «К учению об объективном праве» (1931), «Теория государства» (1931), «Куда идти? К вопросу о новой советской конституции» (1936), «Пути и судьбы марксизма» (1936). При этом автор, в отличие от Савицкого, не был полноценным адептом евразийства, то есть тем, чья идентичность определяется верностью идеологии. Небольшой труд Алексеева «Религия, право и нравственность» (1930) выходит под маркой «YMCA» — организации, которую евразийцы постоянно критиковали.

В конце 1930-х гг. Алексеев постепенно отходит от евразийства. Статья «О гарантийном государстве» (1937) являет собой переосмысление «идеократии» Трубецкого в духе государства публичных обязанностей, welfare state. Для Алексеева поиск «внутренней правды», к которому призывали не только Трубецкой, но и М.В. Шахматов и К.А. Чхеидзе, в области государства отныне символизирует не жажду истины, но неоправданное насилие. Автор теперь защищает лишь «внешнюю правду»: политический платонизм уступает идее Аристотеля о смешанном правлении. Подобные идеи были развиты правоведом в статье «О будущем государственном строе в России» (1938), где возникает вполне стандартная для конституционных государств фигура президента.

Такой эволюции взглядов во многом способствовали события в СССР. В статьях Алексеева, опубликованных в газете А.Ф. Керенского «Новая Россия», нельзя не заметить разочарования в правовом и политическом строе советской России. Если в 1936 г. автор надеялся, что ленинизм, даже названный им «евразийским марксизмом», сможет сочетать «народное» и «диктаториальные» начала в управлении [Алексеев 1936, с. 82], то ход судебных процессов в СССР в 1937 г. убедил его в обратном [Алексеев 1937, с. 11–12]. Идеальный общественный строй «внутренней правды» оказался, по мнению Алексеева, эмпирически недостижим — ученый тем самым вернулся к идеям Новгородцева. Отвернувшись от коммунистической идеократии, автор расстался и с евразийством. Одна из последних «проевразийских» публикаций датирована 1938 г. [Алексеев 1938]. В конце десятилетия Алексеев прекращает сотрудничество с евразийским движением.

Вторая мировая война положила конец общению между Алексеевым и Савицким. Первый на рубеже 1930–40-х гг. переехал в Белград, где и оставался до 1950 г. Савицкий пережил войну в Праге, в 1944 г. он был снят с поста директора русской гимназии из-за отказа содействовать мобилизации школьников (Suvcinskij, s. 1). После прихода советских войск ученый был арестован, осужден на 10 лет советских лагерей, в Прагу он смог вернуться в только в 1956 г.

По возвращении в Чехословакию Савицкий стал наводить справки о своих друзьях. Получив сведения о предполагаемой смерти Н.Н. Алексеева, он начал их проверять, расспрашивал востоковеда В.Ф. Минорского и историка А.В. Флоровского о судьбе своего друга (Minorskij, Savickij). Когда эти сведения не подтвердились, Савицкий нашел адрес Алексеева и написал ему, получив долгожданный ответ. Последний представлял собой краткую автобиографию

Алексеева за 1939–1957 гг. Завязалась продолжительная переписка, прервавшаяся в связи с репрессиями в отношении к Савицкому со стороны чехословацких властей в 1961–1962 гг. из-за содержания его стихов, написанных в лагере и опубликованных под псевдонимом П. Востоков.

Продолжительность переписки Алексеева и Савицкого объяснима не только близостью двух умов, но и душ. Письма наполнены особенной теплотой: вполне вероятно, что Алексеева в евразийстве удерживала идейная и человеческая близость именно к Савицкому. В 1957–1961 гг. он продолжает делиться с ним своими переживаниями по поводу старости и болезней, просит отозваться на свои новые сочинения — мемуары «В бурные годы», печатаемые в нью-йоркском «Новом журнале», и т. д.

Вместе с тем участники переписки относятся к евразийству все же по-разному. Савицкий, которого опыт лагерей, по его словам, не поколебал, а укрепил в «вере в русский народ», считал, что послевоенный СССР по сути и стал Евразией. Более того, граница между европейской и евразийской цивилизациями отодвинулась на запад, а Прага стала форпостом «Востока». Савицкому евразийство продолжало казаться живой, пульсирующей идеей, основой и символом культурно-политической экспансии России. «Мировой статус русского языка», «русский космос» — Савицкий гальванизирует классическое евразийство в совершенно новых координатах, делясь с Алексеевым восторгом от кочевниковедения Л.Н. Гумилева, реализующего давние мечты о полноценном изучении центральной Евразии.

Алексеев, как житель послевоенной Женевы, пусть и сохранивший советское гражданство, подчеркнуто дистанцировался от евразийства. Для него евразийский период — лишь один из многих жизненных этапов, кроме того, от участия в движении у автора оставалось неприятное послевкусие. Воспоминания Алексеева о евразийстве, появления которых жаждал Савицкий, отсутствовали в «Новом журнале» не только потому, что после смерти М.М. Карповича редактором издания стал тот, кто их бы не опубликовал (Р.Б. Гуль). Скорее всего, Алексеев опасался, что его искренние воспоминания о евразийстве огорчат Савицкого (все очерки в рамках цикла «В бурные годы» написаны нарочито искренне). По словам автора, «аристократическо-гвардейское» крыло в евразийстве относилось к Алексееву как к плохо образованному «московскому плебею». В письмах юриста можно также найти негативные характеристики бывших соратников — Н.А. Клепинина и т. д. (Aleksejev, (6), s. 3). Алексеев пытался уйти от публикации этих мемуаров, отчасти оправдываясь и тем, что евразийский архив, который ему достался от лидера белградской группы евразийцев В.А. Строженко (см. о нем ниже примеч. 3 к письму № 6), он уничтожал дважды: в 1941 г. перед вторжением немецких войск в Белград и приходом советских солдат в Югославию в 1944 г. (Aleksejev, (5), s. 1).

Особенной деталью переписки стало обсуждение судьбы П.И. Новгородцева — его статуса в кругу пражской эмиграции и отношения к евразийству. Савицкий настаивал на идейной близости Новгородцева к евразийству, Алексеев — лишь на «позднем славянофильстве» русского правоведа. Фигура Новгородцева важна и потому, что еще в начале 1920-х гг. ученого хотел привлечь к евразийству Г.В. Флоровский. «Привлечению» помешал Трубецкой, не увидевший отличий

Новгородцева от иных «старых грымз», «державших нос по ветру» [Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011/2012, с. 42, 46–46, 52]. Позже Трубецкой сожалел о таком отношении, но к ученикам Новгородцева — Б.П. Вышеславцеву и Н.Н. Алексееву — продолжал относиться с большим подозрением [Из писем Н.С. Трубецкого 2010, с. 298].

Многие письма Алексеева Савицкому включают в себя сообщения о личной жизни, сетования на двусмысленное положение в среде эмиграции: изолированность от советской и зарубежной культурной среды, которые не принимали его, не признавали «своим». Будучи отлучен от отечественной науки, автор не разделял «советологических» устремлений русской эмиграции, которые были присущи, к примеру, коллеге Алексеева по РЮФу Н.С. Тимашеву. Последний вместе с З. Бжезинским и В. Гурианом опубликовал статьи в знаменитых сборниках о проблемах тоталитаризма, где советский режим наряду с нацистским и фашистским клеймился как тоталитарный[9].

В таком контексте особенно важным становится отношение Алексеева к советской науке, прежде всего юриспруденции. Ученый сетует, что в главный юридический журнал СССР «Советское государство и право» по идеологическим соображениям — мол, статья написана «эмигрантом» — не приняли его статью о русском абсолютизме, после чего ее пришлось издать по-немецки. Впоследствии эта работа перерастет в небольшой труд об идеологии русского абсолютизма, изданный уже по-русски (см.: [Алексеев 1958]).

Амбивалентное отношение Алексеева к советскому режиму объяснимо, с одной стороны, его симпатией к роли СССР после 1945 г., с другой — осознанием своей «неуместности» в советском научном сообществе. Последнее обстоятельство, а также преклонный возраст ученого, привязанность жены и падчерицы к их месту работы, привычка к определенному стилю жизни, на наш взгляд, помешали автору вернуться в Россию. Алексеев умер в Женеве в 1964 г., за четыре года до смерти П.Н. Савицкого.

Для публикации были взяты письма Н.Н. Алексеева из личной коллекции П.Н. Савицкого, хранящейся в архиве Славянской библиотеки в Праге. Первое письмо Алексеева представляет собой краткую автобиографию с 1940 г. вплоть до даты отправки письма — 29 августа 1957 г. Прочие письма посвящены дореволюционному и эмигрантскому прошлому Алексеева, планам его работ, текущим событиям политической и личной жизни. Алексеев, например, упоминает о принятии к публикации своей рецензии в журнале «Советское государство и право», которую он написал под «французским псевдонимом». Однако текстов, соответствовавших этим характеристикам, в номерах «Советского государства и права» и даже чуть менее значимого в СССР «Правоведения», датированных 1957–1963 гг., найти не удалось.

Оригиналов писем П.Н. Савицкого к Алексееву в фондах Славянской библиотеки нет, поэтому в приложении печатаются их копии, сделанные для себя

---

[9] Помимо обсуждения основных тем, в письмах Н.Н. Алексеева упоминаются текущие политические события — стремительная и насильственная деколонизация, кризис на Ближнем Востоке, восприятие советских лидеров на Западе (приезд во Францию Н.С. Хрущева) и др.

Савицким (возможно, что последний при копировании редактировал и сокращал свои письма). Копию одного из посланий Алексееву Савицкий отправил Г.П. Струве в 1959 г.; она хранится в Гуверовском архиве, в пражской коллекции ее нет. Ю.Б. Мелих опубликовала эту копию в 2010 г. [Мелих 2010, с. 156–159].

В связи с тем что в настоящем издании публикуются лишь копии писем Савицкого, мы не можем выстроить переписку по хронологическому принципу (письмо — ответ). Чтение текстов будет напоминать кортасаровскую «Игру в классики», идеи и формулировки писем Алексеева лучше прояснять, обращаясь к копиям посланий Савицкого.

Письма Алексеева публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Некоторые нестандартно написанные слова и названия (Белоград вместо Белград, еллинистический, резюмэ) исправлены. Сокращенные слова раскрыты в угловых скобках, в них же помещены слова и фамилии, необходимые в качестве дополнения к основному архивному тексту. В письмах Н.Н. Алексеева без изменений сохранено подчеркивание, которым выделены отдельные слова, в приложении разрядка в тексте писем П.Н. Савицкого передана курсивом. Автор статьи благодарит директора Славянской библиотеки Лукаша Бабку за разрешение опубликовать архивные материалы.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Aleksejev — Aleksejev, Nikolaj Nikolajevic, Švýcarsko. Slovanská Knihovna, Praha. T-SAV-II/9 (5), (6), (22)

Florovskaja, Florovskij — Florovskaja, Ksenija Ivanovna (sestra V.I. Savické, manželky P.N. Savického); Florovskij, Georgij Vasil´jevic (švagr P.N. Savického), Cambridge, USA. Slovanská Knihovna. T-SAV-V/130 (1)

Minorskij — Minorskij, Vladimir Fedorovic, V. Britanie. Slovanská Knihovna. T-SAV-III/35

Savickij — Savickij, Petr Nikolajevič, Praha. Slovanská Knihovna. T-FLOR-IX/242 (7)

Suvcinskij — Suvcinskij, Petr Petrovic, Paríž. Slovanská Knihovna. T-SAV-V/117 (1)

Vernadskij — Vernadskij, Georgij Vladimirovic, USA. T-SAV-III/60 (22)

Алексеев 1926 — *Алексеев Н.Н.* Идея земного града в христианском вероучении // Путь. 1926. № 5. С. 20–41.

Алексеев 1927а — *Алексеев Н.Н.* Советский федерализм // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. V. С. 240–261.

Алексеев 1927б — *Алексеев Н.Н.* Народное право и задачи нашей правовой политики // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VIII. С. 36–42.

Алексеев 1927в — *Алексеев Н.Н.* Записка о суде // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. IX. С. 16–21.

Алексеев 1927г — *Алексеев Н.Н.* Евразийство и государство // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 31–39.

Алексеев 1927д — *Алексеев Н.Н.* Христианство и идея монархии // Путь. 1927. № 6. С. 15–31.

Алексеев 1927е — *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8. С. 21–57.

Алексеев 1927ж — *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927.

Алексеев 1928а — *Алексеев Н.Н.* Обязанность и право // Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. X. С. 19–26.

Алексеев 1928б — *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.

Алексеев 1936 — *Алексеев Н.Н.* Пути и судьбы марксизма. Берлин, 1936.

Алексеев 1937 — *Алексеев Н.Н.* Изобличенный Смердяков // Новая Россия. 1937. № 21. С. 11–12.

Алексеев 1938 — *Алексеев Н.Н.* О будущем государственном строе в России // Новый град. 1938. № 13. С. 89–114.

Алексеев 1958 — *Алексеев Н.Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, 1958.

Байссвенгер 2008 — *Байссвенгер М.* Метафизика Евразии // Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ. Прага, 2008. С. 9–14.

Белошевская 2011 — Воспоминания. Дневники. Беседы: (Русская эмиграция в Чехословакии) / сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Кн. 1. Прага, 2011.

Гачева 2005 — *Гачева А.Г.* Неизвестные страницы евразийства конца 1920–1930-х годов: К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167.

Дмитриев 2003 — *Дмитриев А.* Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920-е — 1930-е гг.) // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 211–256.

Из писем Н.С. Трубецкого 2010 — Из писем Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому // *Глебов С.* Евразийство: между империей и модерном. М., 2010. С. 177–556.

Ильин 1925 — *Ильин В.Н.* К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV. С. 305–317.

Ключевский 1918 — *Ключевский В.О.* История сословий в России: Курс, читанный в Московском университете в 1886 г. М., 1918.

Кривошеева 2003 — *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

Лубенский 1931 — *Лубенский С.* Евразийская библиография // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. VII. С. 285–317.

Мелих 2010 — *Мелих Ю.* Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию»: евразийство П.Н. Савицкого // Россия XXI. 2010. № 2. С. 124–159.

Новоженина 2002 — *Новоженина Л.И.* Государственно-правовое учение Н.Н. Алексеева: Дисс. ... канд. юридич. наук. Уфа, 2002.

О евразийстве 1925 — О евразийстве // Дни. 1925. 22 марта. С. 7.

Пашуто 1991 — *Пашуто В.Т.* Русские эмигранты в Европе. М., 1991.

Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода 1925 — Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода: в 2 т. М., 1925. Т. 1.

Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011/2012 — Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921–1924) // Записки Русской академической группы в США. 2011/2012. Т. XXXVII. С. 32–145.

Россия как особый исторический мир 1925 — Россия как особый исторический мир // Руль. 1925. 24 марта. С. 4.

Соболев 2008 — *Соболев А.В.* Об отношении евразийцев к фашизму // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб., 2008.

Татищев 1927 — *Татищев Н.В.* Евразийский семинар в Париже // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII. С. 44–45.

Трубецкой 2008 — *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008.

1

Orselino sur Locarno, Hôtel la Planta
29.VIII.1957. (мой адрес летний, временный),
а постоянный женевский:
Prof. N. Alexeiev, Chemin Vermont, Genève, Suisse.
Я вернусь уже в Женеву, когда Вы получите письмо.

Дорогой друг мой Петр Николаевич!

Вы не можете представить ту радость, которую я испытал, получив пересланное мне Ваше письмо. Я уже давно знал о Вашем возвращении в Прагу, знал и Ваш адрес, но не решался написать Вам, предполагая, что Вы, быть может, не хотите по тем или другим причинам восстанавливать наши старые отношения. На сделанный Вами почин немедленно Вам отвечаю. Прошло 20 лет, как мы виделись в последний раз, — и каких лет!.. Нет никакой возможности рассказать, что со мною было за те 16 лет, когда я получил от Вас последнее письмо в Югославии. Если все же начать рассказывать о себе, то лучше всего начать с конца — с настоящего моего жития-бытия. Вот уже 7 лет, как я живу в Женеве. Жена моя, Татьяна Павловна, которую Вы знаете и которая шлет Вам привет, служит в Организ<ации> Объедин<енных> Наций (европейское отделение) в настоящее время в качестве секретаря секции русских переводчиков. Моя падчерица, Маша, ныне советско-швейцарская гражданка («двуподданная»), служит там же в качестве переводчицы. Она замужем за швейцарским гражданином и имеет уже двухлетнего сына, так что я стал «дедушкой». Но и помимо этих матримониальных признаков я стал (или, по крайней мере, становлюсь) «дедушкой», так как мне сейчас 78 лет. Причисляю себя к «дедушкам» бодрым, не успевшим еще впасть в «рамолисмент»[1]. По-прежнему грызу книги и пишу, хотя печатаюсь редко. В Женеву мы попали в 1950 году после того, как советско-югославянские отношения испортились настолько, что, не дожидаясь, что меня арестуют или вышлют, решил подать прошение в Мин<истерство> нар<одного> просв<ещения> Сербской республики об увольнении меня из Белградского университета по возрасту. Меня отпустили с миром и даже с пенсией, которую я, конечно, не могу получать за границей. Вы знаете, что весной 1940 года я был избран гонор<арным> профессором Белгр<адского> университета, в каком качестве существовал до 6 апреля 1941 года, когда налетом германских «штук»[2] половина Белграда была разрушена и 11 000 граждан перебито. Мы спаслись каким-то чудом и попали в страшные годы германской оккупации, о которых не хочу вспоминать. Немцы выкинули меня из университета, как и других сербских профессоров, и моего приятеля Тасича[3], которому я обязан моей сербской карьерой, убили. 20 октября 1944 г. на Сербию начала надвигаться армия маршала Толбухина, и через несколько дней перед моими окнами стали советские танки — один из незабываемых дней моей жизни. В те дни в Белграде осталось мало русских эмигрантов — всех вывезли немцы в Германию. Мы решили, что останемся в приютившей нас стране, где вместе с некоторыми друзьями вынесли всю тяжесть оккупации. Я лично считал, что

у меня приблизительно 90 % за то, чтобы быть по моим эмигрантским заслугам расстрелянным или по крайней мере депортированным представителями советской власти; но оказалось не так — меня не только не расстреляли, но даже не допрашивали. Я был возвращен новым правительством в университет вместе с другими сербскими уволенными профессорами. С введением новых программ по московскому образцу мне было поручено читать тот же курс «Истории политических учений», который я некогда читал в Москве (на втором курсе юристов)[4]. Я думал, что так и кончу свои дни в Югославии, выслужу пенсию, перееду куда-нибудь на блаженное по климату далматинское побережье, буду ловить рыбу да стрелять вальдшнепов и перепелов, которые зимой налетают туда массами, — но в наши дни не удаются такие идиллии. Вместо этого я попал в Женеву.

С установлением в Югославии нового порядка после оккупации мне было предложено оптировать[5] по моему выбору советское или югославянское гражданство. Я оптировал советское — и ныне живу в буржуазной Швейцарской республике с советским паспортом, что ставит меня в трудное положение, особенно в смысле поездок и виз. Однако я успел побывать один раз в Париже и два раза в Германии. В Женеве я живу очень одиноко. Большинство моих эмигрантских знакомых предали меня скрытому, а иногда и открытому бойкоту. Эмигрантских «приятелей», очень многочисленных, я всех растерял. Более близкие из эмигрантов уехали на родину, в Союз, оттуда иногда пишут. Я сам бы уехал, но слишком стар. Служить там в 78 лет трудно, а на пенсию жить — тяжело.

Вот моя краткая повесть. Передайте привет мой Вере Ивановне[6] и напишите подробно о себе. Порываюсь написать Вам в конце письма — «до свидания», хотя Вы понимаете, что шансов больших на это нет, но кое-как некоторые все же имеются.

Любящий Вас Ник<олай> Алексеев

NB. Если у Вас есть недостаток в съестных припасах — кофе, какао, чай, шоколад и т. п. — также в дамских чулках «Нейлон» у В<еры> Ив<ановны> — то напишите, мы Вам без труда вышлем.

T-SAV-II/9 (1).

[1] От ramolli — слабоумный, находящийся в маразме (*фр.*). «Рамолами», «рамоликами» евразийцы часто называли старшее поколение. См., например: [Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921–1924) 2011/2012, с. 43].

[2] От нем. «Stuka» («Sturzkampfflugzeug») — пикирующий бомбардировщик.

[3] Тасич Джордже (Тасић; 1892–1943), сербский правовед. Профессор юридического факультета Белградского университета, до того работавший в Суботице и Любляне. Сторонник социолого-правового анализа юридических явлений. Арестован гестапо в ноябре 1941 г., расстрелян в августе 1943 г.

[4] Имеются в виду стандарты юридического образования, которыми пользовались в Российской империи и позже — в СССР и современной России. Курс истории политических и правовых учений традиционно читается специалистами кафедр теории и истории права для студентов 2–3-го курсов.

[5] Глагольная форма от слова «оптация», обозначающего процедуру выбора гражданства.

[6] Савицкая Вера Ивановна (урожд. Симонова; 1898–1960), супруга П.Н. Савицкого с 1926 г. Родом из Выборга. Окончила Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге. С 1921 г. в эмиграции, с 1922 г. жила в Праге.

2

Локарно-Орселина, отель «Планта»,
Tessin, Suisse
24.VIII.1958

Дорогой мой друг Петр Николаевич.

Простите меня за замедление обещанного письма. При переезде на новое «каникулярное» место первое время проходит в каком-то шатании и безделии, пока не привыкнешь к новой обстановке. Так и у меня в безделии прошли целых две недели, пока наконец не прикрикнул внутренно на себя и не решил приступить к делам. Еще в Женеве решил сообщить Вам конспект изготовляемой мною статьи (и уже начал этот конспект), заглавие которой Вам сообщал: «Философия, религия и наука». Имею план — не знаю, удастся ли его осуществить, — издать эту статью вместе со статьей «Природа и человек», копию которой Вы имеете и о которой вы прислали мне сочувственный и даже хвалебный отзыв под заглавием (общим): «Два религиозно-филос<офских> очерка». Они будут дополнением и отчасти исправлением литографированной книги моей «Мир и душа»[1]. Очень прошу Вас по прочтении этого конспекта прислать о «Философии, религии и науке» возможно полный и беспощадно критический отзыв. Статья смущает меня некоторыми высказанными в ней еретическими мнениями, в справедливости которых я сомневаюсь. Религиозно Вы гораздо более «опытный» и «испытанный» человек, чем я, и суждения Ваши я считаю для себя решающими. Так, если бы Вы сказали, что статью не следует издавать, я тотчас предал бы ее уничтожению. Кстати сказать, Вы спрашиваете мое суждение о Ваших стихах — так я в предполагаемой статье просто цитирую некоторые Ваши стихотворения.

Вот общий план статьи.

1) Определение, что такое философия. Лучше начинать не с школьных, логических «определений», но с характеристики тех людей, которые считают себя «философами»: «Философа отличает особое, свойственное ему переживание мира, в котором философски настроенный человек ощущает некоторую загадку, требующую разрешения путем <u>собственного</u> размышления и <u>собственного</u> опыта». Предметно «загадкой» для человека являются «последние вещи», крайние вопросы и проблемы человеческого знания. Среднего, «коллективного» человека вопросы эти не интересуют, и потому он не любит философии и не интересуется ею. Философствование есть дар немногих, а не человека толпы.

2) Устремление к «последним вещам» характеризует и религиозного человека — точка, в которой философия <u>соединяется и соприкасается</u> с религией. Но <u>разъединяет</u> их то, что философ стремится к познанию «последних вещей»

собственным разумом, религиозный же человек эмоционально переживает эти «последние вещи». Эмоциональное переживание «последних вещей», имеющее религиозный характер, есть вера. Веру нужно отличать от простых «верований», которыми полна человеческая жизнь. В религиозной вере всегда присутствует ощущение потусторонности (трансцендентности) сил, управляющих человеческими судьбами. Там, где такое ощущение отсутствует, религиозная вера превращается в простое «верование». Оттого неправильно называть «веру» в блаженное царство социализма на земле «религией», как это делает, например, Дезами[2]: «Универсальная коммуна — вот единственная религия... Она есть результат точного знания»...

3) Рациональный и критический подход к познанию «последних вещей» сближает философию с наукой. Наука стремится познать действительность как таковую — в полноте ее проявлений. Для науки безразлично, о какой действительности идет речь — о физической природе, душевных переживаниях, религиозных верованиях и т. п. Религия же заботится о том, что можно назвать «спасением» человека — «спасением» от смерти (о «вечной жизни»), от болезней, несчастий физических и моральных. Религия живет верой, что такое «спасение» возможно и непременно наступит. Наука хочет знать, имеются ли какие-либо основания для подобной веры. Наука может прийти к выводу, что таких оснований нет, для религии такое признание является крушением веры, т. е. актом религиозно нежелательным. Таким образом, между религией и наукой возможны конфликты, разрешение которых зависит от состояния научных знаний в данной исторической ситуации.

4) Нужно отличать атеизм от неверия в абсолютном смысле этого слова. Понятие «атеизм» образовано по противопоставлению «теизму», т. е. вере в личного Бога. Однако существовали люди, отрицающие существование Бога как личности, но не чуждые верованиям, даже религиозным. Спинозу, например, с его «Deus, sive Natura»[3] часто называли «нечестивым атеистом», но Спинозе далеко не чужды были верования, имеющие даже религиозно-мистический характер, унаследованные им от еврейской средневековой мистики. Существование нерелигиозных верований легко обнаружить у многих атеистов. «Если нет бога, создавшего вселенную, и слава ему, — говорит один из родоначальников русского марксизма П.Б. Аксельрод[4], — что его нет, ибо царям мы можем хоть отрубить голову, а против деспотического Еговы уже совсем ничего нельзя поделать, — то подготовим появление породы богов на земле, существ всемогущих разумом и волей, наслаждающихся сознанием и самосознанием, способных мыслью объять мир и править им, — вот психологическая основа всех моих духовных и социальных стремлений, помыслов и действий». Вот характерное признание имеющего верования атеиста.

5) Абсолютное безверие есть явление, довольно редко встречающееся в истории человеческой мысли. Наиболее последовательно оно проведено и обосновано в философской школе современных экзистенциалистов, родоначальником которой является немецкий философ Гейдегер[5], а последователем и до некоторой степени плагиатором известный французский литератор Сартр[6]. Философская

задача Гейдегера — разрушение понятия «бытия» (нем. «das Sein», франц. «être») как основы всей предшествующей философии, которая была онтологией, т. е. учением о «τo όν», о «бытии». «Ничто» («das Nichts»), говорит он, первоначальнее, чем «бытие», «ничто» есть полное отрицание всеобщности бытия (der Allheit des Seinden). Экзистенциализм есть высшая ступень утверждения бессмыслицы и ненужности человеческого существования. Для него единственной, неоспоримой реальностью для человеческого познания является смерть, неотвратимая возможность и необходимость которой таится в человеческом существовании (ср. Мориак[7], Les chemins de la mer, 1939, P., 1939). Свидетельства сходных настроений существуют и в древней литературе: «Все произошло из праха, и все возвратится в прах»... «Участь сынов человеческих и участь животных одна; как те умирают, так умирают и эти, и нет у человека преимущества перед скотом...». «Потому что все суета»... «в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости»... Автора этих строк спасает от принципиального самоубийства то, что он в конце концов верит, что дух человеческий должен «воротиться к Богу, который дал его». Современным экзистенциалистам нужно посоветовать только одно — постараться пробудить в себе те духовные эмоции, которые являются основой всякой религии.

6) Всяким духовным эмоциям в отличие от простых ощущений свойственен некий интеллектуальный элемент в виде идеологических представлений, духовных образов, идей и понятий, с эмоциями этими связанных. Это и отличает духовные эмоции от элементарных чувствований, ощущений, похотей и волений, которые направлены на дополняющие их физические или психические объекты («хочу есть») или связаны с дополняющими их объектами («болит рука»), но не имеют никакого духовного содержания. Так, содержанием эстетических эмоций является идея «прекрасного», идея «красоты», содержание моральных эмоций — идея добра и справедливости, религиозных эмоций — идея Божества или Божественного закона. Совокупность подобных идей составляет область духовной жизни и духовного творчества человека. Идеи, как правильно замечает Маркс, «не существуют оторванно от языка». Оттого животные, бессловесные твари, не имеют идей и не могут иметь религии, философии, науки и т. п. Язык есть орудие духовной жизни людей, он не является «надстройкой» над «экономическим базисом», он «не порожден тем или иным базисом», но порожден «всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков», «создан не одним классом, а всеми классами» (Сталин, Известия, 21 июня 1950 г., № 146). Взгляд на религию как на «опиум народа» и «орудие классового угнетения» должен быть исправлен согласно той новой эволюции, которой подверглась в настоящее время марксистская догма.

7) Интеллектуальный элемент религиозных эмоций образует то, что является теологией данной религии. Теология есть сумма общих представлений и полученных в результате их логической обработки общих понятий о Божестве. Тесно связанная на ранних ступенях религиозного развития с религиозными эмоциями теология обособляется позднее в особую, отвлеченную доктрину, которая может при известных условиях вытеснить из религиозного сознания людей всякий

эмоциональный элемент[9] и превратиться в ряд сухих формул, лишенных всякого религиозного чувства. Этим объясняется, почему отлично вышколенный теолог в доктрине может быть в душе атеистом и почему многие заправские теологи часто не любят мистики, через которую живое религиозное чувствование может потрясти твердость установленной богословской догмы. Объясняется, наконец, почему социально-политические режимы, основанные на исключительном господстве теологических догм, духовно так схожи с режимами, созданными на исключительном господстве догм антитеологических, атеистических: и там, и здесь родится идеологический тоталитаризм, стремящийся истребить все, что догмам не соответствует и что является свободным проявлением внутренних чувствований и настроений человеческой души.

8) Первоначальная теология различных религий создается под влиянием представлений, заимствованных из социальной жизни первобытных обществ. Особо распространенной здесь является патриархально-семейная схема, повторяющаяся в религиях многих народов: «Бог-Отец», наименование, присвоенное в греко-римской терминологии многим богам, Зевсу, Юпитеру, Нептуну, Сатурну и т. п.; Бог — небесный царь, владыка, господин; «рабы» — его подданные («Исход», 32, 13; «Левит», 25, 42 и др.); подданные как «сыны божьи» («Израиль есть сын мой, первенец мой», «Исход», 4, 22; 31, 9 и др.); народ как божье государство, как «царство божие» (Дан. 2, 44: «Бог небесный воздвижет царство, которое во века не разрушится... оно сокрушит все царства, а само будет стоять вечно»). Сюда примешиваются далее представления, заимствованные из первобытного анимизма как философии и религии, распространенной у всех древних народов. Так родится понятие «духа», «духа Божия» (греч. «пнейма»), «дух» мыслится как первоначальное существо, иногда — как «сила». «Духам» приписывается способность вселяться в другие существа, в людей, в животных, придавая им различные способности, мудрость, разумность, знания, бесноватость. Такова теология Ветхого Завета, которая в значительной степени переходит и в христианство. Но уже в 4-м Евангелии и в «Посланиях» апостольских чувствуются новые, главным образом эллинистические влияния. Вводятся новые понятия, целиком заимствованные у греческих философов, прежде всего неоплатоников и стоиков, отчасти у гностиков: 1) понятие «духа» приобретает более выраженный персональный смысл, Дух именуется «Параклетом» (так назывались в Афинах «адвокаты»), становится высшим принципом, чем «душа», носительница витального начала (у Филона[8] «Параклетом» называется «Логос»); 2) понятие «ума» (греч. «нус»), противопоставленное «духу», вводится для особого обозначения интеллектуальной деятельности и приобретает существенное значение в патристике (1 Кор. 14, 14: «когда молюсь на иностр<анном> языке, то дух мой молится, но ум мой (греч. "нус") остается без плода»... «стану молиться духом, стану молиться и умом»); 3) понятие «логоса», происхождения стоического, от древних стоиков (Клеант около 275 г. до Р. Х.) перешедшее к Филону, вводится в известном «Прологе» к 4-му Евангелию, редко встречается в первонач<альной> христианской теологии, но по мере ознакомления христиан с греческими философами становится ходячим понятием богословской литературы; см. Юстин-философ[9], который утверждал, что христиане проповедуют то же

самое, что и языческие философы, и учил, что Христос есть «первородный Логос», а человеческий род — «сперма», «семя» Логоса; понятие «сперматического логоса» становится любимым понятием позднейших отцов церкви; 4) чисто стоическое понятие внутреннего, морального закона, написанного в сердцах, при помощи которого ап. Павел борется с абсолютизацией внешнего закона у евреев (Рим. 2, 15 и сл.); 5) из греческой философии взяты понятия «сущности» (греч. «узии», Платон, Федон, 78с; Арист<отель>, «О душе», II, 1, 3) и «ипостаси», причем смысл первого из них не изменен христианами, смысл второго — изменен — «ипостась» приобретает у них значение «индивидуальной субстанции» (отсюда учение о двух сущностях человека, общей и индивидуальной, человека «в его полноте» и «человека индивидуального», понятие о котором впервые возникло у стоиков); 6) наконец, число три, игравшее особую роль в диалектике неоплатоников (Прокл[10]), придало философский смысл семейно-патриархальному аспекту первоначальных христианских представлений о божестве.

9) Мы видим, что теология оперирует с теми же самыми понятиями, что и философия идеалистической школы. Понятия эти в философии служат познавательным целям, в теологии же — целям религиозно-эмоциональным, вере в спасение человека, потребности поклонения объектам веры, почитания их и т. п. (см. выше пункт 2 и 3). Материалистическая школа в философии отвергает названные понятия, считая их ненаучными и строя свою философию на понятиях, будто бы заимствованных у науки (материя, атомы, движение, пространство, время, причинность, естеств<енный> закон и т. п.). Однако мутационный период, переживаемый современными физическими теориями, в корне изменил содержание названных понятий: «материей», «атомом», «пространством», «движением» и т. п. современная физика считает совсем не то, чему учили материалисты начиная с Демокрита и Эпикура и вплоть до конца прошлого века. И возникает вопрос: должна ли новейшая физика сохранить старое, резко отрицательное отношение к идеям идеалистической школы, какое имели к ним многие старые представители естествознания? Мы указывали выше (п. 1), что философа отличает стремление к познанию «последних вещей», и это сближает философию с религией (п. 2). Но как раз к познанию «последних вещей» подошла и современная физика. При изучении физического мира перед ней раскрылась идея «антимира», в котором, по крайней мере в принципе, все не так, как в нашем мире, говоря философскими терминами, как в «умном мире» Плотина, или в христианских символах, где «первые будут последними, последние первыми». Для современной физики не является нелепостью утверждение, что может существовать иная материя, чем наша, с иной структурой и иными законами, как у ап. Павла: «есть тела небесные и тела земные, но иная слава (в греч. тексте «иные свойства») небесных, иная земных»... «не всякая плоть такая же плоть» — идеи, почерпнутые апостолом у греч<еских> философов. Мы говорили, что идея трансцендентности не отмыслима от религии (п. 2), но эта идея не чужда новейшей математике и физике (примеры в моей «Мир и душа»). Современных астрономов не шокирует мысль, что в бесконечных небесных пространствах «из ничего» родятся новые миры необъятной величины. Мы видим, что происходит некоторое сближение новейшей науки с философией

и религией и что в эмоциональном элементе религиозной веры таятся некоторые прозрения, подтверждаемые позднейшим научным творчеством (этот последний мотив настоящей статьи созвучен мыслям, изложенным в статье «Природа и человек у русских вольных теософов»).

Таковы на память изложенные мысли моей работы, которой занимаюсь последнее время. Первая глава моих «Воспоминаний» увидела свет в кн<иге> LIII «Нового журнала»[11]. Появился наконец B<an>d. 6 «Forschungen zur Osteurop<äischen> Geschichte» h<erau>sg<egeben> H. Jablonovsky und W. Philipp, который начинается моей статьей «Beitrage zur Gesch<ichte> d<es> Russ<ishes> Absolutismus»[12]. В немецкий журнал попала эта работа после тщетных моих попыток проникнуть в советскую литературу. Оставалось статью, над которой, как Вы убедитесь, работал долго, или сдать в архив, или прибегнуть к иностранной печати. Не осуждайте меня за «оппортунизм». Оттисков я еще не получал, как получу, вышлю. Обещанное Ваше длинное письмо еще не дошло до меня. Пишите, дорогой друг мой Петр Николаевич, не забывайте меня. Вере Ивановне и «ребятам» Вашим мой привет.

Сердечно преданный и любящий Вас Ник. Алексеев

Мы уезжаем отсюда 30 авг<уста>.

T-SAV-II//9 (2).

[1] Труд Алексеева «Мир и душа» был издан под псевдонимом Н.Н. Колянский в Женеве в 1953 г.

[2] Дезами Александр Теодор (Dézamy; 1808–1850), французский философ, публицист, теоретик социализма и коммунизма. В сочинении «Кодекс общности» («Code de la Communauté», 1842) развил учение о коммуне.

[3] «Бог, или Природа» (*лат.*).

[4] Аксельрод Павел Борисович (1850–1928), революционер, деятель Российской социал-демократической рабочей партии. Н.Н. Алексеев с мелкими неточностями и ошибками приводит цитату из письма П.Б. Аксельрода к Г.В. Плеханову. Правильно: «Если нет бога, создавшего вселенную, — и слава ему, что его нет, ибо царям мы можем хоть обрубать головы, а против деспотического Еговы уже совсем ничего не поделаешь, — то подготовим появление породы богов на земле, существ, всемогущих разумом и волей, наслаждающихся сознанием и самосознанием, способных мыслью обнять мир и править им, — вот психологическая основа всех моих помыслов и действий» [Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода 1925, с. 192–193].

[5] Хайдеггер Мартин (Heidegger; 1889–1976), немецкий философ. Сам М. Хайдеггер, прошедший через феноменологическую школу Э. Гуссерля, отрицал свою принадлежность к экзистенциализму, хотя основания для сближения его с философами-экзистенциалистами были, а его влияние на ряд французских мыслителей трудно отрицать. Н.Н. Алексеев, когда пишет о «разрушении» Хайдеггером понятия бытия, подразумевает прежде всего его знаменитую книгу «Бытие и время» («Sein und Zeit», 1927).

[6] Сартр Жан-Поль (Sartre; 1905–1980), французский философ-экзистенциалист, писатель. Ряд идей, схожих с философией М. Хайдеггера, Сартр развил в книге «Бытие и Ничто» («L'Être et le néant», 1943).

[7] Мориак Франсуа (Mauriac; 1885–1970), французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1952 г. Н.Н. Алексеев ссылается на его роман «Дороги к морю»

1939 г. («Les Chemins de la mer»; в русском переводе роман известен под названием «Дорога в никуда»).

[8] Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.), иудейский религиозный мыслитель, апологет, богослов. Н.Н. Алексеев подразумевает учение о Логосе, которое разработал Филон Александрийский, с тем чтобы соединить иудейское вероучение с идеями древнегреческой философии.

[9] Иустин Философ (ок. 100–165), христианский мученик и апологет, развивал учение о Логосе в сочинении «Первая апология».

[10] Прокл (412–485), античный философ, неоплатоник, руководитель платоновской Академии. Вероятно, Н.Н. Алексеев имеет в виду «Первоосновы теологии» Прокла, в которых активно используется принцип триады.

[11] *Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188. Публикация воспоминаний была продолжена в последующих номерах журнала: 1958. № 54. С. 148–163; № 55. С. 160–175; 1959. № 57. С. 191–205.

[12] «Исследования по истории Восточной Европы», изданные под ред. Г. Яблоновски и В. Филиппа <...> «Очерки по истории русского абсолютизма» (*нем.*).

3

Женева, 3/4 янв<аря> 1959 г.

Милый и дорогой мой друг Петр Николаевич.

Из Вашего последнего письма (от 17 декабря, предшествующее письмо написано было 2 сентября) следует, что Вы ведете оживленную переписку с Востоком[1] и из этой переписки сообщаете мне маленькую копию Вашего письма к владыке Владимирскому[2] (от декабря 1958 года), — копию, в которой чувствуется крайняя Ваша тревога за будущее. Со мной же, западным жителем, переписка у Вас оборвалась на 2 с половиной месяца. За этот долгий промежуток времени, месяца полтора тому назад, я послал Вам краткий запрос, что с Вами случилось? Из Вашего письма следует, что Вы запроса этого не получили. У меня постоянная мысль, что климат, в котором Вы живете, не благоприятствует Вашей переписке с Западом, и потому такую переписку не следует форсировать. Этим и объясняется мой вопрос к Постникову[3] — спросить Вас, почему Вы мне не пишете?

Каждый человек рассматривает мир с той личной перспективы, которая перед ним открывается. Должен Вам сказать, что с моей личной перспективы — и не только с моей, но и с «нашей» (говорю о Т<атьяне> П<авловне> и о некоторых близких мне здесь людях) — обстановка мировая видится мною не в тех катастрофических чертах, которые побудили Вас написать: «если только буду жив в ближайшие недели» и просить у Владыки чуть-чуть ли не предсмертных молитв. Если бы Вы видели ту «рвань», которую представляет из себя немецкая армия (а я ее видел!), то Вы не написали бы, что немцы готовятся нанести нам новый удар. А сообщенное нам вчера известие, что русская «ракета», одолевшая уже сегодня половину расстояния до Луны (175 000 километров), показывает, что и американцев нам нечего бояться. Все мы под Богом ходим и к тому же живем в «бурные времена»[4], я же даже в мои без трех месяцев 80 лет не впадаю в предсмертное уныние.

Неделю тому назад, 22 декабря, меня по телефону известили о кончине Е.Д. Кусковой[5]. 24 декабря были «похороны» (если только назвать это похоронами). Тело было сожжено в здешнем крематории. Мне этот способ «погребения» всегда представлялся чрезвычайно мрачным. А здесь он был особенно мрачен оттого, что людей, провожавших милую мне Е.Д., было крайне мало, жена покойного Карцевского[6] (Вы его знавали по Праге) попробовала произнести речь, но сбилась и запуталась, на улице была женевская «биза»[7] и шел проливной дождь. На душе было скверно до тошноты. Для меня смерть Е.Д. — большая потеря. С ней можно было поговорить, поспорить, покричать, а теперь вокруг — полная пустота. Я послал в Париж в паршивую русскую эмигрантскую газету «Русская мысль» экспресс, где высказал о покойной несколько добрых слов. Напечатали, а при жизни все ругали. Обзывали «большевичкой», «кусцихой» и т. п.

Я за эту осень сильно переболел. Два раза начинался бронхит, угрожавший воспалением легких, но, слава Богу, предупредили пенициллином, что очень расслабляет. И теперь еще хриплю и кашляю. В последних двух книгах «Нового журнала» появились первые главы моих воспоминаний[8]. Не знаю, как дальше пойдет печатанье — издатель и редактор М.М. Карпович[9] болен, по-моему смертельно[10]. Если он умрет, с ним погибнет все предприятие, так как наследников настоящих нет. Если хотите, я вышлю Вам эти первые главы, вырвав из соответ<ствующих> №№ журнала. Соответствующих книг целиком высылать Вам не хочу — уж очень там много «живаговщины»... Фридиев[11] написал большую и очень хорошую рецензию на мои «Beitrage zur Gesch<ichte> des russ<isches> Absolutismus» для январского № «Revue de droit compare».

Что я делаю? Сижу над резюме моей философской «системы» (!?) — в полном сознании, что она едва ли кому-нибудь нужна. Кое-что из этого я Вам уже сообщал — и Вы обещали написать мне Ваши замечания, и теперь еще обещаете. Буду ждать. С болезнью многое не ладится и не складывается. Надеюсь, что сумею напечатать на ротаторе, но и это сейчас под сомнением: цены в Швейцарии на все поднялись за последнее время втрое, и из состояния изобилия, которое было три года назад, мы незаметно переходим на режим скудости. Когда кончу мою «философию», буду завершать мои «Мемуары». Я их довел до 1917 года, и теперь хочется мне подробно и по возможности углубленно изложить воспоминания о революции 1917 и послед<ующих> годов. Для потомков, может быть, это будет самым любопытным, — но для потомков, разумеется, отдаленных.

Просьба моя к Постникову относительно отыскания сочинения А.Н. Фатеева[12] о Сперанском объясняется тем, что у меня есть утопическая надежда приготовить второй выпуск моей опубликованной на нем<ецком> языке статьи о русском абсолютизме. О декабристах у меня материал есть, а о Сперанском — ничего. Без Сперанского нельзя, а где его взять? Но думаю, что на это предприятие жизни моей не хватит и я понапрасну беспокою только людей моими просьбами.

В сегодняшних газетах сообщается, что русская ракета делает 11 километров в секунду — побила американский рекорд. В красной записочке, приложенной к Вашему последнему письму, Вы, между прочим, пишете: «Мы на переднем крае. Отсюда до “демаркационной линии” между Востоком и Западом не будет и трехсот

километров»... Милый мой Петр Николаевич, не пора ли изменить мерки? Если ракета делает 11 километров в секунду, то, значит, в минуту она делает 650 километров. Допустим, что «Зубова поляна»[13], из которой Вы выехали в 1956 году, отстоит от «западных границ» в 3000 километров, — это значит, что ракете нужно приблизительно 4 минуты, чтобы быть на русско-немецкой границе. Выходит, что Владимир на Клязьме такой же «передний край», как и Прага, даже, в некотором смысле, более передний, так как с герм<ано>-чешской границы никто подобных ракет пускать не станет, а вот из Флориды подобное чудище может разорваться над Вами ранее, чем Вы услышите звук взрыва... Следует бросить все старые «демаркационные линии»...

Обнимаю Вас крепко, прошу передать привет всем Вашим и поздравляю с Р<ождеством> Х<ристовым>. Ваш Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (3).

[1] Под «Востоком», вероятно, имеются в виду адресаты из СССР. Далее Алексеев, возможно, намекает на то, что его переписка с Савицким досматривалась. П.П. Сувчинский в письме Г.П. Струве упомянул, что письма от Савицкого «приходили распечатанными» [Мелих 2010, с. 150].

[2] Подразумевается епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии Афанасий (Сахаров; 1887–1962), с которым переписывался П.Н. Савицкий. Епископу Афанасию П.Н. Савицкий посвятил стихотворения «Имя» и «Яблоко» (Грани. 1958. № 39. С. 87–88).

[3] Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965), литератор, политический деятель. Выпускник Архангельской духовной семинарии. Примкнул к партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1912 г. основал журнал «Заветы», в 1917 г. — газету «Дело народа», ставшую центральным органом партии эсеров. Член Учредительного собрания. С 1921 г. в эмиграции, с 1922 г. жил в Берлине, с 1923 — в Праге, редактировал журнал эсеров «Революционная Россия». В 1945 г. арестован, отправлен в СССР, приговорен к пяти годам заключения. После освобождения жил у сестры в Никополе, в 1957 г. вернулся в Прагу.

[4] Аллюзия на название мемуаров Н.Н. Алексеева в нью-йоркском «Новом журнале».

[5] Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), общественный деятель, публицист. Активистка революционного движения. Член Союза русских социал-демократов за границей, затем Союза освобождения, после 1905 г. основала внепартийную группу «Без заглавия». После 1917 г. выступала противником большевиков. В 1921 г. выслана из Москвы в Вологодскую область, в 1922 г. — из России. В эмиграции жила в Германии, Чехословакии, Швейцарии, продолжала заниматься общественной деятельностью.

[6] Карцевский Сергей Иосифович (1884–1955), языковед. С 1919 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, участник Пражского лингвистического кружка. В 1927 г. защитил диссертацию в Женевском университете и переехал в Швейцарию. В 1941–1950 гг. вице-президент Женевского лингвистического общества.

[7] Бизой (фр. bise) в Швейцарии называют северный холодный ветер.

[8] *Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188; № 54. С. 148–163.

[9] Карпович Михаил Михайлович (1887 (или 1888)–1959), историк. С 1917 г. жил в США, в 1917–1924 гг. секретарь Б.А. Бахметева. С 1927 г. преподавал русскую историю в Гарвардском университете. В 1943–1959 гг. редактор «Нового журнала». В конце 1940-х — начале 1950-х гг. председатель РСХД в США.

[10] Г.В. Вернадский впоследствии написал П.Н. Савицкому, что М.М. Карпович умер 7 ноября 1959 г. в туберкулезном санатории в Кембридже (США). См.: (Vernadskij).

[11] Фридиев Михаил Евгеньевич (1895–1974), юрист. Выпускник Русского юридического факультета в Праге, специалист в области государственного права. Долгое время жил в Париже, печатался во французских юридических изданиях. См. советскую рецензию на журнал, в котором многие статьи написаны М.Е. Фридиевым: *Рабинович Н.В.* <Рец.:> Revue internationale de droit comparé // Изв. высших учеб. заведений. Правоведение. 1961. № 2. С. 162–168. Наличие этой рецензии опровергает мнение Н.Н. Алексеева, что советская наука пренебрегала русскими эмигрантами, однако она действительно могла их воспринять как часть иной национальной академической традиции, в данном случае — французской.

[12] Вероятно, речь идет о труде юриста Аркадия Николаевича Фатеева (1871–1952) «Сперанский — генерал-губернатор Сибири» (Прага, 1942).

[13] Поселок в Мордовии.

4

Женева
12 янв<аря> 1959 г.[1]

Милый и дорогой друг мой Петр Николаевич.

Отвечаю с некоторым запозданием на Ваше письмо от 7 января, — ранее не мог, были другие срочные деловые письма. Писать письма я не большой охотник, корреспондентов у меня не много. Пишу или самым близким мне людям, или по деловым отношениям. Эпистолярной страсти у меня нет. Удивляюсь тем людям, которые оставили после себя целые томы писем, — напр<имер>, Лейбниц, который переписывался со всеми королевами и знаменитыми людьми его эпохи, а под старость всеми был позабыт и умер в одиночестве и нищете. Уж лучше просто быть позабытым и умереть — без эпистолярности...

Прежде всего, самая важная для меня мысль, высказанная, но недоразвитая в прошлом письме: «нужно изменить измерения»... В моем письме я говорил об измерениях пространства. Важнее измерение времени. Современная наука говорит, что жизнь родилась на земле 2 миллиарда лет тому назад. Рыбы родились 300 миллионов лет тому назад, амфибии — 250 милл<ионов> лет, птицы — 150 милл<ионов>, млекопитающие — 90 миллионов, человекообр<азные> обезьяны — 65 милл<инов>, человек — 1 миллион (так наз<ываемый> «Архантропос»). После него в течение 900 000 лет не удалось открыть ни одного следа человекообразных обезьян до так наз<ываемого> «не<о>антропоса», который родился приблизительно 30 000 лет тому назад, предположим 1 янв<аря> тридцать тысячного года. Теперь, для упрощения, будем считать каждые 2500 лет за один месяц, след<овательно>, по этому расчету (30 000 : 2500 = 12) родился он в начале первого месяца. Христос родился по этому расчету приблизительно в первой четверти двенадцатого месяца (по реальному счету в 29 041 году, начиная с года 30 000). Приблизительно, по сокращенному расчету, в 29-й день двенадцатого месяца Людовик XVI[2] вступил на трон. В 30-й день того же двенадцатого месяца Уатт[3] изобрел паровой котел. В 16 часов того же месяца и дня открылось движение на первой жел<езной> дороге во Франции. 31-го дня того же месяца

в 5 ч. Эдисон[4] изобрел первую электрич<ескую> лампу. В 14 ч. 12 м. того же дня Блерио[5] перелетел Ла-Манш. В 16 ч. 40 м. началась Первая мировая война. И наконец, в полночь этого дня разорвалась первая атомная бомба в Хиросиме. Это сокращение показывает, как сократилось и сконцентрировалось время мировых событий за последние 200 лет, — как они подходят к точке, которая предвещает нечто необыкновенное — или конец всего, или начало чего-то абсолютно нового. 30 египетских династий существовали 40 веков, и в течение этих веков не случилось ничего, подобного полету Блерио или Хиросиме. Если, как я писал, сокращаются пространств<енные> измерения, то в то же время параллельно сокращаются и измерения временные.

Вы пишите, что наступает русский период мировой истории. Я смотрю на вещи более «апокалипсически»: наступают страшные времена «начала» или «конца». «Русский период» — это слишком просто, вроде «греческого периода», «римского периода», «эллинистического периода» — в измерениях обычной, прошлой человеческой истории. Теперь мы стоим перед необычным. Несколько водородных бомб, брошенных руками какого-то безумца, может вообще навеки прекратить жизнь на земле. Кого мыслить таким безумцем — Кириллова из Достоевского или нациста, сторонника мрачной тевтонской религии? Это мне все равно. Важна самая возможность, открывшаяся в «атомный век». И важно то, что кто будет, который сможет осуществить другой, оптимистический вариант земной истории, вариант новой жизни, а не всеобщей смерти? Я этого не знаю.

Теперь о другом — о присланных Вами вырезок из Вашей переписки[6]. Они интересны, хотя я очень мало знаю о Ваших «кочевниках». Я всецело разделяю мысль Льва Николаевича <Гумилева> о «большом преимуществе» — я бы сказал, «большей культурной ценности» — культуры греко-римской по сравнению с культурой Ваших «кочевников», которая религиозно и философски дала очень мало. Впрочем, главным образом нужно говорить о культуре греческой, которую завоеватели и хорошие солдаты, «римляне», впитали во время Сципиона Африканского[7]. Предварительно они разрушили загадочную и высокую культуру этрусков, заимствовав от нее только несколько имен древних их богов, которых присоединили к греческому Олимпу. Говоря о положительной роли «завоевателей», не нужно забывать Александра Великого, который разнес эллинизм во всей юго-восточной части Европы и по всей Малой Азии вплоть до индийских границ. Даже такие упорные «нацисты» и «фанатики», которыми были евреи, впитали в себя влияния этого эллинизма. Смотри Филон Александрийский, стремившийся превратить Моисея в платоника, и Деяния Апостолов, 9, 29, где говорится о еврейских «эллинистах» — текст, подтвержденный новыми документами, найденными недавно при раскопках около Мертвого моря[8].

Возражая Л.Н. <Гумилеву>, Вы настаиваете на влиянии Севера на Юг. Но религиозные верования, о которых вы оба говорите, относятся к 8–9 веку нашей эры. За две-три тысячи лет до Р. Х. в землях азийских существовали религиозные верования (сумерийцев[9]), которые оказали влияние на древнюю религию евреев и могли дойти до Сибири. В течение второго тысячелетия до Р. Х. в Индии распространилась политеистическая религия Вед, в к<ото>рой уже заметны следы моно-

теизма (так наз<ываемый> «хенотеизм») и религиозного дуализма, перешедшего позднее в персидскую религию. Говоря о влиянии «алтайского дуализма» на Юг, Вы упускаете из вида, что дуализм этот много ранее той эпохи, о которой Вы говорите, уже существовал на Юге и мог отсюда переселиться на Север.

Очень мне было интересно узнать, что, по мнению Л.Н. <Гумилева>, «индийские и персидские влияния находили в Средней Азии надлежащий отклик», что «буддизм, манихейство, несторианство легко понимались не только в оазисах, но и в кочевьях» и т. п.

Что Российская академия наук была учреждением безобразным — с этим я вполне согласен. Но сомневаюсь, чтобы Артемий Волынский[10] был для нее большим приобретением. Достаточно прочитать его «инструкцию» крепостным мужикам, чтобы понять, какую «политическую экономию» он мог развивать в Академии.

Екатерина Дмитриевна <Кускова> умерла тихо — сердце перестало работать. В швейцарских газетах никто не помянул ее кончины — даже Б.А. Никольский[11] (которого Вы должны знать). При жизни он играл в «друга», выжимая у Е.Д. информацию и перепечатывая ее в швейцарских газетах. А написать некролог побоялся: скажут, что общался с «большевичкой».

Обнимаю Вас крепко, дорогой друг Петр Николаевич, и прошу передать приветствия наши Вере Ивановне и всей семье.

Преданный Вам Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (4).

[1] Дата написана на письме в верхнем правом углу рукой П.Н. Савицкого.

[2] Французский король Людовик XVI правил с 1774 по 1792 г.

[3] Уатт Джеймс (Watt; 1736–1819), шотландский инженер, изобретатель. В 1782 г. изобрел паровую машину двойного действия.

[4] Эдисон Томас (Edison, 1847–1931), американский изобретатель. В 1879 г. изобрел электрическую лампу накаливания с угольной нитью, ставшую основой для системы электрического освещения.

[5] Блерио Луи (Blériot; 1872–1936), французский изобретатель, авиатор. 25 июля 1909 г. впервые перелетел пролив Ла-Манш.

[6] В архивном фонде П.Н. Савицкого (Славянская библиотека в Праге) хранятся перепечатанные на машинке отдельные фрагменты из писем Л.Н. Гумилева, которые Савицкий высылал для ознакомления своим друзьям, в том числе Н.Н. Алексееву.

[7] Римский полководец Публий Корнелий Сципион Африканский жил в 235–183 гг. до н. э.

[8] Н.Н. Алексеев имеет в виду кумранские рукописи, найденные начиная с 1947 г. при археологических раскопках в пещерах Кумрана около Мертвого моря.

[9] Современная общепринятая транскрипция — «шумеры», а не «сумерийцы». Шумеры — народ, живший в южной Месопотамии в IV–III тысячелетиях до н. э. и создавший первую известную письменную цивилизацию. Религия шумеров включала пантеон богов во главе с богом-царем.

[10] Волынский Артемий Петрович (1689–1740), русский государственный деятель, дипломат. В 1738–1740 гг. кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны.

[11] Никольский Борис Александрович (1885–1969), историк, журналист, переводчик. Выпускник Петербургского политехнического института. С 1917 г. на дипломатической

работе в Швеции. С 1919 г. жил в Швейцарии, в Женеве. В 1921–1924 гг. — в Италии и Германии, затем вернулся в Швейцарию, где работал журналистом и переводчиком, преподавал в Женевском университете.

5

Женева, 11 марта <1959 г.>

Дорогой мой друг Петр Николаевич,

не отвечал Вам так долго на последнее Ваше длинное письмо главным образом потому, что оно ввело меня в большое смущение. Не знал даже, что ответить. Вероятно, мысли мои в письме от 12 янв<аря> изложены были очень плохо, что и привело к некоторому недоразумению. Впрочем, Вы констатируете, что мое письмо от 12.I «произвело большое впечатление не только на меня, но и на всех, кто его читал». Чем же объясняется это «большое впечатление»? Я думаю, констатированием несомненного факта, что «ускорение» жизни в современной культуре достигло своего предела. Современная техника изобретением радио, беспроволочного телеграфа, ракетных аэропланов и т. п. достигла того, что для современного человека кажутся преодоленными время и пространство. «Кажутся» — на самом-то деле они продолжают по-прежнему существовать — и эта «кажимость» нарушает естественное положение человека в мире, порождает в нем искаженную установку к Вселенной. У какого прошлого человека это наблюдалось? И как можно сравнивать с этим «поворот истории» вследствие «моментальной мутации» при переходе к «неолиту». Главное, при этом переходе ничего «моментального» не было, а целые тысячелетия прошли с тех пор, как прошлый человек от собирания естественных плодов и ловли зверей перешел к первоначальным опытам возделывания земли. На днях я видел фильм, в котором была снята жизнь одного из племен негров, живущих в Бельгийском Конго (рода «пигмеев»), их рыбную ловлю, их охоту, их элементарные орудия. Можно с уверенностью сказать, что подобные негры пять тысяч лет тому назад жили так, как они сфотографированы в наши дни. А рядом — другие негры, которые в каких-нибудь пять лет научились стрелять из пулемета и управлять автомобилем. На моей памяти еще, кроме помещиков и некоторых «кулаков», вся остальная крестьянская Россия пахала «матушкой-сохой». Не знаю, когда она была изобретена, в какой «мутационный» период истории? Но буквально на наших с Вами глазах, в какие-нибудь 30–40 лет русский земледелец перешел на плуг, да еще моторный, на трактор и т. п. В смысле «скорости» можно ли сравнивать период от изобретения сохи с периодом перехода в России к плугу, трактору, с<ельско>х<озяйственным> машинам? Вы пишете «перед лицом безграничной вселенной — наши достижения не больше тех». Конечно, перед лицом «бесконечности» — все кошки серы, все «ускорения» уравниваются, но мы говорим не о «бесконечности», а об относительной быстроте или краткости конечных величин. И здесь «мутационность» техники новой европейской эпохи, начавшейся с «парового котла», отрицать нельзя. Нельзя сравнивать роль парового котла в из-

менении хозяйственных условий мира с «лампочкой» Эдисона: первый произвел действительно «мутацию» в производстве, «лампочка» была маленький элемент общего мутационного процесса новейшей истории — именно изобретения новых двигательных сил. До «парового котла» и электрич<еского> двигателя и двигателя внутреннего сгорания человечество знало как двигательную силу воду (мельница), ветер (парус и ветряная мельница) и главным образом человеческий труд. И это с начала ранних цивилизаций до Уатта! Не нужно злоупотреблять термином «мутация»! В науке изобретен он ботаником де Фрисом[1] на наблюдении растения (энотеры), которое в противоположность огромному количеству других растительных форм обнаружило способность к внезапному образованию новых подвидов. Другие растительные формы изменяются и изменялись путем эволюции. Так эволюционно изменялась техника, производительные силы, орудия производства в течение огромных периодов времени и эпох человеческого развития, а вот тут, начиная с Уатта и кончая изобретением атомной энергии, вступили мы в «мутационный период» техники. Вероятно, на заре истории нашей планеты, когда ихтиозавры и мамонты бродили по земле, «мутации» подлежали и другие растительные и животные формы, а потом творческая энергия жизни ослабла на нашей планете — и началась «эволюция». «Мутации» до нашей культурной эпохи легко наблюдаемы в духовной жизни, а не в промышленно-технической. Например, крайне «мутационен» был процесс распространения христианства в мире. За каких-нибудь 150 лет оно отодвинуло на задний план тысячелетиями существовавшее язычество и через 300 лет завоевало западный мир. Плиний Младший, путешествующий приблизительно через 100 с небольшим лет (мне не хочется точно поверять даты) по Фракии, пишет, что все население стало там христианским. Вот эта религиозная мутация! — а не «эволюция». И «мутация» — переход России от сохи, трехполья и т. п. к трактору за какие-нибудь 20–30 лет!.. Я не понимаю, в каком отношении к основной и очень определенной мысли моего письма об «ускорениях» жизни в современном мире стоит упоминание, что в одной области традиция ускоряет эволюцию, в другой — замедляет. Да разве я когда-либо это отрицал и вообще разве я говорил о «традиции»? К этому письму приложен текст последней главы моей книжицы на тему «Формы мысли и атомная революция». В ней я подробно развиваю мысль, что быстрейшая мутация в области техники может сопровождаться полным застоем в области идеологической, возвращением к старейшим «традициям» в философии. Вообще говоря, «мутация» и «эволюция» — сложные вещи, упрощать их не стоит. Очень часто движение вперед в одной области жизни сопровождается регрессом в другой. В моральной области старый русский крестьянин был много лучше субъекта, который напялил на себя «спинджак», старый головной убор сменил на «картуз» или «кепку», но в технико-экономической области он, в противоположность человеку в кепке, не умел работать или работал плохо и требовал зверских инструкций от помещиков. Инструкция от Вашего «протеже» в Академию Артемия Волынского была еще «цветочками», а вот «инструкция» Аракчеева, в которой существовал целый отдел «уголовных мер», была ягодками. А ведь, вероятно, Аракчеев был недурным помещиком, но в «Истории русской экономической мысли» упоминать о нем было бы зазорно. Во всяком случае, «военные поселения» и

«кантонисты» были изобретениями оригинальными, но, быть может, найдя далекий отклик, в будущей русской истории не оказали такого разительного влияния на современную цивилизацию, какое оказало изобретение двигателей внутреннего сгорания (автомобиль и аэроплан) или динамо-машины (электрофикации).

Перехожу теперь к Вашей любимой теме — «русской эпохе во всемирной истории». Я — человек старый, а «старость ходит осторожно и осмотрительно глядит»...[2] Я вижу жестокую борьбу за гегемонию между двумя государствами-гигантами. В миниатюре подобные явления наблюдались и ранее — борьба за гегемонию Афин и Спарты. Победила, разумеется, Спарта — как народ бедный, привыкший к лишениям, закаленный в борьбе за жизнь. Для меня нет никакого сомнения, что то же самое произойдет и в современной борьбе за гегемонию — победят русские. Но древний мир так истощил борющихся, что какие-то эллинизированные варвары, именуемые македонцами, — бог знает, какого они были рода и племени — фракийцы, славяне, скифы? — руками Филиппа Македонского с легкостью раздавили Спарту и Афины. Докончил это другой варвар — Сулла, сын племени солдат и завоевателей, которые, уничтожив высокую культуру этрусков, начали завоевывать западный мир. Духовно это был народ совершенно ничтожный, который даже не создал собственной религии — «домашних богов», «пенатов» унаследовал от этрусков, а в государственной своей религии поступил очень просто — перенес греческий Олимп в свои храмы, назвав Зевса Юпитером, Геру — Юноной, Арея — Марсом и т. д. Сулла, грубый, необразованный солдат, освоил Балканы, напал на Афины и вывез оттуда все — статуи, книги, библиотеки. Философы греческие стали римскими эмигрантами и начали учить греческой философии детей римских аристократов. Афинская Академия, впрочем, продолжала еще существовать некоторое время[3] — и Цицерон ездил туда учиться, познакомив в своих сочинениях грамотных греков с академиками, стоиками и эпикурейцами. Вот я и боюсь, что произойдет нечто подобное и в современной борьбе за гегемонию. Она может в конце концов так истощить победителей (особенно после атомных бомбардировок), что придут переодетые в европейское платье «варвары» — марокканцы, алжирцы, арабы, египтяне, иранцы, жители Ирака, наконец, европеизированные негры — им же нет числа — и с легкостью завладеют «белыми европейцами». Я этих переодетых варваров вижу каждый день в «Palais des Nations»[4]. Одеты по последней моде: у мужчин брюки «макароны», у дам — прическа сыпно-тифозная, говорят отлично и по-английски, и по-французски, англичан и французов ненавидят и презирают, над русскими подсмеиваются: носят эти русские смешные широкие штаны, а дамы причесываются, как 50 лет тому назад, а главное — насчет иностранных языков русские слабы, одним еще владеют, а уже двумя из 10–12 здешних советских переводчиков владеют двое, да и то плохо. Как бы «русская эпоха всемирной истории» не обернулась в эпоху «гегемонии желтых, коричневых и черных» варваров...

В Ваших письмах, дорогой Петр Николаевич, сквозит ненависть к Европе и европеизму. Достаточно ли это объективно? Все же мы — евр-азийцы, а не просто «азийцы». Когда Московская Русь решила выходить на большую дорогу политической истории, она создала миф о Москве — Третьем Риме. Не Пекине или святом граде Бенаресе, а именно о Риме, принадлежность которого к западно-

европейской цивилизации неоспорима. Элементы европейской цивилизации проникли к нам много ранее, чем к китайцам, арабам, персам и неграм. Теперь европеизм распространился на население всей нашей планеты, его нет разве только в лесах Центральной Африки и в дебрях Южной Америки. И марксизм, являющийся идеологией антиколониальных народов, есть чисто европейский продукт — продукт творчества крайне европеизированного немецкого еврея и немецкого фельдфебеля-комиссионера. Ильич внес в марксизм новое истолкование, но «евразийским» его назвать нельзя. Его политически гениальной мыслью было то, что он понял предрасположенность к своему политическому идеалу (вернее, к соц<иально>полит<ической> программе) бедных, нищенских народов, а не народов разбогатевших. По 1-му тому «Капитала» выходит, что социальная революция произойдет сначала в богатой Англии, а не в нищенской России, а по Ленину как раз наоборот — и в прозрении этом он оказался прав. Но «нищенскими» народами являются не только «азиаты», но вообще все экономически отсталые страны. У Ленина «догоним и перегоним», «электрофикация» и проч. является элементом чисто европейским, а ориентация на отсталые народы не совпадает с «азийством», — потому и нет у него никакого «евразийства». У американских варваров европеизм достиг преувеличенно анекдотического характера. Русские — народ старый, избави Бог им впасть в американизм.

В универсальном европеизме, охватившем ныне всю нашу планету, есть много уродливых, пошлых, отвратительных черт. Но заложены в нем и великие ценности. Потому я, если говорить о личных чувствах, люблю Европу и вместе презираю ее. Презираю американизм как анекдотическое выражение европеизма, люблю Декарта и Паскаля, Канта и Гегеля, люблю итальянский Ренессанс, Сорбонну и Оксфорд, люблю категорию меры как основную добродетель Аристотеля и противопоставляю русской безмерности, как интеллигентской, так и «раскольничьей», приводящей к хаосу. Думаю, что советский режим научил русских мере и порядку как основной добродетели и отучил от «неистовства».

Прилагаю при этом моем затянувшемся письме рецензию на немецкую мою статью, писал рецензию «умеренный» евразиец, и написана она в «умеренном» евразийском духе. Что делать — старость!..

Крепко Вас обнимаю и прошу не гневаться за «западнобесие», «европофильство». Дорогой Вере Ивановне и детям привет.

Н. А<лексеев>

NB. Я не отвечаю на разные детали Вашего письма, которые считаю проявлением полемического пыла и жара. Укажу на некоторые явные передержки: православная догматика пришла с юга — но русская догматика, родившаяся в XVIII веке, точно переводила соответ<ствующие> католические учения и после Феофана Прокоповича стала переводить протестантские. До Хомякова она ничего оригинального не дала; греко-римская культура была «провинциальной», а будущая русская будет «универсальной», но есть только одна действительно универсальная культура — это европеизм, охвативший весь мир и проникнувший в евр-Азию; все остальные исторические цивилизации были более или менее провинциальны; убеждать меня в значении Октябрьской революции не стоит, я это вполне пони-

маю, но чувствую внутренний ее трагизм — будучи относительно самобытной, она включилась в европейскую политическую проблематику, что сделали и наши «императоры»; конкуренция с «сверхевропой», США, заставляет ее «догнать и перегнать», т. е. стать также «сверхевропой», что может иметь трагические последствия*. Не вполне понятно, почему Вы изменили Ваш старый взгляд на Петра I: он вполне соразмерен Сталину, с той разницей, что Сталин не был безобразником и хулиганом, которым был Петр. Сталин достоин и прославления, и критики, как Петр, только не нужно было дозволять «подхалимажа», который был и при Петре.

T-SAV-II/9 (24).

[1] Хуго де Фриз (Vries; 1848–1935), голландский ботаник. В 1878–1918 гг. профессор Амстердамского университета. Наблюдая ослинник, или энотеру (oenothera), открыл мутацию биологических видов, разработал мутационную теорию.

[2] Неточная цитата из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1829), правильно: «Старость ходит осторожно / И подозрительно глядит».

[3] В 87 г. до н. э., в период Митридатовых войн, когда римское войско возглавлял полководец Сулла, платоновская Академия в Афинах была закрыта, но в 176 г. восстановлена императором Марком Аврелием и окончательно закрыта в 529 г. указом византийского императора Юстиниана.

[4] Дворец Наций в Женеве, построенный в 1929–1938 гг., сначала использовался как штаб-квартира Лиги Наций (до 1946 г.), затем в нем разместилось Европейское отделение Организации Объединенных Наций (ООН).

6

Женева, 10.V.1959

Дорогой Петр Николаевич.

Действительно, по моей вине после наших февральских длинных писем переписка наша оборвалась. Обижаться на Вас за то, что Вы часто не пишете, не могу, зная трудность Вашей жизни и Вашу занятость. 13 марта Вы пишете мне: «Не сердитесь ли Вы на меня за что-либо, мой дорогой друг?» За что же я могу на Вас сердиться — за Вашу исключительную любовь ко мне и за, по моему мнению, незаслуженные похвалы, к которым, вообще говоря, я не привык, так как обычно меня все ругают? 26 марта Вы коротко пишете о мюнхенском журнале «Свобода» и о Ф.А. Степуне. О первом не стоит говорить, а что касается Степуна, то я мог бы Вам рассказать о его гнусном поведении много любопытных вещей, но, ну его к Богу, не стоит марать бумагу. Тут не «слепота» и не «раболепное служение деньгам» (Федор Авг<устович> достаточно теперь богат и в своих кругах знатен и славен), но заядлая эмигрантщина. Мне досадно, что Ваши чудесные стихи появились не там, где им нужно было

---

* Нужно было начать с того, что сейчас стараются достигнуть: — «coexistence», а не начинать с борьбы на уничтожение. Принцип: «Ceterum censeo, Carthaginem delendam esse» при наличности атомной бомбы нелеп. <Примеч. Н.Н. Алексеева.>

появиться, но также в заядлом эмигрантском журнале[1], который по направлению своему не лучше «Свободы». Но что же делать, такова наша несчастная судьба — мы любим, а нас не любят... В последнем Вашем письме (по поводу присланных фотографий) Вы пишете: «Обличите — в чем заслуживаю обличения». Но где и когда я Вас обличал? Я на последних ступенях моей земной жизни более занимаюсь самообличением (внутренним), чем обличением других людей, тем более Вас.

Что я делаю? Закончил философскую книжечку, которая на этих днях увидит свет. Называется она не «Религия, философия и наука», а «Формы мышления и атомная революция»[2]. Боюсь, что книжка эта «против течения». Не судите за это строго. За последние дни окончил мои «Воспоминания» — вплоть до эмиграции, о которой, верно, писать не буду. Мне ужасно больно, что весь евразийский архив, унаследованный мною от сошедшего с ума Стороженко[3], — не помню, писал ли я о трагической его судьбе? — мне пришлось подвергнуть два раза сжиганию: один раз перед приходом немцев в Белград, другой раз перед приходом соотечественников. А он по обилию материалов, писем и пр. представлял исключительную ценность. Из эмигрантского периода напишу только о белградской моей профессуре и о том, почему мне, советскому гражданину, пришлось оставить университет и стать опять «эмигрантом», обладающим национальным паспортом, не дающим права въезда на родину. Это будет заключением «Мемуаров» (занятие стариковское и мало кому интересное). Воспоминания мои (три напечат<анные> главы я переслал Вам) я пишу более всего <u>для себя лично</u> — для того, чтобы самому себе осмыслить мою долгую, мятущуюся и блуждающую жизнь. Интересны они, м<ожет> б<ыть>, будут далеким потомкам, как характеристика нашей революционной эпохи, написанная человеком беспартийным («беспартийным большевиком»?). То, что пока напечатано было в «Новом журнале», интересно только москвичам, учившимся в нашем университете. Я встретил как-то быв<шего> директора Экономич<еской> комиссии в Европе при ООН, <u>поляка,</u> Модерова, учившегося в Моск<овском> унив<ерситете> приблизительно в мое время. Он мне сказал: «Интересно, — с какой <u>правдой</u> Вы все изобразили». Отзыв этот для меня был очень ценен, так как другая цель моих воспоминаний была попытка восстановления истины, искаженной партийностью других современников, писавших о той же эпохе. Имеются три книги, полные искажениями, — это воспоминания эсера и террориста В.М. Зензинова[4], моего товарища по гимназии, воспоминания М.В. Вишняка[5], моего современника по студенческим годам, также эсера, и, наконец, «История коммун<истической> партии» Сталина, фальсификации в которой были изобличены Хрущевым*. Я понимаю, что «правда» воспоминаний есть вещь относительная, отражающая субъективные впечатления писателя, но в воспоминаниях может и не быть <u>нарочитой партийной лжи</u>, эсерской, меньшевистской или большевистской. От нее-то мне и хотелось очистить изображение событий нашей революционной эпохи.

Фридиев мне пишет: «В последнем № “Revue de droit compare” красуется рецензия о Вашей книге (нем<ецкая> статья) на первом месте отдела библиографии»[6].

---

* Нужно упомянуть еще и книги Троцкого, человека невероятно партийного и пристрастного. <Примеч. Н.Н. Алексеева.>

По нашей с ним обильной переписке, затрагивающей темы и теоретические, и актуально политические, можно написать диссертацию по философии права и хронику событий европейской истории за последние 20 лет. Об этой немецкой статье появилась большая рецензия (весьма двусмысленная) в органе нашего приятеля Водова[7] «Русская мысль». Немецких рецензий еще не имею. Не очень мудро и не очень похвально, что такие пустяки, как подобные рецензии, меня утешают — значит, не совсем еще забыт в мои 80 лет!..

Татьяна Павл<овна>, которая шлет Вам привет, ужасно устает на службе: приходится иногда работать до 12 ч<асов> ночи, так как сейчас идут три параллельные конференции. Мы существуем довольно сносно, но дрожим за будущее. «Limite d'age»[8] для Т.П. — скоро 60 лет, могут еще продлить ее контракт года на 2, а что потом? Пенсия в ООН ничтожная, на которую нельзя существовать. Да и вопрос с жительством в Швейцарии осложнится после окончания службы в ООН. Что делать? Мне говорят: начинайте уже сейчас же хлопотать о советской визе — это длится очень долго. Там Вам дадут пенсию и будете существовать. Я боюсь — заки<д>ают куда-ниб<удь> в Алма-Ату, что мы будем там делать без книг, без знакомых? Ну, с этим всем можно еще подождать года 2 или 3, а сейчас стремлюсь об этом не думать.

Ольга Петровна <Святополк-Мирская>[9] собирается в начале июня на родину повидать сестру. Вот уже год не присылают из Москвы визы. Волнуется, дадут ли?

Обнимаю Вас крепко и шлю привет Вере Иван<овне> и детям.

Преданный Вам Н. Алексеев.

Прилагаю при этом вырезку из газет, касающуюся темы, над которой сейчас работаете. Но, м<ожет> б<ыть>, Вам уже все это известно.

T-SAV-II/9 (5).

[1] Подразумевается публикация стихотворений П.Н. Савицкого с предисловием Н.А. Оцупа: *Востоков П.* Из пережитого // Грани. 1958. № 39. С. 86–91. Публикация была продолжена: Грани. 1959. № 43. С. 103–108.

[2] *Алексеев Н.Н.* Формы мышления и атомная революция. Женева, 1959.

[3] Стороженко Владимир Александрович (годы рождения и смерти неизвестны), лидер белградских евразийцев. С 1920 г. в эмиграции, к евразийству присоединился в 1922 г., вероятно, в составе группы офицеров во главе с А.В. Меллером-Закомельским. Полковник лейб-гвардии Преображенского полка, представитель полкового объединения Союза преображенцев в Югославии (1938). В евразийской полемике традиционно занимал правую, антикоммунистическую позицию. См. наиболее интересную статью в евразийских изданиях: *Стороженко В.* О евразийской работе // Евразиец. 1931. № 16. С. 3–5. Стороженко резко отвергал сталинизм и плановую экономику, выказывая симпатии правому уклону ВКП(б).

[4] Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), политический деятель, один из лидеров социалистов-революционеров. С 1919 г. в эмиграции. Автор воспоминаний «Пережитое» (Нью-Йорк, 1953).

[5] Вишняк Марк Вениаминович (1883–1976), юрист, публицист, член партии социалистов-революционеров. С 1919 г. в эмиграции. Автор книг «Два пути (Февраль и Октябрь)» (Париж, 1931) и «Дань прошлому» (Нью-Йорк, 1953).

[6] *Fridieff M.* <Рец. на изд.:> N. Alexeiev. Beitràge zur Geschichle des russiscken Absolutismus im 18. Jahrhundert // Revue inernationale de droit comparé. 1959. Vol. 11. № 1. P. 222–224.

[7] Водов Сергей Акимович (1898–1968), журналист. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, с 1925 г. — во Франции. Сотрудник газеты «Последние новости». С 1955 г. редактор газеты «Русская мысль».

[8] Предел возраста (*фр*.).

[9] Святополк-Мирская Ольга Петровна (1899–?), княжна, фрейлина, младшая сестра Д.П. Святополк-Мирского. Переводчица, работала в Институте истории АН СССР. Благодаря ее помощи увидело свет следующее издание: Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Ист. записки. 1965. <Т.> 77. С. 236–293.

7

9 июля 1959 г.
Женева

Дорогой мой друг Петр Николаевич,
подтверждая получение Вашего письма, хочу начать с того, чтобы объяснить Вам причины моего долгого молчания. С осени прошлого года мы переживали очень тяжелое время вследствие тяжкой болезни моей сестры, которая умерла 19 мая настоящего года. Сестру мою Вы знали по Праге в несчастное время их пребывания в этом городе. Заболела она нефритом осенью прошлого года, когда мы только что вернулись с ваканций. Я не имел понятия, что нефрит есть страшная болезнь не только для самого больного, но и для окружающих ее близких людей. В силу постоянного отравления мочой больной человек превращается не только в физическую развалину, но и постепенно теряет все свои психические способности, сначала духовные (память, способность узнавания людей, дар речи, логику и т. п.), потом чувственные. Сестра моя под конец превратилась в кусок мяса, который можно было колоть, щипать и т. д. — она ничего не чувствовала. За больной нужен был уход, сначала дома, потом, когда мы перевезли ее в больницу, — в самом госпитале, куда приходилось ездить по два раза в день. Здесь было не до переписки. Потом пошли хлопоты с похоронами, с переговорами с теми швейцарскими учреждениями, которые сестру поддерживали как беженку и т. п. Только на этих днях все эти дела окончились, и начинаю отвечать на письма. Ваше письмо 18 стр<аниц>, три письма Фридиева — 65 страниц. Начинаю с ответа Вам.

Мне большая радость, что воспоминания мои произвели на Вас то впечатление, которое я желал. Я желал правдиво изобразить «бурное время», в которое я жил и которое представляет собою одну из самых значительных эпох нашей истории. Мой предшественник по белградской кафедр<е> проф<ессор> Милован Йованович справедливо написал в газете «Политика» (до прихода немцев), что будущим историкам революций не удастся писать о них по архивным материалам, как писали <Франсуа> Олар или <Жорж> Ленотр, ибо наши современники сумеют истребить в архивах все то, что им кажется неприятным или политически вредным. История будущая не может не быть тенденциозной или неправдивой вроде ныне упраздненной «Истории коммунистической партии». Тенденциозно в свою сторону изображают русскую революцию мои современники «эсеры» в сво-

их мемуарах, ныне изданных (мой товарищ по гимназии Зензинов и по университету — Вишняк). Мне особо ценно, что Вы подтверждаете правду моих характеристик. Но Вы прибавляете: «А почему Вы, Николай Николаевич, не описали, как вы сидели в тюрьме, как жили у Павла Андреевича Шувалова и т. д.». Да все это, милый Петр Николаевич, у меня написано, только издатель «Нового журнала» не захотел этого напечатать. У меня есть его письмо, что он берет к напечатанию главу «Бунт и тюрьма» (1902–<19>03) и главу «1905 год». Но М.М. Карпович, сам бывший «эсер», тяжко заболел в прошлом году, отстранился от редактирования, в редакции водворился Вишняк и Роман Гуль (личность довольно двусмысленная) — эти главы не пошли в печать, а был вне хронологической очереди напечатан «Толстовский дом», который будто бы в Нью-Йорке имел большой успех. Теперь Карпович оправился и пишет мне, что далее, в XXII книге, пойдет «Турецкий фронт». Однако журнал дышит на ладан, и уверенности у меня о выходе названного тома нет.

Знаете, «резать правду-матку» часто не приходится в воспоминаниях даже о людях умерших. Беда в том, что я знаю, что называется, «подноготную» сторону многих дел, которая, по-видимому, от вас осталась скрытой. Начну с любимого мною П.И. Новгородцева. Я знал его, когда он только что вышел из приват-доцентов в экстраординарные <профессора>, и могу Вас уверить, тогда он говорил о религии так, как сказано в произведении Канта «Религия в пределах чистого разума». Глубокий лично-семейный кризис толкнул П.И. <Новгородцева> к тому, чтобы «надеть вериги», выстаивать с бронхитом в холодной русской церкви в Праге и буквально сжечь самого себя в полном расцвете сил. Вы не могли обратить большого внимания на незначительное замечание, сделанное мною на стр. 150 54-й книги «Нового журнала», где я говорю о Лидии Антоновне, «стоявшей близко к всецело поглощенному политикой Милюкову». Между тем подчеркнутые слова вызвали целую переписку с М.М. Карповичем. В первоначальном тексте я выражался много решительнее, не хочется сейчас рыться как, но в определенном смысле романа между Л.А. <Новгородцевой> и П.Н. <Милюковым>[1]. В милюковских кругах это хорошо известно, и они, издавая теперь коллективную, хвалебную биографию «величайшего из русских политиков», хотят замолчать, что от Милюкова у Лидии Антоновны был сын — тот маленький мальчик, которого она привезла с Бадей[2] и двумя девицами в Прагу. Моя приведенная формулировка была результатом соглашения с Карповичем. Павел Иванович в жизни своей был настоящей «красной девицей», он в жизни своей не выпил ни одной рюмки водки, в молодости был страстно влюблен в Соню Герье, в дочь человека чиновного и важного. Соня же была влюблена в Вышеславцева и со смехом рассказывала, как Павел Иванович делал предложение вступить в брак... но не ей, а ее отцу и матери, которые этому браку очень сочувствовали, но Соня-то насмешливо отказала. Она так и не вышла замуж, стала антропософкой и занимала большое положение в Дорнахе около Штейнера и его «Гетеанума»[3]. На Лидии Антоновне женил Павла Ивановича В.И. Грабарь, ближайший родственник Будиловичей, брак был не по любви и не по расчету, а по «категорическому императиву»: защитил в С<анкт->П<етер>б<урге> докторскую диссертацию, стал ординариусом,

следовательно, должно жениться и обзаводиться семьей. Роман с Милюковым завязался у Л.А. в годы перед Февральской революцией, когда она, будучи членом ЦК кадетской партии, постоянно ездила в С<анкт->П<етер>б<ург> и подолгу там оставалась. Непонятно, как такой селадон и бабник, как Милюков, прельстился Лидией Антоновной, женщиной, на мой вкус, мало «аппетитной» и приятной. Но «на вкус и цвет товарища нет», факт остается фактом, Милюков, когда П<авел> Ив<анович> умер, высылал Л.А. на сына деньги, об этом в милюковских кругах все знают, и Карпович этого не отрицает. Но вообразите себе, какое ужасное впечатление произвело это обстоятельство на бедного Павла Ивановича, «красную девицу». Глубокую, тайную скорбь носил он в своей душе. Мне он, разумеется, об этом никогда не говорил, но запомнились мне несколько раз повторенные его слова: «Кто знает, Николай Николаевич, что таится в сердце женщины»...

Мальчик этот, сын Милюкова, кончил медицинский факультет в Праге, стал доктором и национал-социалистом, уехал в Германию, не знаю, что с ним, Вы знаете об этом, вероятно, лучше меня.

Простите меня, но Ваши замечания о Толстых[4] заставляют меня начать дополнения в форме скабрезного анекдота. Сережу привезли из Татева в Москву две английские гувернантки, старые девы и совершенные дуры. Как только они ввалились в хамовнический дом, они заявили родителям Сережи, что он страдает страшной болезнью — онанизмом. Родители бросились ко мне, я не знал, что делать — иметь такого воспитанника не очень приятно. Посоветовавшись, мы решили вызвать известного московского психиатра, Россолимо. Я поехал к Россолимо, и через день-два он приехал в хамовнический дом. Он и я под его руководством подвергли Сережу тому, что теперь именуют «психоанализом», — и что же обнаружилось? Оказывается, что эти старые дуры заметили, что у мальчика бывает «эрекция». Оказалось, что они вообще не знали, что такое «эрекция» — обыкновенное явление у мальчишек. Они думали, что раз — простите, я уже буду выражаться прямо — что раз член у мужчины встал, то это и есть онанизм, страшная болезнь, угрожающая сумасшествием. Вот это-то они и начали внушать бедному мальчику и, кроме того, пытаться заставить Сережу, чтобы это явление у него не повторялось, чего, конечно, достигнуть нельзя. Они довели таким путем Сережу до той нервности, боязни самого себя, страха за себя — психики, с которой он приехал в хамовнический дом. Под умелым руководством Россолимо мне удалось освободить своего питомца от этих явлений и объяснить ему, что в эрекции нет ничего страшного. О том, что такое онанизм, он не имел никакого представления. Когда он поступил в гимназию и познакомился с мальчишками вполне «образованными», мне пришлось многое ему объяснять. Мы с Россолимо хохотали, когда вскрылась дурь этих старых дев, с другой стороны, доктор был истинно возмущен, как это дедушка Рачинский, которому внук был отдан на воспитание, мог довести до всего изложенного. Вы пишете мне: «Сергей Александрович, человек тончайшей культуры... создал кадр учеников»... «своеобразный народный педагог»... Хороша культура, хороша педагогика по отношению к собственному внуку... Вообще, о порядках, заведенных в Татеве, мне много приходилось слышать — и меня никак не удивляет, что в Энциклопедии Брокгауза появилась без

подписи полемическая против Рачинского статья, вероятно, человека, который хорошо эти порядки знал.

В «Воспоминаниях» своих я умолчал о последних моих встречах с Сережей. Я встретил в Ростове-на-Дону, накануне взятия его конницей Буденного. Он служил переводчиком в английской военной миссии в Ростове. Мы много с ним говорили, что делать, оставаться или удирать. Я оставаться не мог после моих добровольческих авантюр. У него же пробудились религиозные эмоции: «Хотел бы куда-нибудь в скит, — говорил он, — пожить отшельником, помолиться наедине». Я его не убеждал уезжать, что ему было легко сделать — англичане его с охотой бы вывезли. Он остался, я бежал. Я его потерял из вида. В году 1924–<19>25-м я узнал, что Сергей Львович и Мария Николаевна приехали из России в Кламар к Татьяне Львовне Сухотиной[5], она держала там пансион. Меня известили, что с русскими эмигрантами родители Сережи встречаться опасаются. Я в те годы жил в Праге и в Париж не собирался — так я их и не повидал. Приехал я в первый раз после войны в Париж летом 1927 года и, встретив в Кламаре М.А. Каллаш[6], вместе с ней отправился к Татьяне Львовне. Там я узнал, что Сережа, по рассказам родителей, вернувшись с юга России в Москву, стал иподиаконом у Патриарха Тихона (Вы, по-видимому, не знаете об этом несомненном факте), затем после смерти Патриарха бросил это дело, женился во второй раз (первый раз был женат на какой-то ростовской проститутке), жена его завладела квартирой Сергея Львовича в Левшинском переулке, выперла стариков из квартиры, что поставило их в очень трудное положение. Мария Николаевна скоро умерла, а Сергей Львович кончил жизнь профессором Московской консерватории по классу рояля. Вот последствия его брянчания на инструменте в кабинете, о чем я писал в «Воспоминаниях».

В кламарском пансионе Сухотиной я познакомился с молодым человеком, только что приехавшим из Югославии. Он был вызван в Париж «Имкой» <YMCA>, писал книгу об Александре Невском, волочился за Танечкой, дочерью Т.Л., и пьянствовал со своим полковым товарищем, с которым был неразлучен. Это был Н.А. Клепинин[7]. Сухотина наконец выставила молодых людей из пансиона, и тут-то Николая Андреевича и подцепила хорошо известная Нина Николаевна Сеземан[8]. Дальнейшее Вам хорошо известно.

То, что в «Воспоминаниях» написано о Вышеславцеве, является некрологом, напечатанным в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Теперь, после смерти обоих[9], я прибавлю в окончательном тексте «Воспоминаний» следующие строки:

Вышеславцев стал в эмигрантском периоде моей жизни не только моим интимным другом, но и с тех пор, как он женился на моей сестре, моим родственником. Мне очень тяжело вспоминать, что дружба эта сильно охладилась после того, как он в 1943 году переехал из Парижа в Прагу и стал там работать в организации, которая называлась «Антикоминтерном» и состояла в ведомстве известного идеолога немецкого расизма Розенберга[10]. Отъезд его из Парижа отчасти объяснялся денежной нуждой, но нужда эта не объясняет того, что Вышеславцев начал обнаруживать признаки увлечения нацизмом, о чем ко мне доходили сведения с разных сторон. Мой ученик и друг, ныне профессор в Сорбонне М.Е. Фридиев,

живший в 1943 году в Париже и часто встречавшийся с Борисом Петровичем, пишет мне по поводу смерти моей сестры: «Хорошей души она была человек, и как-то странно, что она смогла пойти за мужем на то злое дело, на которое он сам себя выдвинул» (от 5 июля 1959 года, письмо в Женеву). Генеральный секретарь Экуменического союза, голландец Виссер т' Уфт (Visser t'Hooft) писал Борису Петровичу, что его поведение во время войны делает невозможным работу в Экуменическом движении (письмо от октября 1945 г.). Сам Вышеславцев прислал ко мне в Белград — это было, вероятно, в 1944 году — русского офицера-нациста в форме, которую носили SS-Truppen (Stern u<nd> Schutz Truppen) с предложением переехать в Прагу для работы в «Антикоминтерне», руководителем русского отдела в котором был небезызвестный и поныне здравствующий барон Меллер-Закомельский[11]. Для меня визит этот был не только неприятен, но прямо опасен: если бы его установили сторонники сербских партизан, мое положение в Югославии было бы сильно поколеблено. Я держался сербской ориентации, и ко мне никогда не приходили немецкие военные оккупанты. Наконец, разбирая бумаги моей сестры после ее смерти, я нашел книгу, которая является ныне, вероятно, большой редкостью — «Новые вехи», «орган свободной русской мысли», издательство того же имени, январь 1945 г., книга вторая[12]. В книге этой вложены листы бумаги, написанные рукой Вышеславцева, которые показывают, что он был не только ее редактором, но и в значительной степени ее составителем. Статьи книги, подписанные какими-то псевдонимами (проф. Соловецкий, проф. П. Салтыков, проф. Сазонов и т. д. все профессора), носят следы не только пометок, но и авторства Бориса Петровича. Дружба моя с ним охладилась не только оттого, что он увлекался нацизмом — он вообще был человек<ом> увлекающимся, — но в силу того, что он скрыл существование этой книги и постоянно рассказывал мне разные небылицы о своей деятельности в Праге — что он будто бы читал лекции в «Русской академии» в Праге, учреждении чисто фиктивном, что он никогда не выступал с какими-нибудь докладами политического характера и что не занимал никакого места в немецком учреждении в Праге и т. п. Меллер-Закомельского, очутившегося в Женеве под фамилией просто Меллера, Борис Петрович от меня тщательно прятал и скрывал следы знакомства с ним. Все это было истолковано мною как нарушение заветов истинной дружбы, что и создало неприятную фальшь в наших отношениях, осложненных еще тем, что у меня был советский паспорт.

Ваши замечания к стр. 173 «Воспоминаний» правильны в том отношении, что реминисценции старого, дореволюционного прошлого играют, разумеется, некоторую роль в современной России, но с точки зрения «массовой психологии» нельзя отрицать, что в родину нашу сильно проник «лаицизм»[13] и с ним вместе еще неугасшая ненависть к дореволюционным формам государственного быта. Что же, Вы думаете, что «девятое января» забыто народом? Я пишу об этих темах в только что оконченном тексте последней части моих «Воспоминаний» — «Февральская революция», «Неудавшийся Наполеон», «Октябрь». Я бы очень хотел по окончании прислать Вам на обсуждение эту часть вместе с главами из «детства и отрочества» — «Горенки», «Как мы стали революционерами», «Бунт

и тюрьма», «1905 год». Я писал «В бурные годы» не только для того, чтобы изобразить нашу русскую жизнь в прошлом для будущих моих читателей, но и для того, чтобы самому осмыслить мою жизнь, мои блуждания, мое бурное прошлое. Вот последние из только что оконченных глав и подводят этому итоги. Иногда мне кажется, что я стал писать скучно, по-стариковски, иногда думаю, что уже не так плохо. Я пытаюсь полный текст «Воспоминаний» воспроизвести на машинке в четырех экземплярах — один я перешлю Вам и прошу Вас завещать Вашему сыну: молодежь лет до сорока не любит рассуждения стариков о прошлом, но в 40–50 лет пробуждается к этому интерес, пускай Ваши дети сохранят манускрипт до этого времени, тогда его можно будет и издать. Другой экземпляр я оставляю моей жене, третий хочу переслать в Москву, в отдел рукописей, и четвертый — в Колумбийский университет. Хранителем отдела «Архива русской эмиграции», учрежденного проф<ессором> Мосли, является Магеровский[14], которого Вы, вероятно, знали в Праге — был он представителем газет<ы> «Послед<ние> новости». Magerovsky, L.F. 833, Butter Library, Columbia University, New York, 27 NY.

В заключение два слова о «жестокости», толстовстве и Ганди. Я отлично понимаю, что стране, в которой происходит единственная в своем роде социальная революция, к тому же окруженной кольцом врагом, нельзя обойтись без жестокости. Но разве не прав был Н<икита> Х<рущев>, который в своей речи 25 февраля 1956 года говорил о бессмысленной жестокости, применяемой в недалеком прошлом, о нарушении революционной законности, о безобразном истреблении не только «врагов народа», но и заслуженных деятелей компартии, о «брутальности», ставшей обычаем внутренней советской политики? Влияние толстовства и гандизма как массового движения могло бы служить смягчению названных крайностей — вот что я хотел сказать в конце «Толстовского дома».

В заключение прошу Вас обратной почтой сообщить мне точное название той книжечки об истреблении культурных и религиозных памятников, которая вышла в Париже за несколько лет до войны[15]. Автора я знаю, мне нужен точный титул и год издания — для «Воспоминаний». Соответствующий текст рукописи сейчас переписывается, и мне нужно название книжечки этой вставить в переписываемый текст.

Письмо Ваше вчера читала Татьяна Павловна, которая говорит, что оно совершенно замечательно.

С сердечным приветом Вам, Вере Ивановне и всей семье

Преданный Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (6).

[1] Так в тексте письма.

[2] Новгородцев Борис (Бадя) Павлович (1904–?), сын П.И. и Л.А. Новгородцевых. До 1918 г. учился в 5-й московской гимназии, с 1921 г. в эмиграции, с семьей переехал в Чехословакию, где жил и работал в 1920–1940 гг. Позднее переехал в СССР. Подробнее о нем см.: [Белошевская 2011, с. 548].

[3] Центр антропософского движения в Швейцарии, названный в честь И.В. Гёте.

[4] См. ниже в приложении копию письма П.Н. Савицкого № 8: T-SAV-V/80 (8).

[5] Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), писательница, мемуаристка. Старшая дочь Л.Н. Толстого. В 1917–1923 гг. хранитель Музея-усадьбы «Ясная Поляна». С 1925 г. в эмиграции, жила во Франции и Италии.

[6] Каллаш Мария Александровна (1885–1954), литературовед, православный общественный деятель.

[7] Клепинин Николай Андреевич (1899–1941), писатель, историк. В 1926 г. присоединился к евразийству, после кламарского раскола 1929 г. сохранил верность правому евразийству, принадлежал к его парижской группе вместе с Н.Н. Алексеевым, входил в Центральный комитет евразийского движения. Осенью 1933 г. полномочия Клепинина в ЦК были прекращены. В 1937 г. вместе с женой бежал в СССР, в 1939 г. был арестован, в 1941 — расстрелян.

[8] Клепинина Нина Николаевна (урожд. Насонова; 1894–1941), искусствовед. Ее первым мужем был философ В.Э. Сеземан, вторым — Н.А. Клепинин. В 1937 г. Клепинины вместе с С.Э. Эфроном бежали из Франции в СССР, где были расстреляны в 1941 г.

[9] Имеется в виду Б.А. Вышеславцев и его жена (сестра Н.Н. Алексеева).

[10] «Антикоминтерн» — учреждение восточного отдела Министерства пропаганды Третьего рейха.

[11] Барон Александр Владимирович Меллер-Закомельский (1898–1977) присоединился к евразийству в 1922 г. вместе с другими русскими офицерами-монархистами (П.С. Араповым и др.). См.: [Трубецкой 2008, с. 33–35]. Трубецкой отвергал монархические взгляды группы Меллера по тактическим причинам. См.: [Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011/2012, с. 88]. Позже Меллер перешел на откровенно расистские позиции, которые лидеры евразийцев отвергали. См. содержание писем Меллера-Закомельского и их обсуждение в: [Соболев 2008, с. 226–238].

[12] См.: Новые вехи: Орган свободной русской мысли: Сборники статей по вопросам философии, социологии, экономики и политики. Прага, 1945. № 2.

[13] Лаицизм — обмирщение, стремление ограничить роль религии в публичной сфере.

[14] Магеровский Евгений Львович (1934–2009), историк. Выпускник Колумбийского университета. Учился в аспирантуре Колумбийского университета, защитил диссертацию и получил степень доктора наук. Куратор Бахметьевского архива (занимался сбором и передачей материалов в архив). Преподавал в американских университетах, служил в Военном министерстве США.

[15] Подразумевается издание: *Савицкий П.Н.* Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ. Прага, 1937.

8

Женева, 29.XII.1959

Дорогой мой друг Петр Николаевич,

долго Вам не писал, так как немного болел, работал, отделывал мои «Воспоминания» и приводил в порядок различные рукописи. Прежде всего поздравляю Вас от всей души с рождением внука, что для «дедушки» и «бабушки» всегда великая радость. Вера Ивановна, вероятно, ухаживает за ним не менее, чем его собственная мать. Вообще, дети — радость, но в то же время и лишняя забота, лишняя тревога — особенно в нашей малообеспеченной, беженской жизни. Хорошо, что мать кормит внука сама, это залог здоровья. Наша Маша выкормила сама двух

ребят, не переставая служить, что возможно было при двух условиях, близости квартиры от места службы и собственного автомобиля: сядет на машину, через 3 минуты — дома, покормит — и опять за перевод. Но она, слава Богу, живет вполне обеспеченно. Муж — Francis Kocher, тоже зарабатывает, он — ученый-психолог, занимается исправлением детских психических дефектов, в частности заикания. Издал недавно в Париже, в «Presses universitaires», книгу «La rééducation des dyslexiques»[1]. Пишу Вам об этом, чтобы сказать, что он применяет рефлексологию Павлова, — и очень успешно, что создало ему, человеку очень молодому, большой успех. Иллюстрация Вашей мысли о русском периоде мировой истории. Русскому языку он не выучился — и Павлова переводит ему та же самая Маша. Франсису этому с нынешнего семестра поручили курс в университете, хотя он еще не окончил докторской диссертации — все Павлов и рефлексология, которую здесь не знают.

Поздравляю Вас еще с наступающим праздником Р<ождества> Х<ристова> и с грядущим Новым годом. От всего сердца желаю, чтобы год этот был для Вас легким и успешным. Присланную Вами и помещенную в сборнике «За социалистическую с<ельско>х<озяйственную> науку» Вашу статью прочел и вижу, что она стоит на уровне самой высокой научности тщательностью обработки материала и исчерпывающего знания соответствующей литературы. Вы понимаете, что по существу затронутого Вами вопроса я ничего Вам сказать не могу, настолько я мало его знаю; возражать Вам могли бы только высокие специалисты, как Вы; но для неспециалиста статья очень убедительна и, главное, очень актуальна, как вы правильно говорите, разработанный Вами вопрос принадлежит к одному из самых актуальных вопросов экономической жизни нашей планеты.

Вместе с этим письмом посылаю Вам недостающую главку «Воспоминаний» «Два года за границей» (идет после главки «В толстовском доме»). Знаю, что Вы по горло заняты, но хотел бы, чтобы Вы урвали минутку и написали бы Ваше мнение об этом отрывке.

С ним вместе завершена первая часть «Воспоминаний». Последнее время я занимаюсь обработкой начала второй части — именно того, что было напечатано в 17-м томе «Архива» И.В. Гессена[2]. В напечатанном тексте, который Вы когда-то читали, описана была гл<авным> образом военно-авантюрная часть, кроме того, многое Гессен выпустил по разным соображениям. В теперешней переработке я дополняю выпущенное по памяти и останавливаюсь на эпизодах, которые в гессеновский текст не вошли, — эпизодах, по моему мнению, не лишенных интереса. Сейчас переделка начала второй части «Воспоминаний» закончена, и я мог бы выслать Вам переделанный текст, если у Вас есть интерес и время его читать. Черкните мне об этом два слова.

Однажды Вы спрашивали меня, есть ли у меня первое литографированное издание «Мира и души»? В настоящее время я вставил (не механически, а «органически») часть текста первого издания во второе — и получился окончательный текст этой чисто философской книги, которая, разумеется, никогда напечатана не будет. Рассылать это последнее, исправленное и дополненное издание я не буду (и не могу) — оно останется в моем «Архиве». И так как часть моего «Архива» будет

находиться у Вас, то один экземпляр последнего издания «Мира и души» я перешлю Вам, без притязаний, чтобы Вы его читали и разбирали. Другой экземпляр пошлю Магеровскому, в Колумбийский университет, где устроен Архив русской эмиграции[3].

Теперь я буду дописывать мои воспоминания эмигрантского периода. Дошла очередь и до ЕА[4]. Помню Ваше обещание немного мне в этом помочь.

Об эмигрантском периоде много писать не собираюсь. Но «Югославянскую эпопею», приведшую меня снова, после 1919–<19>20 гг., в Белград, хочу описать подробно. Беглеца от «Советов» она снова привела к «Советам» — хороший заключительный финал «Бурной эпохи». «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои...»[5]

Что сказать Вам о себе лично? Старею. Еще прошлым летом мог лазить по горам, теперь не могу. Не работают ноги, плохо работает сердце. Память слабеет, теряю способность помнить собственные имена — первый психический признак старости. Татьяна Павл<овна> тоже стареет, устает на работе, болеет. Держимся на лекарствах, обогащаем местного аптекаря. Ольга Петровна <Святополк-Мирская> вернулась из своей поездки в кислом состоянии. У нее в универсальном магазине вытащили из открытой сумочки, которую она положила на прилавок, 500 рублей, да как ловко... Это лишило ее возможности посетить Ленинград, где она родилась, и проживать в отеле в Москве, ютилась у знакомых в комнате, где спали 7 человек.

С дружеским приветом Вам, Вере Ивановне и всей Вашей семье

Глубоко преданный Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (8).

[1] «Перевоспитание страдающих дислексией» (*фр.*). См.: *Kocher F.* La Rééducation des dyslexiques; préface par André Rey. P., 1959.

[2] *Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17.

[3] Подразумевается Бахметьевский архив в Библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке.

[4] ЕА — традиционное сокращенное обозначение евразийства в личной переписке евразийцев.

[5] Еккл. 1: 6.

9

29 янв<аря> 1960, Женева

Милый и дорогой друг мой Петр Николаевич,

Ваше первое, длинное письмо очень меня встревожило и огорчило. Вчера получил второе письмо, от 25 янв<аря>, более успокоительного характера. Сам много раздумывал и соображал — и в конце концов успокоился. У нас в Югославии есть приятель Шайкевич, родной внук художника Поленова. Отец Шайкевича

был сербским посланником при русском импер<аторском> дворе, человек был очень ученый и известный, который после революции переселился в Финляндию, где наш приятель и вырос, оказавшийся единственным сербом, говорившимся по-фински как на своем языке. В силу этого в нашу бытность в Югославии Шайкевича взяли сначала переводчиком в финское посольство, а теперь он — финляндский консул в Югославии. Так вот, у него на наших глазах открылись две каверны в легких с<о> страшным кровоизлиянием. Все думали, что это конец. Но его на наших глазах вылечили стрептомицином. Это было приблизительно в 1946–<19>47 <г>г., стрептомицин был только что открыт, нужно было его выписывать <из> США, родственники заложили и продали все, с большими трудностями получили, врачи были плохие, действие медикамента не исследовано, — словом, на наших глазах Шайкевич выздоровел и теперь здравствует как финляндский консул в Белграде. Я уверен, что бедная Вера Ивановна выздоровеет и будет такой же помощницей мужу, как и раньше[1].

Вообще говоря, у меня создалось ничем не обоснованное правило житейской мудрости: плохое начало — хороший конец. 1960 год для Вас, да и для меня имел дурное начало, вот увидите — кончится хорошо. Я неделю (10 дней) тому назад по обычаю вышел погулять часа в 4, предварительно выпив крошечную чашечку кофе и съевши кусочек хлеба с маслом. Минут через 10 после выхода из дома я внезапно почувствовал нестерпимую боль в правой стороне живота — такую, что идти не мог, и сел на первую попавшуюся скамейку. Боль через 10 м<инут> полегчала, я пошел опять, — опять нестерпимая боль. В «общем и целом», как теперь говорят, еле-еле добрался до дома, лег, острая боль прекратилась, но тупая, тошная, осталась в левом боку живота. Я решил, что язва двенадцатиперстной кишки или начинающийся рак. К счастью, до этого неожиданного случая я записался «на ревизию» к моему постоянному врачу, у которого нужно записаться на прием дней за 10 — столько у него пациентов. На третий день после описанного случая еле-еле доплелся до него, он детально меня просмотрел и говорит: язвы никакой нет, рака нет, по его мнению, боль почечного происхождения. Теперь положение мое таково: утром температура нормальная, в 12 сначала поднималась до 37, теперь стала нормальной, а в 9–10 сначала поднималась до 38, а теперь до 37,8. Первые дни в начале поднятия температуры меня охватывала такая дрожь (дрожал как осиновый лист), какую я испытывал, когда лежал в госпитале в Навтлуке под Тифлисом, болел тифом и вместе малярией. Доктор мой лечит меня от почек, но откровенно говорит, что не знает, что со мною. Все время я сидел дома, были дожди, сегодня хорошая погода, я решил, что выйду погулять днем, пошел бодро, но так ослабел, что по дороге до вокзала (12 минут) пришлось три раза садиться отдыхать. Сейчас сижу в кафе и, как и Вы, «вспоминаю минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»[2].

В самом ближайшем времени я Вам готовлю некоторый сюрприз. Пересылаю подходящую к концу большую работу, которую называю так:

«Российская империя

в ее исторических истоках и идеологических предпосылках».

Очерки по истории русского абсолютизма. Часть I[3].

Одна глава этой огромной работы была напечатана немцами, остальное немцы не взяли, ссылаясь на недостаток средств. У Вас она будет в целом виде. Едва ли будет время у Вас ее читать, но просмотреть одним глазом очень прошу. Я здесь залез не в свою область: Вы — гораздо больше сведущий русский историк, чем я, и суждение Ваше мне драгоценно. У меня пришла мысль: м<ожет> б<ыть>, было бы целесообразно дать ее на прочтение А.В. Флоровскому[4], ведь «Идея н<равственност>и и права в законодательстве Петра I» — как раз его тема. Пусть разнесет меня по всем коркам — мне будет только приятно. А то будет лежать в архиве у Магеровского, пока какой-н<и>б<удь> буд<ущий> ученый, занимаясь историей русской эмиграции, не откопает ее вместе с другими моими «творениями».

То, что Вы пишите о плане разработки темы ЕА, — исполню в точности и пришлю Вам со временем вопросник, — если не отдам Богу мою мятежную душу. Остроухову[5] напишу, если есть возможность как-нибудь подтолкнуть наших юристов к высылке скорейшей обещанного ими материала — подтолкните, именно в виду старости моей и нездоровья.

Демьяна Бедного здесь нет, и я не могу узнать, как он изобразил нашего А.А. Вилкова[6]. Сообщение об этом — полная для меня новость.

Т.И. Серговская болеет гриппом, как многие в Женеве. Но уже в понедельник она будет на службе.

Вот пока все. Буду скоро писать снова.

Обнимаю крепко и прошу передать привет милой Вере Ив<ановне> и всей семье

Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (9).

[1] Вера Ивановна умрет в год написания этого письма.

[2] Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822). Ср.: «Бойцы вспоминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они».

[3] Издана в Женеве в 1958 г. См. более позднее переиздание: *Алексеев Н.Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 1. С. 117–176; Т. 2. № 3. С. 117–156.

[4] Флоровский Антон(ий) Васильевич (1884–1968), историк, старший брат Г.В. Флоровского. В 1908 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе, с 1916 г. профессор по кафедре русской истории в том же университете. После революции 1917 г. помощник заведующего областным архивным управлением, директор Одесской публичной библиотеки. С 1922 г. в эмиграции, жил в Праге. С 1933 г. профессор Карлова университета. Друг П.Н. Савицкого.

[5] Остроухов Петр Александрович (1885–1965), историк. Автор трудов по экономической истории. После 1918 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, преподавал историю, философию, политическую экономию на Русском юридическом факультете Карлова университета и в Высшей коммерческой школе в Праге. Хранитель объемного архива, связанного с русской эмиграцией.

[6] Вероятно, имеется в виду Александр Александрович Вилков (1872–1958), экономист, специалист в области финансового права, с 1922 г. профессор Русского юридического факультета в Праге.

10

Женева, 12 февраля <1960 г.>

Дорогой мой друг Петр Николаевич,
долго не имел от Вас писем и начал беспокоиться — что у Вас и что с Вами, как Вера Ивановна? Вчера вечером решил, что завтра запрошу, а в 10 часов ночи пришел Ваш экспресс от 7 февраля. Обо мне не беспокойтесь — такая старая кляча, которой я стал, может иногда тащить жизненную телегу лучше, чем молодой рысак. Доктор меня подлечил, я выправился, но, разумеется, пока болел, запустил все свои очередные дела. Очень Вас благодарю за присылку драгоценных документов о псевдофакультете. Прошу Вас выразить мою сердечную благодарность П.А. Остроухову, П.П. Кириеву[1], Мейснеру[2] за присланные документы и сведения. Я поблагодарил бы их лично, но никто из них не сообщил мне своего адреса. У меня сейчас на очереди воспоминания о Пражском юрид<ическом> факультете — примусь за них тотчас же, как ликвидирую разные начатые, но неоконченные вследствие болезни дела. Непосредственно после этого примусь обдумывать тему об ЕА и пришлю Вам вопросник, как мы сговорились.

Приблизительно через 7–10 дней вышлю Вам «Российскую империю», над которой много поработал, — с перерывами, может быть, лет 10–15. Начало рукописи Татьяне Павловне удалось изъять из парижской Тургеневской библиотеки. Во время оккупации рукопись лежала в сербской провинции, в доме моего приятеля — серба, Майсторовича, который без вести пропал во время немецкого наступления. Рукопись воротила мне его жена. Счастливый случай помог вывести ее из Югославии в Женеву. И здесь я стал работать над ней, пользуясь имеющимся в библ<иотеке> ООН «Полным собранием российских законов». Вы как человек опытный в научных делах увидите, что работа над ней совершена не маленькая, но каково содержание? — сказать не берусь. Я всегда, когда напишу что-нибудь, думаю — написал дрянь! Как мы списались, покажите Антонию Флоровскому, не требуйте от него письменного отзыва, пусть устно скажет свое общее впечатление. Ему как историку виднее, стоило ли это писать?

Мне как-то стыдно, что нагружаю Вас своими посылками. Ведь Вы обременены заботами, делами, поисками денег. А я все наваливаю на Вас манускрипты. В письме Вашем Вы меня подбодрили. Вы пишете: «Жду и философской Вашей работы и Вашей работы “Российская империя”...» Ну, буду высылать.

Если бы Вера Ивановна могла, когда будет потеплее, поехать куда-н<и>б<удь> в деревню, хотя бы на 3–4 недели? В Праге всегда фабричный дым и смрад. Я начал разговор с Татьяной Ивановной Серговской о посылке в Чехословакию. Она говорит: не посылайте, не запросив предварительно. Сейчас в год дозволены только 3 посылки, четвертая обкладывается страшной пошлиной. Если, напр<имер>, Савицким кто-н<и>б<удь> посылает посылки из Америки, Вы можете оказать им медвежью услугу. Правда ли это? В магазине здешнем, который раньше отправлял посылки в Чехословакию, сейчас отправлять их отказываются, говорят — посылайте сами.

С приветом от нас Вере Ивановне и Вам, с пожеланиями здоровья и успешной борьбы с трудностями

По гроб преданный Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (10).

[1] Кириев Петр Петрович (1888–1970), общественный деятель. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии.

[2] Мейснер Дмитрий Иванович (1899–1980), юрист, журналист, общественный деятель. С 1921 г. в эмиграции, жил в Чехословакии. Выпускник Русского юридического факультета в Праге. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Корреспондент газеты «Последние новости».

11

Женева, 7 марта 1960 г.

Дорогой мой друг Петр Николаевич,

меня очень огорчило сообщенное Вами (в письме от 28 февр<аля>) известие о кончине Г.А. Счеткевича и в то же время очень встревожило Ваше сообщение о нездоровье Веры Ивановны. Ясно, что ближайшая причина этого — хозяйственно-домашние заботы, которые всегда берут много сил, причем незаметно, — не то что рубка дров у мужчины: человек устал, лег, выспался и опять руби… Я все время веду борьбу с моей женой, которая очень устает на службе, приходит домой и начинает заниматься кухонно-домашними делами, — борьба, правда, безуспешная, оттащить ее от этого не удается. Единственный способ — увезти из дома, что я и стараюсь делать во время «вакансов». Здесь она действительно отдыхает. Пробовали оставаться на «вакансы» дома — ни малейшего отдыха нет, начинается двойная, тройная, четверная работа по «домашнему хозяйству». По-видимому, на этом и перетрудила свое сердце Вера Ивановна. Но даст Бог, все обойдется благополучно, только не давайте уставать.

Приложенная к письму Вашему юношеская статья «Миграция культуры» есть настоящий «chef d'oeuvre»[1] — единственное в своем роде замечательное научное предвосхищение будущего, что так редко встречается в наших «гуманитарных науках». Прямо могу сказать, мои многописания малого стоят по сравнению с этой статьей. «Тридцатые годы»[2] у меня имеются, но «Исхода к Востоку» у меня нет, и достать его не могу. Если бы Вы могли попросить кого-н<и>б<удь> переписать некоторые характерные мысли и цитаты из этого сборника (по Вашему выбору, хотя бы очень коротко), мне это очень помогло бы в главе о ЕА.

«Письмо о поэзии П. Востокова»[3] я прочел, вероятно, одновременно с Вами. № 42 «Граней» мне прислали по той причине, что в нем напечатана моя статейка «Природа и человек»[4] — переписанную на машинке копию ее я Вам некогда прислал, спрашивал совета, как, по Вашему мнению, не устарела ли она для печати (написана она была в Югославии около 20 лет назад)? Вы мне ответили, что

не устарела, вот я и послал ее в «Грани». «Ребят», состоящих в редакции этого журнала, я лично знаю, только принятый ими курс сильно «подванивает», что я им всегда и говорю напрямик. В их среду по горло увяз покойный муж[5] моей сестры, написавший для них свою талантливо написанную, но легкомысленную брошюрку «Философская нищета марксизма». По отношению к ним я блюду сугубую осторожность.

Я — не литературный критик. Стихи Востокова мне нравятся именно своей поэтической подлинностью, чуждой всякой современной изломанности, надуманности, нарочитости. Я не выношу, например, стихов покойной Марины Цветаевой, тогда как люблю Анну Ахматову. Мне отвратна новейшая, современная музыка, в которой я слышу отражение не симфонической гармонии, а обратного ей хаотического, дисгармонического, асимфонического начала мира. Я понимаю, что его можно «изображать» — искусство и есть «изображение» — в музыкальных звуках, в стихах, в рисунках; но для меня «какофония» не есть «музыка», многие современные «стихоплетения» не есть «поэзия», а рисунки современных парижских «художников» не есть «живопись». В том, что в Ваших стихах слышатся философские мотивы, я вижу преимущество, а не недостаток: это только углубляет «социалистический реализм», о котором несколько лет назад говорил Жданов[6], противопоставляя его современному западноевропейскому искусству.

Привожу Вам цитату из последнего письма Фридиева:

«Найдите роман <Льва> Никулина “Московские зори”. Какой контраст с Вашим описанием Московского университета и тем, как он изображен автором... Вот образец: в начале года он (герой) был благонравным студентом, с замиранием сердца входил в аудиторию, почтительно внимал лекциям известного в Москве профессора Благородцева (имя, конечно, вымышленное). Однако со временем бархатный бас профессора стал производить на студента странное впечатление. Он заметил, что на него нападает состояние сонливости, он увидел в профессоре явный признак расслабления, сопровождаемого, по выражению Щедрина, одновременным поражением всех умственных способностей. “Что есть право?” — вопрошал профессор, не давая ответа, а только излагая, что понимают под правом Гуго Гроций, Савиньи, Пухта и прочие правоведы, вплоть до Петражицкого (стр. 51–52)» — «Это Вам следовало бы поглядеть, — добавляет Фридиев, — не читая всего, но просматривая отдельные главы».

К сожалению, романа Никулина в Женеве нет, и я не могу его получить. С меня, впрочем, достаточно и приведенной цитаты, которая решительно изменяет мои планы распределения копий моих «Воспоминаний»...

Я не думаю, чтобы что-нибудь вышло из Вашего плана напечатать не появившиеся в печати главки моих «Воспоминаний» в «Новом журнале» новой редакции. Главным заправилом там является Вишняк и, думаю, Цейтлина, субсидировавшая ранее «Современные записки». Вишняк меня не любит с университетской скамьи. Когда Карпович мне предложил печатать «Воспоминания», я ему сказал: «Да Вам не позволит это Вишняк»... — «Ну, с Вишняком-то я справлюсь», — ответил Карпович. Через Кускову я знаю, что Вишняк всячески противился напечатанию,

но Карпович не поддался. Секретарь редакции Роман Гуль[7], бывший мой слушатель в Моск<овском> унив<ерситете>, был секретарем у А.С. Ященки[8], когда он издавал в Берлине «Русскую книгу за рубежом» (в начале двадцатых годов). Когда это начинание кончилось, Роман Гуль стал известным «сменовеховцем» и правой рукой издателя берлинской газеты «Накануне»[9] Дюшена[10]. Дюшен уехал в Москву, а Гуль остался в Берлине, потом переехал в Париж, был ярым «обороновцем» до тех пор, пока не уехал в Нью-Йорк. Покойный Карпович советовался по поводу Гуля с Кусковой, со мной (у меня имеются письма), — и в конце концов взял его по пословице «на безрыбье и рак рыба». Но держал в «черном теле». Гулю едва ли приятно, что мне известна, что называется, «вся подноготная», — и я уверен, что у него по поводу меня будет тесный «алиянс» с Вишняком. Я сам не предприму ни одного шага, чтобы предложить себя. Для чего предлагать? — манускрипт целиком находится в редакции «Нового журнала» — или в квартире Карповича. Если хотят печатать, то пусть печатают, тем более что покойный редактор собирался напечатать еще две главы: «Бунт и тюрьма» и «1905 год». Относительно «Детства», которое Вам очень понравилось, речи не было, но я не хотел бы, чтобы это печаталось в первоначальной редакции, без добавлений, внесенных мною после переписки с Вами (вставки о моем отце).

Резюмирую так: если Г.В. В<ернадский> поставит вопрос о дальнейшем печатании «Воспоминаний» и они там согласятся, я буду ему очень благодарен, но сам никакой инициативы в данном направлении не проявляю.

1.III.1960 я отправил то, что можно назвать «последним изданием» «Мира и души». Слава Богу, не буду больше переполнять Ваш архив своими «paperasse»[11]. «Ваш исторический очерк о Петре я начал читать с увлечением», — пишет мне Фридиев. Я очень рад, что он, проштудировав мою немецкую статью в «Forschungen z<ur> osteurop<äische> Geschichte» и написав на нее рецензию, понял скрытый мною замысел «Российской империи» и разрушившей ее революции. История империи происходила по норме: «Первые будут последними, последние — первыми»[12]. Или, как говорила «фальшивая» листовка 1764 года, обращающаяся к российским дворянам: «В юже меру мерите, возмерится и вам» (ПСЗ, № 12089, 1764 г.). И когда в 1917 году «первые» сделались «последними», а «последние» «первыми», то эти новые «первые» применили к бывшим «первым» ту меру беспощадной жестокости, которую дворяне применили некогда к крепостным. Для меня Сталин, вождь нового «шляхетства», соразмерен Петру Великому, но Царицын и Берлин грандиознее Полтавы. К сожалению, Пушкин два раза не родится и «вирши» сороковых годов не сравнимы с «Полтавой» Пушкина.

Обнимаю Вас крепко, от души желаю скорейшего выздоровления Вере Ивановне и шлю привет всей семье.

Всегда преданный вам Н. Алексеев

NB. По моему мнению, в присланный Вам текст «Российской империи» я позабыл вложить главу о В.Н. Татищеве, к<отор>ая помещается в I главе «Политической идеологии разл<ичных> классов русского общества 18-го века» (непосредственно после «Полит<ических> идей Екатерины II»). Я дошлю ее, если это Вас интересует.

T-SAV-II/9 (11).

[1] Главная работа, шедевр (*фр*.).

[2] Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж: Издание евразийцев, 1931.

[3] Письмо о поэзии П. Востокова // Грани. 1959. № 42. С. 133–135. Публикация включает письмо из СССР Сергея Хмельницкого (отклик на предисловие Н.А. Оцупа к стихотворениям П.Н. Савицкого в № 39 «Граней») с комментариями от редакции журнала.

[4] *Алексеев Н.Н.* Природа и человек в философских воззрениях русской литературы // Грани. 1959. № 42. С. 187–204.

[5] Подразумевается Б.П. Вышеславцев.

[6] Жданов Андрей Александрович (1896–1948), государственный и партийный деятель. В 1934–1945 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 1939 г. член Политбюро ВКП(б). Обоснование «социалистического реализма» было предложено А.А. Ждановым впервые в речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. Жданов не мог говорить о «социалистическом реализме» «несколько лет назад» (по утверждению Н.Н. Алексеева), т. к. умер в 1948 г.

[7] Гуль Роман Борисович (1896–1986), писатель, журналист. Участник Гражданской войны. С 1919 г. в эмиграции. С 1920 г. жил в Берлине, работал секретарем в редакции журнала «Новая русская книга». В 1923–1924 гг. редактор литературного приложения к газете «Накануне». С 1933 г. жил во Франции, с 1950 г. — в США.

[8] Ященко Александр Семенович (1877–1934), юрист, правовед, библиограф. Выпускник Московского университета. С 1909 г. преподавал в Юрьевском университете, с 1911 г. — в Петербургском университете, в 1917–1918 г. — в Пермском университете. С 1919 г. в эмиграции, жил в Берлине, с 1921 г. издавал журнал «Русская книга», с 1922 г. — журнал «Новая русская книга». С 1924 г. жил в Литве, профессор юридического факультета Литовского университета в Каунасе.

[9] «Накануне» — общественно-политическая газета, выходила в Берлине в 1922–1924 гг. Газета была печатным органом сменовеховцев.

[10] Дюшен Борис Вячеславович (1886–1949), инженер, журналист. Участник Первой мировой войны, в 1919 г. служил в штабе Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. С 1919 г. в эмиграции, жил в Эстонии, затем в Германии. С 1921 г. член редколлегии газеты «Накануне». В 1926 г. вернулся в советскую Россию. В 1935–1940 гг. находился в заключении. С 1940 г., после досрочного освобождения, работал инженером в НКВД.

[11] Ворох бумаг (*фр*.).

[12] Мф. 19: 30; Мк. 10: 31. Точная цитата: «Многие же будут первые последними, и последние первыми».

12

31 марта 1960 года
Женева

Дорогой мой друг Петр Николаевич,

получил Ваше письмо от 22 марта, письмо печальное, прямо трагическое. Мучаюсь одним чувством — как бы Вам помочь? Но не нахожу путей и средств. Остается, при слабости и беспомощности человеческой, только одно — молиться Богу.

При слабом моем умении творить молитву стараюсь это делать, прошу Бога, чтобы он помог Вам в Вашем трудном положении. В прошлых письмах давал Вам какие-то советы, неумелые и не считающиеся с Вашим положением. Знал от здешних, очень хороших, первоклассных врачей, что болезнь Веры Ивановны при современных медицинских средствах считается вполне преодоленной и излечимой. Здесь, в Leysin, где были десятки санаториев, санатории переделали в отели для туристов, лечат инъекциями, и, знаю примеры, очень успешно. Существует ли это лечение в Праге?

Растрогали меня Ваши слова: «Думаю, что по мыслям и ощущениям Вы сейчас самый близкий мне в мире, поистине родной брат». Думаю, что это правда. Ужасно хочется с Вами повидаться до конца моих дней, который приближается с моим старческим возрастом. Все верю, что каким-то чудом это будет возможно, но стоит ли верить в такие чудеса?

Я, что называется, «скриплю», как немазаная дверь: то здесь поболит, то там, но «в общем и целом» как-то здравствую. Жду смерти без страха — жизнь иногда надоедает.

Вы спрашиваете, что я делаю, чем занимаюсь? Вторую часть «Воспоминаний» почти что довел до переезда в Прагу. Причем еще не успел переписать на машинке те главы, которые целиком включаю в новую редакцию из «Воспоминаний» 1926 г. (Архив / т. 17). Думал, что вышлю Вам, когда все будет окончательно готово, но Вы пишете в последнем письме, что «получение каждой Вашей работы — большая для меня радость», потому решил, что на днях вышлю Вам совсем готовую часть переделанного. Остальное — в будущем, если буду жив. С будущей недели принимаюсь за юридический наш факультет, а потом за ЕА.

Слава Богу, мы живем благополучно. Т<атьяна> П<авловна> очень устает, сейчас у нее работа по двум конференциям — по морскому праву и подготовительная по разоружению. Маша сейчас работает у <С.К.> Царапкина[1] по атомной энергии. С мая начинается так наз<ываемый> «Экономический совет» (Экосо) — ежегодный, требующий большого напряжения у Т.П. (ночные работы), которые не выносятся так легко, как раньше, — ведь она приближается к шестидесятилетнему возрасту. С 1 августа начинаются месячные вакансы. Нынешний год мы не едем в наше милое Locarno, куда ездили прошлые годы, цены поднялись, стало для нас дорого. Едем на 2 недели в Salvon, где были в прошлом году, а остальные 2 недели проведем в Женевском кантоне, в дешевеньком пансионе на отрогах Юры.

И я, и Фридиев выражали опасение, как бы Никиту <Хрущева> нашего во Франции не укокошили, как в прошлом короля Александра[2] и Сарро[3]. Но де Голль навел порядок в полиции, притиснул эмигрантов, некоторых подозрительных выслал на Корсику, где устроил им целый пансион (бесплатный). Судя по фотографиям, они там играют в мяч и требуют скорейшего возвращения на места их службы во Франции. Поездка Никиты была настоящим триумфом — это должна была признать женевская, крайне враждебная к Москве пресса. Петра Великого принимали короли, принцы и принцессы, он вел себя как настоящий дикарь, рыгал после обеда, издавал не принятые в любом обществе звуки, щипал женщин и т. п. А про этого бывшего углекопа Поль Рено сказал: это самый выдающийся

актер, которого я видел в моей жизни. Принимали его народные массы и люди всех классов буржуазного общества, начиная с высшей финансовой аристократии Франции и кончая французским пролетариатом. И этот человек, наружно похожий на русского маклака или трактирщика, во всех общественных кругах умел держать себя представителем великого государства, умел где нужно быть милым и ласковым, где нужно — показать кулак. Замечательно, как, стоя перед французским haute finance[4], изрек: «Да я с некоторыми из вас давно знаком, вон стоит представитель бывших углевладельцев Донецкого бассейна — да я ведь у вас работал в копях простым углекопом!» Визит Хрущева иллюстрировал, какое количество во Франции коммунистов при малом количестве коммунистических депутатов в парламенте. Жульническая система выборов позволяет при втором туре элиминировать всех, неугодных буржуазным кругам. Старания Хрущева оттянуть де Голля от Германии и возобновить франко-российский союз едва ли могут увенчаться успехом. Де Голль — типичный буржуазный диктатор, ненавидящий Москву. Отличие его от Гитлера и Муссолини в том, что за ним не стоит партия и главная опора его — часть армии. Однако алжирский вопрос расколол и самую армию. Крайне правые ее элементы, сконцентрировавшиеся в Алжире, готовы его свергнуть. Что будет с Францией, когда он умрет — ведь он старик, — никто не знает. Я думаю, что власть возьмут коммунисты.

Не знаю, возможен ли сговор великих мира сего, когда они соберутся вместе. Уж очень много моментов, противоречащих возможностям сговора. Допускаю возможность наихудшего, т. е. атомной войны, но не хочу терять надежды на лучшее.

Фридиев пишет мне в одном из последних писем: «Спросите ПНС <Петра Николаевича Савицкого>, может ли ему быть полезным знакомство с Виктором Кнаппом[5], проф<ессором> Карлова университета. Я с ним знаком и написал рецензию на его книгу о системе гражданского права. Он мне очень благодарен, ему льстит быть цитированным в парижском юридич<еском> журнале».

Вот, кажется, все. Не буду оставлять Вас без вестей, а Вы, несмотря на все свалившиеся на Вас трудности, не забывайте меня, дорогой мой друг, Петр Николаевич.

Привет мой сердечный Вере Ивановне и всей семье.

Любящий Вас Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (12).

[1] Царапкин Семен Константинович (1906–1984), знаменитый советский дипломат, подписавший от имени СССР в 1945 г. Устав ООН, позднее был представителем СССР в ООН, посол в ФРГ.

[2] Король Югославии Александр I (1888–1934) был убит 9 октября 1934 г. в Марселе боевиком болгарской террористической организации.

[3] Вероятно, Н.Н. Алексеев перепутал и имел в виду французского министра иностранных дел Жана-Луи Барту (Barthou; 1862–1934), который был убит вместе с королем Югославии Александром I.

[4] Финансовая верхушка (*фр.*).

[5] Кнапп Виктор (1913–1996), чешский юрист, правовед, политик. С 1951 г. профессор гражданского права на Юридическом факультете Карлова университета. С 1952 г. член-корреспондент Чехословацкой академии наук.

13

14 апреля 1960

Дорогой мой друг Петр Николаевич. Поздравляю Вас, дорогую Веру Ивановну и все Ваше семейство с<о> светлым праздником Воскресения Христова и желаю всякого благополучия. Татьяна Павловна присоединяется ко всем этим пожеланиям и поздравлениям. На службе Т.П. пять дней отдыха, начиная с сегодняшнего вечера, для нее это большое счастье. Конференции ее совершенно замучили. От Вас давно не было никаких известий. Посланный Вам журнал (с неделю тому назад «заказным») сегодня возвратился обратно с пометкой «non admis»[1]. Посылку Вам дальнейшего текста «Воспоминаний» я отложил — текст еще не вполне готов. Я неуклонно приближаюсь к тому возрасту, в котором умерла королева Виктория (82 г.); но она под конец жизни почти ослепла, не могла читать, писать и ходить. А я все еще прыгаю, читаю, пишу и даже мечтаю о будущем!.. Должен благословлять судьбу.

Преданный Вам и любящий Вас
Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (13).

[1] Не принято получателем (*фр.*).

14

Женева, 18 мая 1960

Милый мой друг Петр Николаевич,
очень обрадовался Вашему письму и прекрасному, судя по фотографии, наружному виду Веры Ивановны. Внука Вашего на расстоянии целую, а сыновьям шлю мой привет. Станя на карточке очень хорошенькая, а Петя стоит окутанный фотографическим мраком, так что разглядеть его трудно. Хотел бы очень всех Вас повидать, но, чтобы это сбылось, нужно, чтобы я в начале июля выиграл на здешней лотерее солидную сумму денег. Но я всегда проигрываю, хотя неукоснительно покупаю ⅓ целого билета.

Некоторая тревога, вызванная потерей книги, отразилась в письме <И.С.> Яковени[1]. Вы должны понять, что я совершенно не знаю условий Вашего бытия. Алексей Степанович, как Вы пишете, скончался 10 мая, а я об этом уз-

нал дней через 5 после смерти от одной анекдотической дамы, бывшей пражанки, ныне обитающей в Женеве. Не дай Бог послушать ее, чтобы впасть в тревогу и в уныние. Письмо большое Ваше я получил, но, согласитесь, после этого было месячное молчание и разные страхи, распускаемые Серговской. Вот Вам сцена с натуры. Татьяне Павловне страшно некогда, приходит к ней Серговская: «Простите, Т.П. Дайте мне совет» — «В чем дело?» «Вот здесь переводчик применил слово, которое я не решаюсь употребить». — «Какое слово?» — «Беременная женщина». — «Да если бы Ваша мать не была беременной, Вас бы не было на свете. Это обычный физический акт, в котором нет ничего неприличного». — «Что Вы, я никогда не произношу этого слова. И папочка никогда не говорил, что моя мать была... я не могу даже произнести этого слова». Краснеет, как маковый цветочек, и с обидой удаляется...

На днях буду писать более подробно и дельно, а пока шлем всем привет и поздравления с днем прошлого рождения. Вере Ивановне целую ручку. Порцию «Воспоминаний» вышлю на днях. Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (14).

[1] Яковеня Иван Степанович (1894–?), военнослужащий царской и Добровольческой армий, эмигрант, жил в Чехословакии.

15

Женева, 7 июня 1960

Дорогой мой друг Петр Николаевич,

запоздал с ответом на длинное Ваше письмо от 1/14 мая по причинам и уважительным, и неуважительным. Две недели болел гриппом — противным, без лихорадки, но с кашлем, бронхитом и т. п. — при прекрасной погоде и тепле, случай редкий. Теперь наконец поправился. Занят был другими «писаниями», от которых, разумеется, можно было оторваться. Все же отправил Вам часть вторую «Воспоминаний», именно мое участие в Гражданской войне, вплоть до обратного отъезда в Крым. Из этой части остается целиком уже напечатанной в «Архиве» отрывок, описывающий печальное пребывание в Крыму и окончательную «эвакуацию», кончившуюся «эмиграцией». Эту небольшую часть нужно просто перепечатать из «Архива», на что у меня нет времени. Перепечатаю, когда освобожусь от других работ. Теперь перехожу к «Юридическому факультету» и к «ЕА», чем займусь, вероятно, летом.

Последнюю отосланную Вам порцию Вы, вероятно, получили. Напишите неск<олько> слов, когда будет время.

Подозреваю, что Ваша инициатива лежит в основании того «адреса», который И.С. Яковеня прислал мне с подписями 18 пражан. Должен сказать, меня это очень растрогало, прямо до слез. У меня было чувство, что меня больше ругали,

чем признавали — а вот, оказывается, целых 18 друзей... Параллельно с этим растрогало и письмо лондонского однополчанина, с которым вместе воевали и который пишет (также от 1 мая ст. ст.), что Вы теперь «старейший из чинов» конного крымского «ея величества императрицы Александры Федоровны» полка и к «моему поздравлению Вас присоединяется все наличие за границей крымцев, в том числе и крымские татары». Ну, какой я — «чин» полка, какой кадровый член его нормального состава, — просто случайно приставший «чужак», да и не «монархист», а человек, ставший «советским гражданином». Просто сохранили добрую память о хорошем «вояке», хорошем боевом товарище — и это мне особенно дорого. Словом, май 1960 года стал для меня датой «юбилейной». Что называется, порадовали «старика»... Яковене я послал благодарственное письмо с просьбой передать его содержание всем 18 пражанам.

М.Е. Фридиев пишет мне, что последнее время начал, помимо своих юридических занятий, заниматься философией. Спрашивал, что читать, — я ему дал в этом направлении советы. Но главное, приобрел философского ученика, француза, с которым вместе штудируют и обсуждают мою «Мир и душа». Получилось так, что этот француз, молодой человек, становится как будто моим философским учеником и будет развивать свои философские воззрения в направлении мыслей моей книги. Бог ему на помощь, м<ожет> б<ыть>, из этого выйдет в будущем что-нибудь путное. В связи с этим Фридиев поставил мне несколько вопросов из области философской этики. У меня была статья, напечатанная под псевдонимом «Колянский» в том журнале, в котором появилась (много позднее) известная моя статья о «Природе и человеке в философских воззрениях русской литературы». Мне и пришла в голову мысль формулировать свои взгляды в области философской этики, взявши за основу статью «Колянского», и присоединить к ней разные мысли из моих старых книг и статей о праве. Так и получился небольшой этюд, который я озаглавил (предварительно) так: «Несколько мыслей о нравственности и праве». Этюд уже на ¾ сделан, и я вышлю его Вам, как будет готов. Размышления на названную тему замедлили скорый ответ на Ваше длинное письмо от 1/14 мая 1960 г.

Я не думаю, что названная тема Вас очень увлекла. Несмотря на близость наших духовных и умственных интересов, каждый из нас имеет свою «специальность» — иначе и не может быть. Я не очень углублен в Ваше кочевниковедение, Вы не можете быть увлечены моей «юриспруденцией». Но все-таки этот этюд о нравственности и праве прошу Вас, когда будет свободное время, прочесть и высказать о нем Ваше мнение. Тема, как мне кажется, достойна коллективного обсуждения. Суждения Фридиева, когда он это прочтет, сообщу Вам.

Начинать разговор о политике, пожалуй, не стоит — настолько он сложен. На этих днях развалилась французская колониальная империя[1]. США в лице крупнейших капиталистов и генералов хотят войны, но начать ее не смеют. Мы снова вступаем в период «холодной войны» — отчего разные эмигрантские сообщества, начавшие худеть и беднеть, снова разбогатеют. Из Франкфурта и Мюнхена идут сведения, что там «подъем» и «ликование». Но «Комиссия по разоружению» в ООН, где теперь работает наша Маша, будет продолжать свою деятельность, и только что вчера снова воротились из Москвы уволенные во временный отпуск

переводчики и машинистки. Опасность в том, что какой-нибудь сумасшедший и неосторожный акт может в несколько минут уничтожить население части земного шара и сделать уродами тех, которые остались живы. Согласитесь, что такой ситуации еще никогда не было в мировой истории.

Надеюсь, что с наступлением теплого времени здоровье Веры Ивановны улучшается. Молодой Петр Савицкий растет и продолжает распевать, сыновья Ваши и вся семья здравствует. Вере Ивановне шлю мои лучшие пожелания и Вас крепко обнимаю.

Преданный Вам друг Ваш Н. Алексеев

Требуемую Вами статью постараюсь выслать, на руках у меня ее нет.

T-SAV-II/9 (15).

[1] К началу 1960-х гг. обрели независимость Камерун, Бенин, Сенегал, Мали, Мадагаскар и другие страны, а раньше — Вьетнам и Марокко.

16

Женева, 6 июля 1960 г.

Дорогой друг Петр Николаевич,

пишу Вам на машинке, чтобы сохранить копию, которую хочу переслать Г.В. Вернадскому. Посылаю Вам с этим письмом «Несколько мыслей о нравственности, праве и государстве», разъяснения по поводу «Нескольких мыслей», написанные по просьбе Фридиева, — довольно много исписанных листов, содержание которых, боюсь, будет Вам не по душе. Написаны они с намерением ориентироваться на французский «менталитет»: Фридиев будет переводить написанное своему ученику — французу, и потом будут вместе обсуждать. Вам все написанное может показаться известным и излишним.

По примеру «комментариев» к Фридиеву хочу написать комментарии к Вашему письму от 21 мая (а не от 1 мая, как Вы предполагаете), в котором Вы делаете замечания о статье моей «Природа и человек». Замечания очень интересные и для меня ценные, интересны, вероятно, и Вернадскому, разрабатывающему, как Вы пишете, ту же тему.

1. Название статьи. «Не нравится мне то общее имя, которое Вы дали рассматриваемой Вами группе русских философов»... «Какие же они “теософы”»... «все это верующие православные люди»... «Лучше старое традиционное имя “светские богословы”»...

Мое разъяснение. Да я такого названия статье и не давал. Я только на первой странице упомянул, что разбираемые мною авторы являются «свободными теософами» в отличие от русского академического богословия. Думаю, что для Бердяева, например, наименование «богословом» было бы просто обидно, для Розанова или Успенского оно не подходяще, для Толстого оно сомнительно и, ве-

роятно, вызвало бы справедливые протесты со стороны действительных русских «богословов». Ну, еще богословом можно назвать отца Сергия Булгакова, но я его и не включил в свое изложение. Богословие предполагает «догматы», а какие же мои авторы были «догматиками». Теософия в точном переводе значит «богомудрие», но такого слова на русском языке не существует. По-моему, всем понятно, что термин «теософы» я употребил не в смысле Блаватской[1], а в смысле свободного умствования о религии в отличие от связанного догмами богословского мышления, в котором, в его истории, проявлялся дух, более близкий марксистской догматике, чем свободному мышления о божественных вещах.

2. По поводу И.С. Тургенева. Он «не чувствовал русской религиозности» — утверждаю я. Конечно, на поверхности его мировоззрения, говорите Вы, были взгляды пошлейшие, но в «нутре» было и другое. Человек, совершенно не чувствующий «русской религиозности, не мог бы написать такой вещи, как, напр<имер>, «Живые мощи». См. также предсмертное письмо его (завещание) Л. Толстому».

Мои разъяснения. Тургенев был прежде всего романистом-художником. Художник может описать то, что он видит, описать точно в других людях, что не переживает в своей душе. Если Гоголь изображал Ноздрева и Чичикова, это не значит, что он сам в своей душе переживал их чувствования. Я в свое время, в ныне забытой статье, напечатанной в журнале «Путь», собрал мысли Тургенева о религии и философии. «Не из эпикуреизма, — писал он в 1862 году, — не из усталости и лени, как говорил Гоголь, я удалился под сень струй европейских принципов и учреждений»... «Мне было 25 лет, я не поступил иначе не столько для собственной пользы, но для пользы народа». Русский народ — «консерватор par excellence, самому себе представленный, неминуемо он вырастает в староверы, вот куда его гнет, куда прет»... «Что же делать. Я отвечаю, как <О.Э.> Скриб[2]: “Prenez mon ours”[3], — возьмите науку, цивилизацию и лечите этой гомеопатией мало-помалу»... В письме к Герцену Тургенев оговорился, что из европейских философов он более всего ценит... Литтре!..[4] «Я в мистицизм не ударился и не ударюсь»... «Теперь действительно поставлен вопрос о том, кому одолеть — Науке или Религии. С какой тут стати Россия?!»...

Я думаю, не отрицая талант Тургенева и его заслуги в истории русской словесности, не стоит зачислять его в «наши». Им он никогда не был, и если имел «нутро», то оно сводилось к неискоренимой любви к русской природе, к лесам, к полям, к болотам, рекам. «И потянуло вдруг его назад, туда, туда, в деревню, в старый сад, где липы так развесисто тенисты, где ландыши пленительно душисты»[5]. Охотясь в Баден-Бадене с месье Виардо, вспоминал он Бежин луг, Красивую Мечь[6], свое заброшенное именье. Здесь еще далеко до «религиозности»... Думаю, что я несколько преувеличил, говоря о склонности его ощущать «темную» стихию мира. Я основывал свое мнение на одном из самых замечательных рассказов Тургенева «Собака» (может быть, неточно передаю название[7]). Здесь действительно чувствуется ощущение какой-то темной стихии мира, но нельзя это преувеличивать. Письмо к Толстому (предсмертное) когда-то читал, но сейчас содержания не помню.

3. Выдержки из письма Вам Вернадского: «Ваши замечания на его (Алексеева) статью очень мне по душе — познание природы “горнилом, весами и мерой”, ко-

нечно, не противоречит целостному ее пониманию — наоборот, только то и другое вместе может охватить все».

Мои замечания. Из цитаты этой выходит так, что я будто бы отрицаю важность познания природы «горнилом, весами и мерой»... В 1959 году я выпустил литографированную книжечку в 100 страниц, в которой подробно доказывал, что если первоначальным источником наших общих понятий или категорий были миф, первобытная мистика и религия, то современное математическое естествознание, раскрывшее тайны атома, оперировало с теми же категориями, как и примитивное религиозно-мифическое постижение мира (см. «Формы мышления и атомная революция»). Не помню, посылал ли я эту книжечку Вернадскому, но, во всяком случае, посылал в «Новый журнал» Карповичу и в «Новое русское слово». Во всяком случае, у Вас эта книжка есть. Боюсь, что Ваша передача моих мыслей Вернадскому ввела его в недоразумение.

4. Ваш тезис: «Из всех известных мне народов нашей планеты русские суть наиболее космический народ; и в то же время народ с наибольшей волей к переделке, к перестройке космоса, то есть той природной среды, которая доступна их воздействию».

Мои замечания. Согласен в том, что наш народ обладает наибольшей волей к переделке космоса, обнаруженной после Октябрьской революции и в 18-м веке (при Петре). До этого он был в этом отношении довольно инертным. Но не знаю, в каком смысле его можно назвать «наиболее космическим». По моей статье выходит, что он был «космичен» в восприятии «среднего мира», мезокосмоса. Над ним тяготели «силы земли», а макрокосм для него был скрыт в силу господствующего у него аристотелевско-богословского миропонимания. Наука и привитое ему марксизмом миросозерцание (чисто материалистическое) открыли ему макрокосм. Из марксистской литературы наш человек из народа впервые узнал, что «из раскаленных масс газа (а не из божественного творчества) произошли бесчисленные солнечные системы, которые в течение миллионов годов приобрели кору; что на них возникла живая протоплазма, возникла первая клетка, потом различные виды протистов[8], растения, животные и наконец человек (слова Энгельса). Изложение всего этого служит главной темой антирелигиозной пропаганды, которую ведет правящая партия. И надо признать, она более соответствует современному научному взгляду на мир, чем аристотелевско-богословское миросозерцание, которое исповедуют «церковники». Потому оно и поддерживается теми гениальными изобретателями, математиками, физиками и инженерами, которые открыли дорогу в «макрокосм», построив «спутник». Но я не знаю, переварили ли они это умственно, передумали ли философски? Стоять перед этими двумя бесконечностями — бесконечностью микрокосма и бесконечностью макрокосма — и не ставит<ь> философских проблем, поставленных Паскалем и Кантом, а оставаться на позициях, сформулированных в 1877–1878 гг. Энгельсом и в 1908 г. Лениным, это значит обнаружить большую узость философской «космичности». Впрочем, от нас скрыто, что думают и о чем рассуждают про себя современные советские физики. Во всяком случае, ясно, что культура огромных городов, построенных в СССР, не могла не заглушить непосредственного влияния «сил земли» — недаром Федоров взывал: «Горе городам», и в то же время наружное господство популярных

философских взглядов, чуть-чуть ли ни столетней давности не могло содействовать расцвету новой «космологической» философии научного стиля.

5. В письме Вашем по поводу рукописи, присланной некогда Вам, Вы заметили, что статья не имеет заключения. В печатном тексте я заключение составил, может быть, не удовлетворительно. В Ваших замечаниях по поводу моей статьи Вы о заключении этом ничего не говорите. Между тем я придавал ему существенное значение: я в нем пытался показать, что русские философствующие литераторы («свободные теософы») доказывают, что у русских была своя первоначальная философская интуиция, которой обладают далеко не все народы. В выдающейся и превосходной форме обладали ею древние греки, ее были совершенно лишены древние римляне, философия у которых была эпигонской по греческим образцам. Из новых европейских народов ею обладали французы (Декарт и Паскаль), немцы (Лейбниц, который был наполовину славянином, и немецкий идеализм), в меньшей степени англичане (Бэкон и отчасти Гоббс и Локк). Такой интуицией, например, совсем не обладают сербы и болгары, все скандинавские народы. Итальянцы были не лишенными таланта эпигонами, повторявшими чужие мысли. Эпигонской считаю я и предшествующую русскую философию: у нас были талантливые шеллингианцы, гегельянцы, кантианцы, но своих народных философов не было. В заключении к моей статье я хотел показать, что в зачатках своих, в эмбрионе, самостоятельная философская интуиция существовала у философских представителей наших «свободных теософов» (не академиков). Вероятно, сделал я это неудачно, потому Вы и ни одним словом не обмолвились о заключении к моей статье, которому я, видимо, ошибочно придавал большое значение.

Как видите, я в меру моих старческих сил работаю и пишу. Беспокоят меня Ваши дела. Как с Верой Ивановной? Ваню[9] Вашего с блестящим окончанием курса поздравляю. Ваша мысль написать мне целую книгу на тему «Мир и человек» была бы осуществимой, если бы мне не было 81 года. Дай Бог, чтобы в этом возрасте кончил то, что у меня намечено в ближайших проектах. Боюсь, что умру, не осуществив намеченное. Чувствую, что старею. В летний отдых мы уезжаем 6 августа, если все у нас будет благополучно. Об адресе я Вам напишу.

Преданный Вам и любящий Вас с сердечным приветом Вере Ивановне и всей семье Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (16).

[1] Блаватская Елена Петровна (1831–1891), основательница Теософского общества, создательница синкретического теософского учения.

[2] Скриб Огюстен Эжен (Scribe; 1791–1861), французский драматург.

[3] «Возьмите моего медведя» (*фр.*). Фраза из водевиля О.Э. Скриба «Медведь и паша» (1820).

[4] Литтре Эмиль (Littré; 1801–1881), французский философ-позитивист, историк, филолог. Составитель «Словаря французского языка».

[5] Неточная цитата из стихотворения И.С. Тургенева «Из поэмы, преданной сожжению» (1848). Ср.: «...И понемногу начало назад / Его тянуть: в деревню, в темный сад, / Где липы так огромны, так тенисты / И ландыши так девственно душисты…» (впервые опубл. как эпиграф к рассказу «Лес и степь» (Современник.1849. № 2, отд. I. С. 309)).

[6] «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи» — произведения И.С. Тургенева.

[7] «Собака» (1878) — стихотворение И.С. Тургенева в прозе.

[8] Группа живых существ, включающая простейших, водоросли, грибоподобные организмы.

[9] Савицкий Иван Петрович (1937–2010), историк. Младший сын П.Н. Савицкого. Выпускник Карлова университета. Автор статей и книг по истории русской эмиграции.

17

Женева, 4 августа 1960

Милый и дорогой друг мой, Петр Николаевич.

В субботу 30 июля утром я поставил точку над последней строчкой «Воспоминаний» (кончая Юридич<еский> фак<ультет> и исключая ЕА, а также самую последнюю часть, посвященную Югославии) — и в этот буквально момент позвонил почтальон, принесший Ваше длинное письмо от 26 июля. Письмо это меня вдвойне обрадовало. Я начинаю беспокоиться, когда нет долго вестей от Вас, и, кроме того, по содержанию своему Ваше письмо рассеяло мои подозрения, что мои «Несколько мыслей» будут приняты Вами холодно. Я очень дорожу Вашим мнением и всегда принимаю во внимание Ваши замечания, дополнения и поправки. Изолированное существование, которое я здесь веду, всегда очень неблагоприятно отражается на форме и содержании мыслей, которые излагаются на бумаге. Мне не с кем здесь посоветоваться, некому прочесть написанное, кроме Т.П., которая так занята на службе, что во внеканикулярное время ей буквально не до того. Фридиев, которого я очень расхваливаю в главке о Юрид<ическом> факультете, — и он как юрист достоин этих похвал — философски человек не очень образованный, только начинающий впитывать то философское образование, которое я стремлюсь ему внушить, — потому замечания его дают мне мало. Ваши замечания я приму во внимание, включая даже «богомудрия». Не согласен я только с тем, что Бердяев принял бы без больших ограничений название «богослова», и думаю, что я прав, когда говорю, что такое название возбудило бы у него протест. «От философии требовали, чтобы она была сообразной с теологической обработкой веры»... «Но это и требует всегда теология!»... «Если философ — христианин и верит во Христа, то он совсем не должен согласовать свою философию с теологией православной, католической или протестантской»... «Откровение не может навязать философии никаких теорий и идеологических построений». Вот ряд любимых мыслей Бердяева, препятствующих применить к нему наименование «богослова»...

Сообщаю Вам мои летние адреса:

С 6 до 20 августа

Hôtel Gay-Bulmaz, Les Granges, Sulvon (Vulais) Suisse

С 20 авг<уста> до 3 сентября

Château de Martheray, Begnins (Vaud), Suisse

Мы выезжаем 6 авг<уста> (послезавтра). Вчера отправил Вам заказным пакетом последние главы моих «Воспоминаний», включая «Русск<ий> юридич<еский>

факультет». Тотчас же по приезде на место каникул пришлю Вам ряд вопросов, касающихся главы об ЕА. Главу эту буду писать уже по возвращении в Женеву, так как все имеющиеся по этому вопросу книги переданы мною в здешнюю университетскую библиотеку. Имеются некоторые материалы в библиотеке профессора Либа[1] (в Базеле), но переданы им также в Базельскую унив<ерситетскую> библиотеку, откуда их можно выписать в Женеву. Книги эти должны быть у меня под рукой, когда начну писать об ЕА.

Не оставляйте меня долго без вестей, дорогой друг. Если нет времени писать длинные письма, пришлите маленькую весточку. Как Вера Ивановна и как все семейство? У меня вечное желание повидать Вас — желание, по-видимому, неисполнимое.

Сердечно преданный Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (17).

[1] Либ Фриц (Lieb; 1892–1970), швейцарский теолог, славист, издатель. Специалист по русской истории, философии и культуре. С 1937 г. профессор Базельского университета. Собрал большую библиотеку (около 13 тысяч наименований), которую в 1951 г. подарил Базельскому университету.

18

Среда, 5 октября, 1960
Женева

Дорогой друг Петр Николаевич.

Опять нет от Вас никаких известий. В середине прошлого месяца я послал Вам небольшое письмецо (после отправки Вам рецензии на польскую книгу), где извещал, что жив и здоров. Послал не заказным, а простым письмом. Получили ли Вы его? У меня примета, что письма наши (большие) расходятся, и надеюсь, что разойдутся и теперь. Я готовлю Вам сравнительно большое отправление — главы воспоминаний от начала Второй войны до конца германской оккупации в Белграде. Остается еще три главы — 1) Приход русской армии, 2) Белградский юридический факультет, 3) Разрыв Тито с<о> Сталиным и мой отъезд в Швейцарию. Буду писать их теперь. Остается пропуск об ЕА. Знаю, как Вы обременены работой и заботами, и потому не хочу торопить Вас с ответом на поставленные вопросы. Пока жив и относительно здоров, но много думаю о смерти, которая неумолимо приближается. Как Вы, дорогой друг, и как Вера Ивановна? Пишите.

Преданный Вам и Вас любящий
Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (7).

19

Женева, 16.X.<19>60

Милый и дорогой мой друг Петр Николаевич.

Сам не знаю, как объяснить, что после последнего письма моего, полученного 23 августа Вами, и после трех более поздних от Вас писем я не собрался написать Вам. Целых два месяца молчания есть непростительная небрежность. Видит Бог, что говорю Вам правду, — не было дня, когда бы я не думал о Вас, о Вашей «бытовой нагрузке» и «нагрузке рабочей», почти что непосильный труд, который Вы несете. И какое нужно иметь широкое сердце, чтобы тревожиться обо мне и тратиться на телеграммы, выражающие тревогу о том, что со мною. Спасибо, дорогой мой Петр Николаевич, и простите мне «свинство», психологически объяснимое многими мотивами. Думал, что Вам не до меня в Вашей занятости. Боюсь, что скоро умру, хотел докончить все мною задуманное, и летом много писал. Кроме того, дачная жизнь с ее передвижениями рассеивает, выбивает из привычной колеи. «Эпистолярность» — не мой талант, регулярную переписку веду только с Вами и с Фридиевым и удивлялся всегда покойной Е.Д. Кусковой, которая каждый день способна была писать десятки писем — и дружественных, и ручительных, и деловых, и за своего мужа, который тоже переписку вести не умел.

Лето у нас вышло не очень удачное — лил дождь, и было холодно. После первых двух недель, которые мы провели на высоте 1200 метров, мы перебрались в «замок» де Мартери[1], рекомендованный нам знакомыми. Пища там была столь отвратительная, что мы оба заболели и, пробыв там 3 дня, перебрались в другое место. Письмо Ваше от 26 августа долго бродило и нашло меня только в Женеве, после 6 сентября. В Женеве у меня сломался вставленный 50 лет назад (еще в Москве) зуб — пришлось возиться с дантистом (и теперь еще вожусь). Все это пустяки сравнительно с Вашими невзгодами, и только отчасти может объяснить мое долгое молчание. Во время каникул много писал. Начерно набросал заключительную часть «Воспоминаний» — последние 10 лет жизни в Югославии (до переезда в Женеву). Время тоже «бурное», но память мне начинает изменять, и только с усилиями выплывают пережитые картины. Сейчас начал переписывать это на машинке, думаю, что, если буду жив и здоров, вышлю Вам часть дней через 10. За лето написал по давнишней просьбе Фридиева короткий отзыв о книге польского философа А. Шаффа «Объективный характер законов истории»[2], перевод, изданный в Москве «Издательством иностранной литературы». На машинке переписал уже в Женеве и копию присылаю Вам вместе с этим письмом. В Женеве нашло меня тоже блуждавшее письмо Г.В. Вернадского, очень милое. Ответил на него также по приезде в Женеву. Г.В. просит выслать ему копию моих «Нескольких мыслей о нравств<енности>, праве и госуд<арстве>». Но у меня лишней копии нет. Я начал ее сводить и вместе с тем несколько переделывать первоначальный текст, который мне не нравится. Когда кончу, вышлю новую редакцию Вам. Но возраст мой меня страшит — боюсь, как бы не хватил меня в мои 80 лет удар — и так ничего предположенного мною не окончу. Иногда разъедает

меня скепсис — «а кому это нужно», — тогда обращаюсь мысленно к Вам и ищу поддержки в Вашей пламенной вере, в Вашем несокрушимом оптимизме.

Сейчас волнует меня, зачем русские ввязались вместе с чехами в африканскую политику?[3] Янки их из Африки вышибут, не идти же на войну из-за этих черных младенцев, потерявших детскую наивность примитивного человека и развращенных соприкосновением с задами и подонками западной цивилизации. Но об этом — в другой раз. Верю, что Вера Ивановна выберется из своей болезни, и шлю Вам обоим сердечный привет. Преданный Вам Н. Алексеев

T-SAV-II/9 (18).

[1] Замок де Мартери (Château du Martheray) находится неподалеку от Женевы.

[2] Книга польского философа-марксиста Адама Шаффа (Schaff; 1913–2006) «Объективный характер законов истории» была издана в Москве в 1959 г.

[3] СССР и Чехословакия поддерживали некоторые африканские государства — например Египет, с которым Чехословакия в 1955 г. заключила договор о поставке вооружения (так называемая пражская сделка).

20

3.XI. <19>60

Дорогой мой друг Петр Николаевич.

Вчера в «Палэ де Национ» в кабинет моей жены зашла девушка из Праги, которая передала ей предназначенный мне журнал с Вашей статьей. Рассказать про Вас ничего не могла, так как, по ее словам, недавно с Вами познакомилась. Она приехала в Женеву с какой-то чешской делегацией. От всего сердца благодарю Вас за присылку номера и за надпись, в которой Вы преувеличиваете мое значение. В письме Вашем от 20.X Вы пишете: «По сравнению с Вами я совершенно элементарен, как из одной глыбы высечен»...[1] «Боже мой, каких только периодов развития не пережили Вы»... Не думаете ли Вы, что «быть элементарным» много лучше, чем так бродить, как бродил я, — из стороны в другую. Литературно, разумеется, это мне дает материал для богатых воспоминаний, но морально я в этих своих качествах иногда сильно сомневаюсь. Высокого положения я никогда не занимал и потому не могу сравнивать себя с Фуше, который был якобинцем, потом начальником полиции во время империи, затем сохранил ту же должность после Реставрации, и дипломатом в Дрездене, — или с Талейраном, служившим всем режимам, — сравнивать себя с такими людьми могу я только в меру своего авантюризма и приспособленности к борьбе за существование, которая свойственна была и названным «великим людям». Но не больше. Так, вероятно, будут судить мои воспоминания мои враги. Правда, я не извлекал из названных моих качеств больших материальных выгод и не был склонен к мошенничеству, но об этом судьи мои позабудут, а произнесут неприятный приговор — «прирожденный ренегат»... Я лично людей, «как из одной глыбы высеченных», больше уважаю, чем самого себя.

Вчера я прочел Ваше письмо Т.П., и мы поражались необыкновенным знанием «городов и весей» нашей родины. Ваши замечания мне много дали. Я увидел, что не совсем правильно изобразил моего отца и округ путей сообщения, в котором он служил. Отец мой по своей службе был человеком очень деловым, а округ знал, что он делал. Округ развивал русское судоходство, которое на моей памяти захватило и реку Москву. Река стала судоходной от монастыря «Николы у Греши», немного ниже знаменитого Царицына с недостроенным «матушкой Екатериной» дворцом. Пароходство было только товарное. Округ строил шлюзы. Построенный около станции Фаустово шлюз причинил убытки министру двора и любимцу царской семьи Фредериксу[2]: луга его заливные стали заливаться водой и портить покосы. Луга Фредериксовы были знакомы каждому московскому охотнику, так как там в свое время в изобилии водились дупеля, истребленные в других подмосковных местностях. Фредерикс вчинил иск в один миллион рублей Московскому округу путей сообщения. Округ проиграл дело в двух инстанциях, и дело перешло в кассационном порядке в Сенат. Министерство путей сообщения приказало, чтобы в Сенате с объяснениями по этому делу выступил мой отец. Он выступил и убедил сенаторов — в иске Фредериксу было отказано. Вы понимаете, что мой отец не только не получил гонорара, но его даже не поблагодарили.

Я неверно написал, что судоходство было слабое. Недостаток округа заключался в географически неправильной и рутинной организации его компетенции. В предмет его ведения входили какие-то шоссейные дороги в Могилевской губернии (знаменитое в свое время «Варшавское шоссе»), судоходство на нижнем течении Дона (от Москвы верст 600, если не 800), судоходство на Оке, но не по ее северным притокам. Вы понимаете — дистанции порядочных размеров. Здесь проявлялся недостаток старого деления по «округам». Черт его знает, почему «учебный округ» с попечителем во главе был в Харькове, а не в Киеве. И черт его знает, каково было отношение начальников округа к губернатору того города, в котором округ находился. Ведь губернатор был прямой представитель монарха в губернии, которому были подчинены все находившиеся там учреждения. А между тем власть начальников округов распространялась на несколько губерний, и потому начальники эти в своей сфере не были подчинены губернаторам, что создавало удобную почву для трений и административных пререканий, напр<имер>, губернатор увольняет приват-доц<ента> по неблагонадежности, а попечитель назначает его в другой универ<ситет>. Во главе нашего Моск<овского> округа путей ставили лиц с высокой протекцией, но мало что понимающих. На моей памяти начальником округа был некто Муханов, а позднее князь Хилков, который был поставлен только потому, что в молодости ездил кочегаром в Америке на паровозе. Правление округа состояло из «общего присутствия», членами которого были «начальники отделений», и сам начальник округа. Мой отец был «правителем канцелярии», то есть, по нынешней терминологии, «генеральным секретарем». Он заседал в «общем присутствии» за особым столом, на котором было водружено «зерцало», то есть «столб, на нем корона» — на столбе были написаны изречения из указов Петра: «Всуе законы писать, если их не исполнять» (за точность фразы по памяти не ручаюсь, а п<р>оверять не хочется). Отец и был как бы воплощением законов российских в округе. Приезжают

из Могилева евреи на торги для поставки щебня на шоссе или подряда на работы по шоссейному ремонту, выступает отец: законы о казенных поставках и подрядах сложные, нужно составлять договоры — отец их пишет; проворовался «начальник судоходной дистанции» в Ростове-на-Дону, отец едет туда разбирать это дело. Бравый отставной флотский капитан Шкотт, в Нижнем <Новгороде> начальник движения судов по Оке, издал постановление, что баржи должны быть определенной посадки ввиду перекатов и мелей — и вот в Касимове при обмерке грузовых барж оказывается, что они через перекаты не могут пройти, не сев на мель, и караван задерживается, что ведет купцов к большим убыткам. Купцы подают жалобу — отцу приходится ехать разбирать это дело в Касимов, куда проехать можно только водным путем, ближайшая жел<езная> дор<ога> в Муроме. Отец делал все эти дела вежливо, мягко и умело — иначе не послали бы в Сенат тягаться с Фредериксом, интересы к<отор>ого в Сенате защищали знаменитые адвокаты.

Вот это все мне нужно добавить к воспоминаниям об отце, на что навело меня Ваше письмо. Теперь об окончательном моем отъезде из Данкова после смерти деда. В тексте пересланных Вам воспоминаний описание дороги в Москву пропущено, тогда как в черновиках оно начинается так:

«Ранним майским утром мы выехали с отцом в Москву. Не помню, чтобы я горевал и безутешно плакал, покидая дедов дом. Я переживал тогда то время детства, когда впервые у меня раскрылись глаза на окружающий мир. Мне все было интересно вокруг — нежная весенняя даль, купы белых облаков на небе, болотце, покрытое цветами желтого лютика, или куриной слепоты, какие-то неведомые мною птицы, которые жалобно кричали “пиу, пиу”» (чибисы, Н.А.). Начало это я хотел бы сохранить и продолжить в связи с вашими поразительными познаниями России след<ующим> образом: <...>[3]

6.XI

Все Ваши замечания принимаю во внимание и делаю соответствующие исправления — отметьте их, если будет время, в Вашем манускрипте. Теперь несколько слов о моих несогласиях. Вы пишите: «Кант для меня вовсе не существует... А вот заповеди Христовы существуют очень и очень... Даже для того, чтобы подойти к идеям морали, Вам потребовалась “Критика практического разума” Канта»... Фраза эта по смыслу относится не ко мне лично, но ко всей русской интеллигенции моего времени. Но, дорогой мой друг, Петр Николаевич (говорю теперь о себе лично), заповеди Христовы не для «мира сего»: они как бы снизошли к нам на землю из того, что ныне именуется антимиром, где все наоборот, включая даже самого строения атома. Заповеди эти, по крайней мере многие, у нас в своей чистоте неприменимы. «Всякий, гневающийся напрасно, подлежит суду. Кто же скажет брату своему “безумец”, подлежит синедриону»... А мы с Вами гневаемся и называем людей «безумцами». Можем ли мы здесь, на земле, «любить врагов наших»? И правильно ли это было бы?.. Я не хочу и не могу подставить немцам левую щеку, ударившим нас в правую, — и даже больше того, что ударили в щеку... «В царстве Божием упраздняется всякое начальство и всякая власть» — а мы с Вами не анархисты, даже в известном смысле «этатисты» (государственно-частное хозяйство)[4]. Неминуем вопрос, как сделать применимыми в «этом мире» мо-

ральные принципы, пришедшие из «того мира». И это есть вопрос философской этики и философии права. Думаю, что кое-что полезное можно вычитать по поводу этого и у Канта, и у кантианцев. И потому не могу назвать немецкую философию простым «словоблудием». Для меня лично, кроме моральной философии, существует еще философия вообще, философия науки, научного знания. О ней в «благой вести», посланной из иных миров, нет ни одного слова. Я ее определяю как «критику высших понятий нашего разума» (см. «Мир и душа», изд. 1-е). Не могу не признать, что здесь чувствуется влияние «Критики чистого разума» Канта, и потому не могу сказать: «Для меня Кант не существует»... Для меня «трагическая проблема» в том, как можно помирить ненависть к немцам с их признанием. Попытаюсь выпутаться из этого в главе о моей научной командировке.

Не знаю, как это осуществима «утопия» печатать мои «Воспоминания» уже теперь. Во всяком случае, по гроб Вам благодарен за более чем дружескую заботу обо мне, за любовь и, может быть, не совсем заслуженное, слишком большое уважение.

Ольга Петровна <Святополк-Мирская> уехала на «хом лиф»[5], скоро ждем обратно. У Т.П. пертурбации по службе, которые в общем для нее очень благоприятны, но доставили ей много волнений, так что она заболела печенью. Новый, прибывший из Москвы начальник навел на всех иностранцев страх, и перед ним теперь все пляшут. Большой молодец, высоко держащий русское имя.

С сердечным приветом Вере Ивановне и всей семье

Преданный Вам Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (19).

[1] Копия этого письма Савицкого опубликована Ю.Б. Мелих [Мелих 2010, с. 156–159].

[2] Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), государственный деятель, министр императорского двора Российской империи (1897–1917).

[3] Часть письма в архиве отсутствует.

[4] Отсылка к работам П.Н Савицкого о государственно-частной системе хозяйства. Однако когда Савицкий говорил об «этатизме евразийцев», это касалось прежде всего активности публичной власти в экономической сфере, а не первичности государства по отношению к иным субъектам. См.: *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага, 1929. С. 8.

[5] Homelife (*англ.*) — речь, вероятно, идет о праве гражданина, проживающего и работающего за рубежом, на бесплатную поездку на родину.

21

6 XII 1960

Дорогой мой друг Петр Николаевич.

У нас с Вами повторилось, как и в прошлый раз, — не получал от Вас два месяца известий, думал, не случилось ли чего-либо с Вами, решил, что пошлю телеграмму или экспресс с запросом, но вдруг рано утром пришло Ваше большое письмо от 23–25 ноября. Знаю, что тяжко переживаете Ваше безутешное горе, ду-

мал, что, может быть, на время отвлеку Вас от него своими писаниями. Возможно, что и отвлек, так как Вы потратили немало труда на замечания к моему тексту, которые я очень ценю. У меня есть два советчика по тексту «Воспоминаний» — Вы и Фридиев. Татьяна Павл<овна> так обременена работой, что я могу читать текст во время летних каникул. Ваши же замечания ценны более всех — и по существу, и в смысле стиля. Исправления Ваши повсюду вношу в текст, если нет у меня с Вами принципиальных разногласий. И если некоторые из замечаний Вашего последнего письма не будут в текст внесены, то только в силу того, что дело идет о недоразумении, в которых отчасти был сам повинен.

1. «Война с турками» в 1920-х годах. Я достал свой чистовой экземпляр и увидел, что там стоит: «Несмотря на войну России с Турцией в 1914–1917 гг., турки не считали русских своими врагами». Я просто в присланный Вам текст не вставил нужных исправлений, и когда говорил о «войне России с Турцией», то послал ошибочную и неточную редакцию, не исправленную мною в присланном Вам тексте[1].

2. Самое, как Вы говорите, серьезное из Ваших возражений: «Не говорил бы, что выступление чешских легионеров кончилось бы занятием Москвы», «если бы да кабы» не пишут в воспоминаниях[2]. Согласен это место выпустить, но должен оговориться, что я имел довольно точные сведения о том паническом настроении, которые овладели тогда нашей правящей верхушкой. Сведения эти от Балтрушайтиса (старшего)[3], который вечно сидел в Кремле, но должен оговориться, что я имел довольно точные сведения и от нескольких хорватских коммунистов, сидевших в Кремле и в штабе Троцкого (в доме Игумнова, что около бывшего Храма Христа Спасителя). С легионерами в начале их наступления сражались только латыши, русское население сохраняло «нейтралитет». Все было готово к эвакуации Москвы на Север, на Архангельск и Мурман. Этим и объясняется, что наши тогдашние правители позволили увести наш «золотой запас» и отступать с ним этак 7–8 тысяч километров по Сибири. У Вас, по-видимому, нет соответствующей «мемуарной» литературы, из которой видно, что за приказом об отступлении чехов стоял Ллойд-Джордж, и Масарик с Бенешем исполняли его волю. А сей добрый муж проделал то же самое и в Одессе[4].

Длинный пассаж можно было бы сохранить, произведя в нем соответствующие пополнения, пропущенные в Вашем тексте и сохранившиеся в моих рукописных черновиках. Во всяком случае, о «серьезном сопротивлении», которое было оказано легионерам, никак говорить нельзя, если только не полагаться на официальные «сводки», всегда врущие.

3. «О<тец> Георгий Флоровский состоит в настоящее время профессором и т. д.». Мне это хорошо известно, но тогда, когда я писал соответствующий текст «Воспоминаний», он состоял ректором Русского православного института в Нью-Йорке, вот передо мной его письмо от 5.V.1950, 537 West 121 Street, N<ew> Y<ork>, где он меня отговаривает переселяться в США, а рядом письмо профессора того же института Г.П. Федотова, который советует ехать в США (при знании Т.П. и Машей английского языка). О<тец> Георгий с Ксений Ивановной[5] <Флоровской> были у нас в Женеве, точно не помню, в 1951–<19>53 годах, пили чай, беседовали, и если я не упомянул его имени, то только оттого, что получил впечатление, что

он о своих белградских делах вспоминать не любит. Года через два после первого приезда они были в Женеве во второй раз, но нас уже не посетили.

4. «De mortius aut bene, aut nihil»[6] — оттого ничего не буду говорить об А.В. Карташеве[7]. Но сообщенное Вами его письмо возбудило во мне старое негодование, о котором, м<ожет> б<ыть>, лучше уже забыть. Его кандидат на «митрополию», ректор еп<ископ> Кассиан Безобразов[8], в бытность мою в Белграде возил показывать Афон того самого эс-эса <SS>[9], который допрашивал меня и которого в насмешку звали «Kirchenmeier»[10]. Ехали на Афон в автомобиле этого последнего, водил его Кассиан ко всем святителям. Сей почтенный пастырь в Белграде весь с головы до ног погряз в нацизм. Не помню кто, его сестра или ближайшая родственница, замужем была за каким-то врачом, жили в Греции (около Афона) и после ее <Греции> освобождения были приговорены к смертной казни, но как-то им удалось увернуться. Владыка Анастасий служил молебен за Гитлера, но потом каялся и расистом никогда не был. Был схимником «не от мира сего», и ему все можно простить за его «юродство». Но вот будущий эмигрантский митрополит таким «юродивым» не был, и ему как-то не прощается в моем сердце его безобразное гитлерьянство, которому я был личный очевидец. И неужели Антону Владимировичу <Карташеву> не совестно считать его «кандидатом на митрополию», когда имеются другие кандидаты, о которых ничего дурного сказать нельзя. Еп<ископ> Мефодий (Кульман) был священником в Кламаре, и священником образцовым.

5. О том, что разные ослы из собравшихся в Праге, весьма разнородных по составу, профессоров старались лягнуть Павла Ивановича <Новгородцева>, я хорошо знал. Конечно, его огорчало то, что он потерял всеобщее признание, которым пользовался в Москве, но не это заставило его «надеть вериги» и довести себя до ранней смерти. В могилу его свели семейные дела. Помимо разных интимных историй, о которых не стоит писать еще раз (я Вам уже писал о них), как мог чувствовать себя муж, жена[11] которого вслух заявляет: «Я не хочу, чтобы сын мой (Бадя) сделался попом, куда его толкает отец!» По моему мнению, не стоит писать об «евразийстве» Павла Ивановича. У него было пробуждение славянофильских симпатий, что видно по его статье, напечатанной в издаваемом <Г.Д.> Гурвичем журнале «Philosophie und Recht»[12], и рядом с этим остатки преклонения перед западной философско-правовой мыслью, что видно из предсмертной статьи в журнале «София», в которой восхваляется релятивизм Кельзена[13]. Интенсивное пробуждение в нем религиозных эмоций одинаково сближало его и с евразийцем П.Н. Савицким, и с яростным антиевразийцем В.В. Зеньковским, с которым он в последние годы жизни был очень близок. Но должен признать, отец Василий, по своим политическим установкам очень близкий Карташеву, никогда не был поклонником Гитлера.

6. Я знаю, что П<авла> Ив<ановича> недолюбливали два наших «немца» — Струве и Гримм[14]. Но ведь они не виноваты, что родились «немцами». В то же время ни тот ни другой не были потомками Гитлера — Струве даже это упорно подчеркивал в последние годы жизни в Белграде. За это я ему многое простил (если не «все»). Но вот наших чистых «русачков», да еще в сане архиерейском, нашего маститого историка православной церкви[15], бывшего, даже не тайно, чистым гитлерьянцем, простить никак не могу.

7. Вы меня упрекаете, что я не отбранил турок за многоженство. Но ведь, дорогой друг мой, Петр Николаевич, это есть институт, санкционированный мусульманской религией и до сих пор распространенный в азиатских и африканских землях. На днях я видел дипломатический автомобиль с соответствующим знаком (CD), из которого вылезли три женщины в чадрах и с ними очень бойкая негритянка, говорившая по-французски, — проводница и переводчица. Все они вошли в модный магазин и начали покупать, при помощи переводчицы, духи, шелковые платки и пр. Я тоже вошел, чтобы посмотреть, что это будет. В магазине собралась целая толпа зевак (вроде меня). Я спросил, улучив минуту, негритянку-переводчицу, она сказала мне, что жены какого-то дипломата из Аравии, представителя этого государства в ООН. Какой же смысл в такой ситуации осуждать турок. Государство это именовалось Йемен, ныне член ООН.

Все Ваши поправки (более мелкие) принимаю и вообще прошу более ругать меня, чем хвалить. Мне особенно стыдно, что стал позабывать русский язык и стал применять такие слова, как «камион»[16]. Что же делать? Живу столько лет без русского окружения и невольно теряю язык. Кстати, забыл упомянуть о Ваших поправках, с которыми не совсем согласен. Вы говорите: «При Тарановском[17] Дерптский у<ниверсите>т назывался Юрьевским». М<ожет> б<ыть>, в официальной министерской терминологии. Но если бы в Москве, скажем в 1912/1913 году я сказал кому-нибудь из моих коллег: «Завтра еду делать доклад в Юрьев», он, уверяю Вас, посмотрел бы на меня с недоумением. В какой это «Юрьев»? «Дерпт»[18] есть обруселое немецкое слово «Dorpet». «Дерпт» не «Dorpet». Есть немало таких обруселых немецких слов, напр<имер>, «берлога» = Bärelager[19]. По-русски никто никогда не называл «медведя» = «Bär». Следует ли из этого, что нужно отменить слово «берлога» и заставить русского скотника, который, подняв из «берлоги» медведя, «восемь медведей поднял на рогатину и на девятом сплошал», — заставить его говорить вместо «берлоги», скажем, «медвежья яма» = Bärenholle по-немецки (вариант «Bärelager»).

У меня нет никаких шансов на напечатание моих воспоминаний[20], да я и не сильно хлопочу об этом. Сделал некоторые шаги, но, думаю, безнадежные. Ваш план послать некоторые главы в журналы на родину — чистая утопия. Разве Вы не убедились еще, что мы там «под запретом». И не только под влиянием «партии», а м<ожет> б<ыть>, еще более «общественного мнения» тамошних литературных кругов. Если бы я сам смог приехать в Москву, то, м<ожет> б<ыть>, пробил бы лед. Но на это у меня нет средств. Не помню, писал ли я Вам, что года два тому назад подал прошение в ООН о том, чтобы мне одному (без жены) разрешили использовать право на «хом лиф» (один раз в два года); мне ответили, что это невозможно, так как «хом-лиф» создан для того, чтобы «супруги вместе проводили отпуск на родине». Жена, когда ее вызвал высокий чиновник этого учреждения, расхохоталась ему в лицо и сказала: «Неужели Вы думаете, что мой муж в 80 лет может в Москве заниматься “адюльтером”». — «Таков закон, — ответил он, — поезжайте вместе». А вместе мы ехать не можем, так как Т.П. не может оставить больную мать, да и дорого: ООН оплачивает только аэроплан Женева–Москва — 1500 франков с человека. Я бы один мог найти в Москве ночевку и даже стол,

но вдвоем это выше наших средств, — нужно еще минимум 50 франков в день с человека.

Что Вам сказать о международно-политическом положении? Теоретически, война невозможна, но, практически говоря, весь земной шар сейчас в войне. Воюют в Африке, на Кубе, в Венесуэле, в Корее. Эти маленькие войны легко могут перейти в войну большую. По всем видимостям, китайцы относятся к войне иначе, чем русские. Они ведь бывший колониальный народ, и мириться с бывшими колонизаторами Китая им нет никакой охоты. Вероятно, и среди русских есть «крайние», которые думают: чего там канитель разводить, ударим по европейцам и американцам. И несомненно, среди американских миллиардеров многие думают, что главная задача — истребить русских коммунистов и стереть с лица земли то, что именуется «Россией». При этих условиях или несчастный случай, или, вопреки разуму, какой-нибудь безумец может начать метание атомных бомб, и тогда все полетит к черту, все наши труды, планы, проекты — все, что осталось дорогого для нас на нашей планете.

На днях получил труд «Философские проблемы современного естествознания», коллективный труд, выпущенный Всесоюзным совещанием по философским вопросам современного естествознания, М<осква>, 1959. Думаю в связи с этой книгой обновить и дополнить мою «Мир и душа». Таков мой план на ближайшее будущее, если еще буду жив.

Стих Востокова заказал на этих днях, но еще не получал.

Обнимаю Вас крепко и желаю бодрости и плодотворной работы в Вашем одиночестве. Любящий Вас друг Ваш Н. Алексеев.

T-SAV-II/9 (20).

[1] См.: *Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. 1959. № 57. С. 191–205. Подзаголовок статьи — «На турецком фронте». Обсуждаемой фразы в тексте статьи действительно нет.

[2] Воспоминания автора о своем пребывании в Чехословакии были опубликованы после его смерти. См.: *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Пашуто В.Т.* Русские эмигранты в Европе. М., 1991. С. 205–224. Авторство данного текста установлено в середине 1970-х гг. зятем П.А. Остроухова В.М. Котрубенко, который переслал воспоминания Алексеева в СССР В.Т. Пашуто. Документ впоследствии был опубликован вдовой В.П. Пашуто (см.: *Пашуто В.Т.* Русские эмигранты в Европе. С. 267).

[3] Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944), литовский поэт, переводчик, дипломат. Историк искусства Юргис Балтрушайтис (младший) — его сын.

[4] Речь, по-видимому, идет об уходе французской администрации и военных из Одессы в апреле 1919 г. Алексеев связывал это решение с влиянием Великобритании.

[5] Ксения Ивановна Симонова (1893–1977), родная сестра жены П.Н. Савицкого, Веры Ивановны, вышла замуж за Г.В. Флоровского в 1922 г.

[6] О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

[7] Карташев Антон Владимирович (1875–1960), видный историк Русской православной церкви. Опубликовал в евразийских изданиях статьи: *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 30–98; *Он же.* Пути единения // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 141–151. О связи

идей Карташева и евразийцев см.: *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Петрозаводск, 2003.

[8] Кассиан (Безобразов; 1892–1965), епископ. Родился в Санкт-Петербурге, в 1922 г. покинул советскую Россию. Испытал сильное влияние А.В. Карташева. В 1932 г. принял монашеский постриг. В 1947–1965 гг. епископ Катанский, викарий Западноевропейского экзархата русских приходов.

[9] Сокращение от нем. Schutzstaffel (SS) — «отряды охраны», военизированные формирования в нацистской Германии.

[10] Начальник церкви (*нем.*). Начальник отделения Службы безопасности рейхсфюрера СС, заведовавший церковными делами в Белграде, имел фамилию Meier, отсюда и возникло его прозвище Kirchenmeier (сведения любезно сообщил М. Байссвенгер).

[11] О Л.А. Новгородцевой Алексеев вспоминал и по другому поводу: «Много содействовал ее <русской акции> успеху и П.И. Новгородцев, который обосновался в Праге, думаю, потому, что надеялся встретиться здесь со своей семьей. Жена его, Лидия Антоновна, была дочерью по происхождению своему угроруса, правого русского общественного деятеля, обрусителя Дерптского университета и профессора — А. Будиловича; ее, как дочь уроженца Прикарпатской Руси, легко могли выпустить "на родину" советские власти, что они и действительно сделали» (*Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. С. 211).

[12] См.: *Nowgorotzeff P.* Über die eigentumlichen Elemente der russischen Rechtsphilosophie // Philosophie und Recht. 1922/1923. Hf. 2. S. 53–54.

[13] *Новгородцев П.И.* Демократия на распутьи // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Т. 1. Берлин, 1923. С. 93–107. Новгородцев подчеркивает справедливость мнения Г. Кельзена о том, что демократия, являясь «господствующим лозунгом, утратила определенное и твердое содержание».

[14] П.Б. Струве возглавлял кафедру политической экономики и статистики, Д.Д. Гримм, преподававший римское право, некоторое время после смерти П.И. Новгородцева даже был деканом Русского юридического факультета (см.: ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 92).

[15] Речь идет об А.В. Карташеве.

[16] От фр. camion — грузовик.

[17] Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), юрист, правовед, ординарный профессор Дерптского (Юрьевского) университета, где занимал кафедру истории права, также преподавал энциклопедию права. После 1920 г. жил и преподавал в Белграде.

[18] Дерпт (Дорпат) — более позднее, немецкое, именование города Юрьев, основанного в XI в. Ярославом Мудрым. В 1893 г. в рамках кампании Александра III по «разнемечиванию» Прибалтики переименован в Юрьев, название сменил и Дерптский университет. В 1919 г. город был присоединен к Эстонии и получил название Тарту, сохраняющееся по сей день. Не меньшей известностью, чем сам город, пользуется Тартуский университет.

[19] В данном случае Н.Н. Алексеев опирается на «Толковый словарь» В.И. Даля, в котором слово «берлога» обозначено как имеющее немецкое происхождение. В современной этимологии мнение В.И. Даля не поддерживается и считается неправильным; более распространенной является точка зрения, что первый слог происходит не от немецкого «Bär» (медведь), а связан с древнерусским словом «бърние» (грязь, глина).

[20] Алексеев смог опубликовать в нью-йоркском «Новом журнале» четыре очерка о своем прошлом: о годах обучения в Московском университете; о своих коллегах, представителях так называемой московской школы философии права (П.И. Новгородцеве, И.А. Ильине и др.); о нахождении в доме Л.Н. Толстого; о работе в Персии в период Первой мировой войны (В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 53. С. 172–188; № 54. С. 148–163; В толстовском доме // Там же. 1958. № 55. С. 160–175; В бурные годы // Там же. 1959. № 57. С. 191–205). № 57 — последний номер, который редактировал М.М. Карпович, помогавший Н.Н. Алексееву опубликовать свои очерки.

22

Женева, 20.III.1961

Дорогой мой друг, Петр Николаевич.

Последняя моя отправка к Вам была 2 февраля. Я не знал, подходит ли атмосфере, в которой Вы живете, избранная мною тема. Не получая от Вас подтверждения, что письмо мое было Вами получено, я не стал посылать Вам окончания текста, который был уже давно готов. С тех пор у нас был ряд тревожных обстоятельств, которые отвлекали меня от регулярной переписки. Я, кажется, уже писал Вам, что у Маши непорядки с желчным пузырем. Консилиум врачей решил, что нужна операция, которая и была сделана 3 недели тому назад. Операция продолжалась 3 часа. Маше вырезали не только желчный пузырь, но заодно какое-то сращение в кишках и аппендикс. Неделю тому назад она воротилась домой и теперь уехала к родителям своего мужа, которые имеют виллу под Кларан<ом>. Послезавтра она уезжает на отдых в горы на 4 недели. Три дня тому назад ее мальчик, Миша, играя около нашего дома с детьми, упал с маленького велосипеда и ударился глазом о руль. Его принесли окровавленного, и мы думали, что глаз потерян, но, к счастью, глазное яблоко осталось цело, рана была между бровью и самим глазом. На рассеченное место пришлось наложить шов — операция довольно мудреная, но, к счастью, удавшаяся. Теперь он ходит с забинтованным глазом. От матери происшествие это пока что скрыли.

Я сам болел в этот весенний сезон второй раз гриппом — странной его формой, с легкой температурой (37, 5), но с ломотой во всем теле. Дело дошло до того, что в одно утро, напившись кофе, за чайным столом, почувствовал, что мне дурно, что теряю сознание — и свалился без чувств. Когда стал терять сознание, подумал, что это конец. Но умереть, оказывается, не так просто. Татьяна Павл<овна> меня подняла, привела в себя — и я опять начал заниматься своими постоянными делами — писать и писать, иногда мне кажется, вещи, никому особо не нужные. Была некоторая надежда сделать второе, переработанное и дополненное издание «Путей и судеб марксизма»[1]. Надежда эта вполне провалилась. Мне помнится, что Вы не имели <u>первого</u> издания «Мира и души». Это первое издание кажется мне лучше, чем второе, которое у Вас имеется. Теперь я занят тем, что соединяю их, дополняя первое издание отдельными текстами из второго. Один подобный экземпляр готовлю и для Вас — вышлю, когда будет готов.

Знаю, что Вы обременены работой, и решил не донимать Вас просьбами ответить на вопросы, которые Вам однажды поставил. Решил, ввиду возможного конца моего земного существования, писать краткие и чисто субъективные впечатления об евразийстве, без деталей и подробностей, которые все одно выполнить не могу, не имея парижских эмигрантских газет (их в Швейцарии нет). В конце концов, я не наблюдал начала евразийского движения, примкнул к нему только в 1927 году, в Париже, и с этого времени имеются у меня <u>личные</u> впечатления о нем — гл<авным> образом о его парижском периоде. Историю возникновения движения и его первый, пражский период лучше всего знаете Вы, так как главным двигателем его были Вы, дорогой П.Н., на Вас, на Ваших плечах оно держалось.

Такие люди, как наш милейший Лев Платонович <Карсавин>, который в своих выступлениях производил каждый раз общественный скандал, отталкивающий от ЕА, а не привлекающий к нему; или П.П. Сувчинский, удиравший из ЕА собраний, когда ему нужно было выступать (он обладал особой боязнью выступать публично), содействовали распаду ЕА движения, а не его процветанию. ЕА было создано Вами, и Вы были его духовно и фактически вдохновляющей силой — и Вам нужно писать его историю. Я был в ЕА довольно второстепенной величиной, не состоял членом «курултая», был довольно чужд аристократически-гвардейскому элементу в движении, который считал меня московским «плебеем». Я уже писал, кажется, Вам, что мне была оставлена в наследство вся переписка наших петербургских «гвардейцев» с несчастным Стороженко, из которой я «аутентически» узнал отношение петербургских аристократов к мало «культурному москвичу».

В «мемуарах» писать об этом я не стану — пишу только Вам, в котором для меня все евразийство и воплощается. Слишком страстные темпераменты, которыми — каждый по-своему — обладаем и Вы, и я, вызвали у нас ряд и индивидуальных, и коллективных действий, не позволивших довести ЕА до его логического конца, — что сделал Казем-Бек[2], не допустивший того, чтобы внутренняя младоросская свара выросла в общественный скандал. Я Вам, кажется, писал, что перед отъездом в Москву он был у меня в Женеве.

Довольно о временах прошедших, большие события свершаются в настоящем. Распадается великобританский «Commonwealth»[3]. С уходом из него южно-африканской унии «Commonwealth», как пишут французские газеты, «n'est plus qu'un forum sans pouvoir politique»[4]. За Южной Африкой из Великобританского объединения собирается выходить Австралия. В Лондоне царствует большое смущение — даже, как пишут, смущение небывалое. Владыка Саудитской Аравии сообщил Вашингтону, что он не возобновляет соглашения с США, согласно которому Америке были предоставлены воздухоплавательные базы в Даране. Таким образом, побережья Персидского залива, которое уже давно было захвачено американцами, устроившими там свои грандиозные военные и нефтяные учреждения, выходят из-под американского контроля. А вместе с тем и весь арабский мир. Временное алжирское правительство, как Вы знаете из Ваших газет, согласилось на переговоры с де Голлем и его правительством, которые состоятся в Эвиане, но алжирские уполномоченные будут жить не на французской территории, а на другом берегу озера, в Лозанне (не надеются на французскую безопасность). Вместе с тем скрытая война продолжается в Париже, Лионе и др<угих> городах. Антиголлисты, так наз<ываемые> ultra, продолжают бросать бомбы в алжирцев, убивают их в кофейнях и на улицах. Французские власти считают, что в течение алжирской войны было убито от 200 000 до 180 000 тысяч французов. Один день войны обходится французам 10 миллионов новых франков. Французская армия, действующая в Алжире, насчитывает 450 000 человек, так что в Алжире приблизительно один солдат на 2 статских французских гражданина. Потери армии за время войны исчисляются в 9000 убитых и 22 000 раненых. В прошлом ноябре месяце французы считали, что 150 000 алжирских инсургентов было убито и 1000 мусульман пожертвовали своей жизнью за Францию. В Париже считается, что за период войны

не менее 3000 мусульман были зарезаны, застрелены и т. п. В Париже 22 000 мусульман сидят по французским тюрьмам и 30 000 находятся в концентрационных лагерях. Сколько бы крика было, если бы все это происходило в России!..

Переговоры французов с арабами, говорят, будут продолжаться шесть месяцев. По моему мнению, договориться невозможно. Французы не могут уступить тех огромных нефтяных сооружений, которые они построили в Сахаре, бывшей до сих пор «res nullius»[5]. Арабы же считают, что Сахара принадлежит им, так сказать, «по естественному праву». Какие тут возможны соглашения?

Главка моих «Воспоминаний» о студенческом движении 1902–1904 годов до сих пор не появилась в печати. Кажется, журнал, который хотел напечатать, терпит большие денежные затруднения.

Недавно узнал, что в соседнем мне Фрейбурге (швейцарском)[6] имеется «Osteurope Institut»[7], который под председательством некоего И.М. Бохенского[8] (иезуит?) созвал 17 февраля «Конгресс советологов» в Кельне, где были представители (католические) всех возможных стран. Читались такие доклады: «Опыт приспособления коммунизма к совр<еменной> науке», «Ревизионистские течения в коммунистических странах», «Проблема категорий в диалектич<еском> материализме», «Soviet Philosophical Method». К печати подготовляются: Blakeley, Soviet Scholasticism; N. Lobkowicz, Marxismus-Leninismus in der ČSR, Z. Jordan, Marxism-Leninism in Polanes; G. Planty-Bonjour, Etudes d'ontologie sovjetique[9] и т. п. В добытом мною проспекте вышеупомянутого конгресса сообщается, что один немецкий профессор, только что вернувшийся из Москвы, утверждает, что видел в Москве русское издание книги Бохенского «Современная европейская философия»[10] и что ленинградская библиотека обладает сокращенным переводом названной книги этого иезуита.

А в полученном мною на днях письме Фридиева сообщается, что в советской литературе даже не должно пахнуть эмигрантской мыслью. «Я сделал один опыт, он удался, и они попались на удочку. В журнале "Советское государство и право" я поместил рецензию на одну книгу под французским псевдонимом. Прошло, надо хитрить!»

Не оставляйте меня, милый мой друг, Петр Николаевич, без писем. Обнимаю Вас и прошу передать привет всем пражанам. Ваш Ник. Алексеев

T-SAV-II/9 (22).

[1] См. первое и единственное издание: *Алексеев Н.Н.* Пути и судьбы: марксизма: От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин: Изд. евразийцев, 1936.

[2] Казем-Бек Александр Львович (1902–1977), публицист, журналист, богослов. С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии, Германии, Франции. С 1923 г. лидер союза «Молодая Россия», с 1925 г. возглавил партию «Союз младороссов». В 1937 г. ушел с поста главы партии. В 1940 г. за антифашистскую деятельность был арестован, но вскоре бежал в США, где заявил о роспуске партии «Союз младороссов». В 1957 г. вернулся в СССР, жил в Москве, с 1962 г. работал консультантом в Отделе внешних церковных сношений.

[3] Содружество колоний и доминионов Британской короны (*англ.*).

[4] Только форум без политической власти (*фр.*).

[5] Ничьей вещью (*лат.*).

[6] Алексеев пишет название города на немецкий лад (*нем.* Freiburg), но швейцарский город, в котором большая часть населения говорит по-французски, официально называется Фрибур (*фр.* Fribourg).

[7] Восточноевропейский институт (*нем.*).

[8] Бохеньский Юзеф Мария (Bocheński; 1902–1995), польский философ. Учился в Львовском, Познаньском и Фрибурском университетах. В 1927 г. вступил в доминиканский орден. В 1931–1934 гг. учился в Папском университете в Риме. Во время Второй мировой войны служил в польской армии в Шотландии и Италии. С 1945 г. преподавал во Фрибурском университете, в 1964–1966 гг. ректор этого учебного заведения. Редактор серии «Sovietica» в голландском издательстве «Springer», опубликовавшем большинство упомянутых Н.Н. Алексеевым книг, в которых критиковались марксизм и СССР.

[9] Впоследствии доклады авторов нашли свое отражение в следующих изданиях: *Blakely J.E.* Soviet Scholasticism. Dordrecht, 1961; *Lobkowicz N.* Marxismus-Leninismus in der ČSR: Die Tschechoslowakische Philosophie seit 1945. Dordrecht, 1962; *Jordan Z.A.* Philosophy and Ideology, The Development of Philosophy and Marxism-Leninism in Poland since the Second World War. Dordrecht, 1963; *Planty-Bonjour G.* Les Catégories du matérialisme dialectique. L'ontology soviétique contemporaine. P., 1965.

[10] *Бохеньский И.* Современная европейская философия / сокр. пер. с англ. В.В. Мшвениерадзе и М.К. Мамардашвили. М., 1959.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Копия письма Н.Н. Алексеева, сделанная П.Н. Савицким

Я спросил Н<иколая> Н<иколаевича> А<лексеева>, где сейчас братья Зеньковские, которых я знавал в 1920-х годах. Он ответил мне следующее (1958):

С Вас<илием> Вас<ильевичем> Зеньковским вышла следующая история. Вы, конечно, знавали его брата, Александра Вас<ильевича>[1], который всегда «подторговывал». Перед войной он переехал из Праги в Париж, по-видимому, «торгонул» очень хорошо, нанял себе роскошную квартиру около Энвалид — ковры, мебель, приемы. Но перед самой войной вдруг смылся, распродал все и уехал, оставив своему брату, Вас<илию> Вас<ильеви>чу, чековую книжку на банк. Сколько помню, война уже разразилась, Вас<илий> Вас<ильевич> пошел в банк, получил по этой чековой книжке деньги, а дня через два в его скромный номеришко в отельчике около рю[2] Лекурб <rue Lecourbe> нагрянула полиция, арестовала его и заключила в военную тюрьму Шерш-Миди, что на Бд Распай <Boulevard Raspail> — самая страшная тюрьма Парижа. Ходатай по делам русских беженцев Софья Мих<айловна> Зернова обратилась к военным властям с просьбой о свидании, но ей сказали — Вы, мадемуазель, это оставьте, а то мы Вас посадим в ту же тюрьму. Потом оказалось, что Александр Вас<ильевич> продавал какое-то военное изобретение французскому генеральному штабу и в то же время торговался о нем с германским генеральным штабом. Вас<илия> В<асильеви>ча продержали в этой тюрьме несколько месяцев, потом выяснилось, что он к делам своего брата никакого касательства не имел. Его из тюрьмы выпустили, но сослали в лагерь где-то в

Пиренеях, где он пробыл, не знаю сколько — по-видимому, до окончания войны. Вышедши из лагеря, он принял сан священника.

Александр Вас<ильевич> исчез с моего горизонта после моего отъезда в Югославию. Но совсем недавно он появился в поле моего зрения как автор нашумевшей среди эмиграции книги, посвященной аграрной реформе Столыпина[3]. Алекс<андр> Вас<ильевич> выступает как *личный секретарь* Столыпина, который будто бы диктовал ему основные начала этой реформы. Записи Ал<ександр> Вас<ильевич> будто бы сохранил и теперь опубликовал со своими комментариями — в связи с «потребностями настоящего момента» (?!!). Я не знаю, слышали ли Вы, что он был когда-то секретарем этого министра, — по моей памяти, неверной и ненадежной, он был бухгалтером Киевской городской управы. Скептики говорят, что документы, касающиеся этой реформы, сохранились у родственников Столыпина, проживающих ныне в США (где и Алекс<андр> Вас<ильевич> ныне находится), и что эти родственники, не желая опубликовать назван<ные> документы от своего имени, избрали в качестве подставного А.В. Зеньковского, который личным секретарем никогда не был. Я думаю, в Праге более всего известно, кем был до эмиграции А.В. Зеньковский.

Е.Д. Кускова тяжело больна. Недавно она прислала нам написанную карандашом следующую записку: «Друзья, вероятно, кончаюсь, бронхит, воспаление, сердечная слабость. Обнимаю вас, Ваша ЕК». Теперь уже телефон закрыт, никого к ней не пускают, и дама, которая за ней ухаживает, иногда сообщает нам о ее состоянии. Последние известия: немного поправляется, стала читать газеты, но видеть никого не хочет. Вы, вероятно, знаете, что С.Н. Прокопович умер 4 года тому назад в Женеве и тело его сожжено в здешнем крематории.

В Париже умер старший сын Н.О. Лосского, Владимир, который был основателем «Фотиевского братства», ныне закрывшегося. В. Лосский[4] (ему было 53–54 года) был доцентом в Сорбонне, готовил большую книгу о средневековой философии, — говорят, очень ученую и интересную. Был одним из столпов Московской патриаршей церкви в Париже, что на рю Петель <Rue Pétel>, недавно ездил по делам этой церкви в Москву. Церковь на рю Дарю <Rue Daru> — так же как весь Богословский институт на рю де Кримэ <Rue Crimée> — юрисдикции Константинопольского патриарха. Источники средств у них западные. Есть еще в Париже и третья русская православная церковь, юрисдикции архиерейского синода, бывшего некогда в Сремских Карловицах. Их митрополит — Анастасий[5], который в Белграде служил молебны за Гитлера (я сам это лицезрел). Сейчас он в США, очень стар. Епископом Парижским и Среднеевропейским состоит в этой церкви совершенно полоумный Иоанн, б<ывший епископ> Шанхайский[6], а архимандритом в основанном им США монастыре является наш бывший коллега (<примечание> П<етра> Н<иколаевича> С<авицкого>: в прошлом неплохой экономист и философ права) Кирилл Осипович Зайцев[7], постригшийся в монахи и ныне под именем Константина расточающий (в журнале «Православная Русь») проклятия инаковерующим, — простите, выражение неточное, — всем, принадлежащим к иной православной русской юрисдикции, особенно к Московской патриархии. Пример совершенно исключительного и дикого мракобесия.

Священником в Парижской патриаршей церкви на рю Петель является о. Александр Туринцев[8], лицо в высшей степени достойное, наш большой друг. Для меня большая радость, когда он изредка нас посещает (<примечание> П<етра> Н<иколаевича> С<авицкого>: одно из качеств Туринцева в ряду других — высокая музыкальность).

Чтобы окончить описание галереи различных лиц, пополнивших состав русских православных иерархов за границей за последние 20 лет, упомяну еще лицо, фамилию которого Вы, как черниговец, должны знать — Ник<олая> Павл<овича> Рклицкого[9]. В свое время он был издателем «Царского вестника» в Белграде, был близок к митрополиту Антонию (Храповицкому). Так, он во время германской оккупации был священником «Русского охранного корпуса», сражавшегося с русскими соплеменниками и с сербскими партизанами, потом бежал в Америку и стал теперь Никоном, епископом Флоридским, юрисдикции Карловацкой. Его прочат в преемники митрополиту Анастасию.

Не помню, писал ли Вам, что О.П. Святополк-Мирская[10], родная сестра Дм<итрия> П<етровича>[11], служит вместе с Татьяной Павловной в ООН — это самый близкий нам человек. В прошлом году она была в СССР, где ее старшая сестра[12] замужем за инженером.

T-SAV-II/9 (27).

[1] Зеньковский Александр Васильевич (1878–1966), специалист в области банковского дела, коммерсант, бухгалтер. Старший брат В.В. Зеньковского. После революции эмигрировал, жил в Праге и Париже, умер в США.

[2] От фр. rue — улица.

[3] *Зеньковский А.В.* Правда о П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1956.

[4] Лосский Владимир Николаевич (1903–1958), философ, богослов. С 1922 г. в эмиграции. Жил и учился в Праге, Париже. Тесно общался с Н.П. Кондаковым. Впоследствии стал деканом Французского православного института святого Дионисия в Париже. Автор книг «Спор о Софии» (1936), «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (1944), «Апофатическое богословие и познание Бога в учении Мейстера Экхарта» (1960, издана посмертно).

[5] Анастасий (Грибановский; 1873–1965), епископ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). В 1938 г. написал приветственное письмо А. Гитлеру. В 1942 г. одобрил действия немецких войск в СССР.

[6] Иоанн Шанхайский (Максимович; 1896–1966), епископ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). В 1920 гг. переехал в Югославию. С 1934 г. епископ Шанхайский. Позднее жил в США и Франции.

[7] Константин (Зайцев; 1887–1975), архимандрит, богослов, литератор. В начале 1910-х гг. окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института (как и П.Н. Савицкий, ученик П.Б. Струве) и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После революции переехал в Прагу, преподавал на Русском юридическом факультете, где также учился и преподавал П.Н. Савицкий. В 1935–1936 гг. ректор Харбинского педагогического института. Позднее переехал в США, где в 1949 г. был пострижен в монахи. В 1949–1975 гг. редактор журнала «Православная Русь».

[8] Туринцев Александр Александрович (1896–1984), протоиерей, литератор. С 1919 г. в эмиграции, жил в Варшаве, Праге и Париже. Выпускник Русского юридического факультета. Участник «Скита поэтов». С 1949 г. священник.

[9] Никон (Рклицкий; 1892–1976), архиепископ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии, окончил юридический факультет Белградского университета. В 1940 г. принял монашество, с 1941 г. иеромонах. В 1942–1945 гг. полковой священник Русского корпуса вермахта в Белграде. В 1945 г. переехал вместе с руководством РПЦЗ в Германию. С 1946 г. жил в США. С 1948 г. епископ Флоридский, с 1959 г. архиепископ.

[10] См. примеч. 9 к письму № 6.

[11] Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939), литературовед. В 1920-е гг. был близок к евразийству. После кламарского раскола 1928–1929 гг. примкнул к левым евразийцам. Жил в Лондоне. В 1931 г. вступил в Коммунистическую партию Великобритании. В 1932 г. благодаря помощи М. Горького вернулся в СССР. Арестован, осужден, умер в лагере.

[12] Святополк-Мирская (Похитонова) Софья Петровна (1887–1978), старшая сестра Д.П. Святополк-Мирского, княжна, фрейлина. После окончания Второй мировой войны вернулась в СССР.

Копии писем П.Н. Савицкого к Н.Н. Алексееву

1

Письмо моему другу Николаю Николаевичу А<лексееву> (7 сентября 1957 г.)

Из Ваших новейших работ знаю — и то лишь по аннотации — только «Идею государства» (412 стр.)[1]. Правильно ли указание аннотации, что Вы касаетесь в ней только Европы? — Поразительная по интересу тема: история идеи государства в России. Я наблюдал эту идею воочию — на нынешнем этапе ее развития. Полагаю, что современной русской идеи — по силе ее и яркости — нет равной в мире. — Берет за сердце Ваша повесть о всем пережитом Вами за годы нашей разлуки. Также я пережил немало. — Думаю, что за годы 1945–1956[2] я увидел во Отечестве *в тысячу раз больше*, чем я мог бы увидеть, оставаясь в Праге. Но виденье это куплено немалой ценою. — Моя вера в Россию и моя любовь к ней укрепились и углубились в степени необычайной. И теперь во многом вера и любовь эта оснащены *конкретным значением.* — Помните ли Вы, как в 1936–1937 гг. я «слушал землю» и слышал, что *есть кому защищаться?* — История, как мне кажется, показала, что так оно и было. — В течение одиннадцати лет я видел русских ребят лицом к лицу. Крепкий и стойкий народ. — Думаю, что и крепости, и стойкости этой нет равных в мире. — Я — пламеннейший патриот моего Отечества (среди всего здешнего «западнобесия»). Но и в патриотизме этом я диалектик. — В изгнании получал «Журнал Московской Патриархии». В нем я прочел полный (как там было сказано) текст Вашей речи на праздновании юбилея (не ошибаюсь ли я в имени?) о. Иоанна Сокаля[3]. — Тогда Вам казалось, что Вы не видите достаточно ясно Отечества. — И мне хотелось от всей души Вам крикнуть буквально «из глубины», из «мрачных пропастей земли»: «живет и восходит»! — Россия — страна электронная. Возможности ее практически безграничны. — По твердому убеждению моему, наступает *русская* эпоха всемирной истории. Запад трепыхается со своей водородной бомбой. За наступление этой русской эпохи должны бороться русские люди.

Православный народ русский никогда не пойдет по этому пути — как не пошел он по пути Флорентийской унии 1437 г., как не подчинился он Брестской унии 1596 г. (и теперь ликвидировал последние ее отголоски) и многим другим попыткам его олатынить. Дух Марка Эфесского да будет с нами![4]

Приписка.

Здесь «униональное богословие» облеклось в форму «булгаковства». Прилагаю копию моего письмо об о. Сергии Булгакове парижскому другу. Оно было написано задолго до того, как «униональное богословие» вышло на поверхность в «Журнале Московской Патриархии»...

Православие — это ясная как солнце истина.

«Униональные» ухищрения <Сергия> Булгакова, <Василия> Родзянко[5], <Анатолия> Ведерникова[6] — это попытки затмить свет этой Истины. Не затмят, конечно!

Но *бесконечно* тяжело видеть, что «Журнал <Московской Патриархии>» и «Вестник» предоставляют свои страницы для подобного рода ухищрений...

Как можно допустить (это по поводу взглядов В. Родзянко), что наши великие и образованнейшие отцы и святители первых десяти-одиннадцати веков христианства могли заблудиться буквально среди трех сосен, что они не поняли и не могли разъяснить смысла простейших слов и что нужен был Родзянко в XX веке, чтобы наконец все это разъяснить! И все эти ухищрения плетутся перед лицом прозрачного как безоблачное небо символа <веры?>!

И к тому же попытка явную *ересь* признать не ересью.

T-SAV-V/80 (1).

[1] *Алексеев Н.Н.* Идея государства. Нью-Йорк, 1955 (см. переизд.: СПб., 2001).

[2] Годы, проведенные Савицким в СССР.

[3] Иннокентий (Сокаль; 1883–1965), епископ. Выпускник Киевской духовной академии. С 1912 г. священник. В 1919–1921 гг. в командировке в Палестине, затем жил в Сербии, присоединился к Русской Зарубежной Церкви, преподавал в Сремски-Карловацкой духовной семинарии, с 1931 г. служил в Троицкой церкви в Белграде. В 1944 г. перешел в юрисдикцию Московского патриархата, благочинный русских приходов в Югославии. В 1950 г. вернулся в СССР. В апреле 1959 г. принял монашество, с мая 1959 г. епископ Смоленский и Дорогобужский.

[4] На Ферраро-Флорентийском соборе Марк Эфесский (1392–1444) выступил против унии Православной и Католической церквей, что в соответствии с принципом liberum veto (несогласие одного отменяет действительность общего решения) должно было влечь за собой ее непринятие.

[5] Василий (Родзянко; 1915–1999), епископ. С родителями эмигрировал в Болгарию, затем жил в Сербии, окончил богословский факультет Белградского университета. С 1941 г. священник. В 1949 г. арестован югославскими властями, в 1951 г. выслан из Югославии, поселился в Англии, настоятель храма Сербского патриархата в Лондоне. В 1979 г. принял монашество, переехал в США. В 1980 г. епископ Вашингтонский, в 1980–1984 гг. епископ Сан-Францисский и Калифорнийский.

[6] Ведерников Анатолий Васильевич (1901–1992), священник, церковный публицист, секретарь «Журнала Московской Патриархии».

2

П<етр> Н<иколаевич> С<авицкий> — Николаю Николаевичу А<лексееву> (1957)

Страстно хочу получить Ваш труд «Мир и душа. Философские размышления о материи и духе на основе диалектического реализма» (Женева, 1955). Ведь я же Ваш первый и давний, сочувственный, ни в чем не изменившийся и ничего не устрашившийся читатель. Сколь много раз думал я об этой Вашей работе за истекшие 15 лет. Я горю желанием поскорее с ней познакомиться!

Дорогой Николай Николаевич! Я помыслить не могу, чтобы книги, выпущенные по-русски за границей, были «пропащей вещью». — Возьму скромнейший пример. За истекший год я опубликовал здесь по-русски несколько статей по экономической географии. И хотя статейки весьма скромненькие, *я получил на них отклики со всех концов мира*. Отдельные оттиски уже дальше разошлись до последнего экземпляра.

Дорогой Николай Николаевич! Мне кажется, Вы упускаете из виду, что русский язык сейчас — не провинциальный язык, но язык с планетарным полетом. И по крепкому, выношенному и выстраданному убеждению моему, эта его планетарная роль будет усиливаться с каждым десятилетием. — Вот возьмем Ваш «Мир и душу». Помимо всего прочего, это Ваше слово, обращенное по-русски к наступающим *русским* векам всемирной истории.

Не сомневайтесь ни минуты: такое обращение гораздо важнее и плодотворнее (в историческом смысле), чем издание французской, немецкой или любой иной романо-германской книжонки.

А о России и говорить нечего. Сейчас туда приходит *все научное*. И все изданное *по-русски*, хотя бы и вдали, воспринимается как свое и с особой живостью реагирования. Я знаю это из широкого опыта. А все напечатанное по-немецки, по-французски и т. д. — это чужое. Его не читают.

Исключение составляет единственно кружок снобов в Москве и Л<енин>граде (по преимуществу, еврейского происхождения) — действительно не освободившихся от «западнобесия».

Но будем надеяться, что и они исцелятся.

Я не против лектюры[1] на романо-германских языках, но *творить* нужно по-русски.

Очень интересуюсь и Вашими воспоминаниями (очень! очень!). Не сомневаюсь, что они *будут* напечатаны, и притом именно по-русски.

T-SAV-V/80 (2).

[1] Подразумевается: лекций.

3

Петр Николаевич — Николаю Николаевичу (конец 1957 г.)

Мысли Вашего письма от 22 ноября <1957 г.> мне бесконечно близки. Совершенно согласен с Вами во всех конкретных случаях определения «фактов-пророчеств» и «фактов-отголосков». Но в общем плане я говорил бы *о предвидении*, не *угадывании*. — В частности, вместе с Вами я готов истолковать наш XVIII век как «век пророческий». Один Радищев чего в этом отношении стоит! — Согласен и с Вашей мыслью о *неизбывном сочетании* «подъемных» и «прогибных» признаков[1]. Но при микроанализе, для относительно *небольших* периодов времени, удается установить *огромное преобладание* в одних случаях «подъемных», в других — «прогибных» признаков.

T-SAV-V/80 (4).

[1] Упоминание о «подъемах» и «прогибах» развивает довоенные идеи Савицкого о циклах развития русской культуры, государства и экономики. См.: *Савицкий П.Н.* «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. XI. С. 65–100.

4

Н<иколаю> Н<иколаевичу> А<лексее>ву
при посылке ему копий писем Л<ьва> Н<иколаевича> Г<умилева> (1958)

Должен сознаться: образ Л<ьва> Н<иколаеви>ча, как он рисуется по его письмам, почти идеально отвечает образу русского кочевниковеда, как он пре<по?>дносился мне в 1928 г., в эпоху написания «Задач кочевниковедения»[1]. — Теперь я радуюсь сердечно, что Л<ев> Н<иколаевич> «научился читать по-древнетюркски» и его открытиям по этой части. Я в свое время должен был научиться по-древнетюркски, но не успел это сделать за всеми своими историософскими, географическими, экономическими, историческими и пр<очими> занятиями. Тем ярче моя радость, что Л<ев> Н<иколаевич> овладел теперь этим языком. — Пусть же теперь он сделает в этой области все, что в ней можно сделать! — Никто, пожалуй, в истории не был так научно подкован для разрешения задач кочевниковедения, как подкован в настоящее время Л<ев> Н<иколаевич>. — Я не во всем согласен с мыслями статьи Н.С. Трубецкого, написанной в свое время для нашей <Евразийской> «Хроники» и ныне напечатанной в «Вопросах языкознания». Я надеюсь написать Вам об этом подробнее. Но я хотел, чтобы Н<иколай> С<ергеевич> <Трубецкой> дал авторскую *русскую* формулировку своих мыслей. И это осуществилось.

T-SAV-5/80 (5).

[1] См.: *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения. Прага, 1928.

5

Мое письмо Н<иколаю> Н<иколаеви>чу А<лексееву>[1]

Здесь довольно много киевлян. Я говорил с ними об А.В. Зеньковском. Все они единогласно утверждают, что в довоенные (перед 1-й мировой войной) годы А.В. Зеньковский Киева не покидал и, следовательно, никак не мог быть *личным секретарем* П.А. Столыпина. Есть все основания думать, что утверждение это — чистый блеф. А вся история публикации книги А.В. Зеньковского, в связи с «потребностями настоящего момента» (!!!), предельно типична для нравов эмиграции, в осудительном смысле этого слова.

Несколько комментариев к проклятиям, расточаемым К.О. Зайцевым (а ныне — страшно сказать — архимандритом Константином). По официальным данным (Ежегодник Большой советской энциклопедии, 1957, с. 98), число приходов Русской православной церкви в СССР «свыше 20 тысяч». Число верующих должно исчисляться примерно ста миллионами человек. Вот против кого расточает свои «проклятия» этот выродок рода человеческого. Добавлю от себя: раньше я не представлял даже, что может быть такая целостность и глубина веры, какую я воочию наблюдал в эти годы в России.

Когда я прочел Ваши строки о бывшем издателе «Царского вестника», мне не нужно было наводить справки. Я помню это имя. Это Николай Павлович Рклицкий, черниговец родом (в пансионате его бабки в Чернигове прошла первые шаги учебы моя покойная мать; это были 1870-е годы). Еще на моих глазах, в конце 1920-х годов, Рклицкий впал в крайние формы душевного извращения.

Я и не знал, что сестра Д.П. Святополк-Мирского Ольга Петровна около Вас. Когда я писал Вам о нем, я и не подозревал, что это так. Из моих писаний Вы могли усмотреть, насколько близко к сердцу я принял судьбу Дм<итрия> П<етрови>ча. Я неустанно искал людей, бывших около Дм<итрия> П<етрови>ча в последние годы его жизни. И нашел двух: 1) одного мужичка-туляка из бывшей вотчины Бобринских — Богородицка. Судя по всему, он был в большой дружбе с Дм<итрием> П<етрови>чем и помогал ему в бытовом отношении. Мужичок этот вместе со всеми другими выслушал в исключительных условиях сорок пять лекций Дм<итрия> П<етрови>ча о Пушкине, причем Д.П. все говорил на память (ни одной книги у него под рукой не было), 2) вторым был доцент Л<енин>градского у<ниверсите>та по кафедре истории западных литератур В.С. Буняев[2]. К нему после кончины Дм<итрия> П<етрови>ча (по показанию Буняева, в апреле 1941 г.[3]) перешла рукопись последней, написанной в исключительных условиях работы Дм<итрия> П<етрови>ча «Русская поэзия от Пушкина до Фета». О ней я уже писал Вам.

Вот какое случилось «событие». Начну издалека. — Последний раз в жизни я видался с Н.С. Трубецким в 1937 г. Незадолго перед тем он напечатал очень интересную статью в <Евразийской> «Хронике», XII. Я упрекал его за то, что собственные филологические работы он печатает по-немецки (эта его неметчина очень сидела у меня в печенках, как сидит и сейчас). Н.С. <Трубецкой> внял моим

доводам и обещал очередную свою лингвистическую работу написать по-русски и прислать ее для «Хроники», XIII. Это свое обещание он и выполнил в декабре 1937 г., прислав мне рукопись: «Мысли об индоевропейской проблеме». — Из-за нагрянувших событий «Хронику», XIII не удалось осуществить. Но я свято сберег — через все эти 20 лет — автограф статьи Н<иколая> С<ергееви>ча, писанный его характерным четким почерком. Теперь эту рукопись удалось продвинуть в Москву, и она напечатана в журнале «Вопросы языкознания», 1958, I, с. 65–77 (в отделе «Из истории языкознания»). — Таким образом, список русских работ Н<иколая> С<ергееви>ча обогатился еще одной работой, при этом наиболее поздней по времени из всех вообще его работ.

От души желаю Вам здоровья, бодрости и больших творческих достижений!

T-SAV-V/80 (10).

[1] Предположительно, написано в 1958 г.

[2] Буняев Василий Семенович (1908–1991), филолог. Выпускник Курского педагогического института. Во время обучения в аспирантуре Ленинградского университета арестован, репрессирован. Его знакомство с Д.П. Святополк-Мирским состоялось, скорее всего, во время принудительных работ на Дальстрое, у Магадана.

[3] Общепринятой датой смерти Д.П. Святополк-Мирского считается 6 июня 1939 г.

6

Мое письмо Н.Н. Алексееву (1958)

Вы рассказали мне печальную историю с Вашей статьей в «Советском государстве и праве». — В ответ расскажу Вам историю и о себе. — За «дискуссионным» и «нетрадиционным» трудно следить не только из Женевы. — Летом 1955 г. я находился в доме отдыха в Мордовии. Послал я оттуда в редакцию журнала «Новый мир» написанный мною в конце 1940-х гг. цикл стихов о Югославии. В нем обобщены впечатления от моих поездок по Югославии — от востока до запада — в начале 1930-х годов.

Из редакции (зав<едующая> отделом стихов Дмитриева) я получил в ответ горячие (и хорошо сформулированные) похвалы моим стихам — и в то же время пожелание, чтобы отразил в них огромное положительное значение лично Тито.

Я не поклонник Тито. Считаю его по меньшей мере двоедушным[1]. Стихов, идущих против моей совести, я не писал и не пишу.

Мой цикл так и не был напечатан в «Новом мире».

Не знаю, читаете ли Вы регулярно «Правду». Я читаю (непрерывно с 1929 г.). Если Вы просмотрите ее номера за первую половину текущего мая, то думаю, вся эта история приобретет для Вас особое звучание.

Дорогой друг, не смущайтесь! Вашим «Воспоминаниям» присуще *огромное* историческое значение. Сужу об этом по известному мне XVII тому «Архива русской революции» («Архив» этот имеет сейчас немалое обращение в России).

Более того: я надеюсь, что Вы напишите главу или главы и об ЕА периоде Вашей жизни. Печатать «ЕА» главы Ваших воспоминаний было бы сейчас еще преждевременно, но написать их нужно *обязательно*.

Мысль моя идет и дальше.

Очень интересно все то, что Вы пишете о своей ранней молодости! Вашего революционного прошлого я до сих пор не знал. Вы рассказывали мне (и нам) кое-что только о Ясной Поляне.

Вы жалуетесь на отсутствие «доминанты» в Вашей жизни. И тут же ее находите. К Вашим формулировкам по этому поводу я прибавил бы еще одну черту.

Я не сомневаюсь, что с течением времени все более уяснялось для Вас *всемирно-историческое* значение тех *особых* путей России, о которых Вы пишете, их определяющее значение для всего человечества.

Что касается меня лично, то я уверен, что мироводительство в нашу и грядущую эпоху Господь Бог вручил России.

И думаю, что в этой уверенности мы с Вами не разойдемся.

Это именно то, что сближало и объединяло нас начиная с 1926 г.[2]

Конечно, мы все еще *на заре* русской эпохи всемирной истории. Но заря разгорается.

Мне в жизни неоднократно приходилось (и приходится) идти атакой на *западнобесов* буквально в одиночку (увы, они и тут окопались — иногда в самых неожиданных местах!).

И я знал и знаю, что только одна женщина во всем мире меня в этом поддержала и поддержит. И зовется женщина эта — Историей.

Эти слова я хотел бы применить и к Вашим «Воспоминаниям».

Да, весьма вероятно, что Ваши «Воспоминания» не понравятся ни «левым», ни «правым».

Пройти и через «левое», и через «правое» — и прийти к своему — ведь это и есть ЕА путь.

И понравится он только единственной, всё той же взыскательной женщине!

Смею думать, что путь к ЕА и ЕА путь и есть «доминанта» Вашей жизни.

В конверте Вашего письма статьи об «ощущении природы» я, к сожалению, не нашел.

В истекшие годы (1945–1956) в лесах Подмосковья, наряду с многими *другими*, я пережил незабываемые поэтические моменты. Я уже писал Вам, что у меня десятки и десятки друзей — колхозников и рабочих, русских и мордвы и представителей других ЕА народов. И я смело скажу, что в России в миллионах и в десятках миллионов сердец «ощущение природы» живее, чем когда бы то ни было.

Подробнее же по этому вопросу я смогу высказаться лишь тогда, когда перечту Вашу статью. Видали ли Вы недавно вышедший сборник «Судебные речи известных русских юристов» (П.А. Александров, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов и др.) вместе с их биографиями, 2-е изд. Госюриздат 1957, 900 стр. Сборник небезынтересен.

T-SAV-V/80 (6).

[1] Тито Броз Иосип (Broz Tito; 1892–1980), государственный деятель. Глава коммунистической Югославии, которая в первой половине 1950-х гг. дистанцировалась от СССР и получала помощь от США и иных западных стран. После прихода к власти Н.С. Хрущева отношения с режимом Тито начали сглаживаться.

[2] Год присоединения Алексеева к евразийству.

7

Из моего письма Н<иколаю> Н<иколаевичу> А<лексееву> (февраль 1959 г.)

Ваше письмо от 12 января — интереснейшее письмо. Оно произвело большое впечатление не только на меня, но и на всех, кто его читал. Но в ряде пунктов я с Вами не согласен.

Развитие техники за последние два столетия нам кажется быстрым. Думаю, что в этом впечатлении есть и зерно «объективной истины». Но едва ли не все повороты в истории человечества происходили в порядке «моментальной мутации», и современникам их развитие и тогда казалось быстрым. Хочу вдуматься в психологию человека мезолита, на переходе к неолиту — тут сразу и «изобретение» шлифовки камня, и начало земледелия (взамен поиска семян и корней), и введение в культуру одного растения за другим (например — как много культурных растений было уже у жителей швейцарских свайных построек!), и быстрая эволюция орудий и начало животноводства — в целом ряде его отраслей, и начало керамики, и усовершенствование жилища. Тоже впечатление должно было быть исключительным.

Перед лицом безграничной вселенной — наши достижения не больше тех.

Или вдумайтесь в психологию египтянина начала египетской эры («додинастического» Египта или Египта первых династий): возникновение письменности — и тем самым истории, в нашем смысле слова, возникновение архитектуры (пирамиды!), первых, но уже обширных, математических и астрономических знаний, настоящей скульптуры и т. д. Тоже разительные перемены — побольше электрической лампочки. А потом, действительно, не то 30, не то 40 веков более или менее на одном месте. Только появление коня и боевых колесниц было большим делом. Их привезли с собой гикс<ос>ы в 18 в. до н. э.

Таких периодов «мутаций» было немало. Каждая из них не похожа на предыдущую. Так и в нашем случае.

Социальный же строй Запада — в отличие от техники — прямо-таки *поразительно консервативен*.

Ну чем, скажите мне, Франция <Шарля> де Голля[1] отличается, в социальном отношении, от Франции, скажем, Генриха IV[2]. Те же дворяне, весьма влиятельные, сидящие в фобургах[3] Сен-Жермен и Сен-Оноре, те же предприниматели (о них Сюлли[4] заботился не менее, чем заботится де Голль), те же крестьяне-собственники, с их допотопными навыками. Нет слова «серф» <крепостной крестьянин>, зато больше пролетариата в городах.

Еще пример: США (тогда «Новая Англия») в 17-м веке и сейчас. *Количественная* разница большая, *качественной*, в социальном отношении, — почти никакой. Те же собственники повсюду, те же фермеры, те же «работные люди» — и в положении негров разница не очень велика.

Вы скажете, что и тут придет «мутация». Но, во-первых, это вопрос будущего, которое в точности мы не в силах предвидеть, и, во-вторых, факт неподвижности социальных отношений в течение ряда столетий, во всяком случае, налицо.

Если в технической области сила традиции (накопление знаний и приемов) ускоряет революцию, то в социальной области сила традиции скорее *замедляет* ее.

Это мысль нашего Никушки[5], высказанная именно по поводу нашего письма.

Нет, дорогой друг, пока существует наша Земля и человек на ней, история, в определенных своих чертах, остается историей, как бы ни протекало техническое развитие. При *любых* условиях технического развития будет и мироводительство. Ибо организационная идея, эйдос, не может осуществляться без организатора. Следовательно, и перспектива наступления «русской эпохи всемирной истории» есть вполне реальная перспектива. Это уж я говорю, ибо наш Никушка такими вопросами не занимается.

Было бы смешно сопоставлять конкретное содержание русской эпохи с таким же содержанием «греческой», «римской» и т. д. эпох. Совершенно очевидно, что техника, экономика, культура и, главное, *социальные отношения* будут здесь совершенно иными. К тому же: уже с 1919 г. я не устаю подчеркивать, что «греческая», «эллинистическая», «римская» эпохи были географически *провинциальными*, они не выходили за пределы *западной части Старого Света*. Русская же эпоха, судя по всему, будет действительно *всемирной*[6], охватит *всю* нашу планету и даже выйдет, быть может, за ее пределы (все прочие пропорции и ничтожество нашей планеты перед лицом безграничной вселенной я представляю себе с полной ясностью).

Среди моих собеседников 1945–1956 гг. было немало «концемирников», людей, которые ждали и ждут светопреставления буквально со дня на день. Я говорил им, что христианское сознание допускает возможность конца света в *любой момент*. Со времени написания Апокалипсиса сменилось приблизительно 66 поколений. В каждом из этих поколений были люди, которые *остро* ожидали светопреставления именно при жизни своего поколения и видели признаки его приближения. Но шестьдесят шесть поколений миновало, а светопреставления не произошло. — Это не значит, что оно не произойдет при жизни нашего поколения. Но невозможно утверждать и обратное, т. е. что оно произойдет *именно* при нем. — Атомная и водородная бомбы тут принципиально положения не меняют. Ибо у Господа и без них достаточно средств вызвать конец нашей планеты. Ведь речь может идти не только о конце жизни на Земле; но также о том, что вся планета вспыхнет «сверхновой» звездой на небе других, неизвестных нам планет. Не исключено, что сверхновые звезды, которые мы наблюдаем, суть именно свидетельства об удавшихся опытах по расщеплению атома. Самое большое, что нам дают в этих вопросах атомная и водородная бомба, это некоторые дополнительные сведения о возможной «технологии» конца света.

«Но страшен сон, да милостив Бог»[7]. Я сторонник того *оптимистического* решения, возможность которого допускаете и Вы. Вы не знаете, кто сможет осуществить это оптимистическое решение. Смею сказать, я это знаю. Но тут я всячески хотел бы придерживаться *диалектических* формул. Тем более что их диалектику я испытал, между прочим, и на своих боках.

Оптимистическое решение есть русская эпоха всемирной истории. И уверяю Вас (как уверял и в конце 1930-х годов): *есть* силы для осуществления этого решения.

Однозначного в истории не было и *не будет* — при любой технике история останется равной себе. Поэтому и «оптимистический вариант земной истории» отнюдь не будет лишен диалектических моментов.

И все же единственный путь для нас, для каждого в *своих* условиях и в *особых* формах, быть сторонниками этого оптимистического решения и посильными за него борцами.

Это, мой дорогой друг, основное и главное. Теперь подробности.

Приводимая Вами хронология — отнюдь не единственная возможная. Тут у каждого автора — своя хронология. Есть археологи, которые дают довольно связную историю человечества на протяжении 500–400 тысяч лет. Но колебания тут велики. Сколько-либо «твердая» хронология возможна лишь для последних 6–8 тысяч лет человеческой истории. Я совершенно уверен, что «сотворение мира» по Моисею (5508 г. до н. э.) — это и есть начало письменности и «настоящей» истории. И тут Моисей довольно-таки точен. Видимо, у него в руках были хорошие вавилонские и египетские источники.

Дорогой друг! Как поборник русской эпохи всемирной истории, как человек, вот уже треть века гордящийся своим единомыслием с Вами, я очень огорчен тем, что в своем кратком обзоре событий всеобщей истории Вы не упомянули ни одного факта нашей отечественной истории. Вы знаете, я не очень-то мирволю Петру I. Но, конечно, Петр в общей рамке истории нашей планеты бесконечно значительнее упомянутого Вами Людовика XIV. И поверьте, Октябрьская революция — фактор побольше даже машин Уатта и лампочки Эдисона. Тут я оставлю в стороне все оценочные критерии. Говоря только о *физическом* объеме явления, о его воздействии на человечество.

И еще о Уатте и Эдисоне. Их Вы упоминаете, а об русских их предшественниках — Ползунове и Лодыгине — умалчиваете. Я не хочу повторять «в обратном направлении» западнической односторонности — и вполне признаю заслуги Уатта и Эдисона. Но неопровержимые документы неопровержимо доказывают приоритет Ползунова и Лодыгина. К тому же Эдисон заведомо *знал* лампочку Лодыгина (первую в мире лампочку накаливания!) и только *усовершенствовал* ее. Если хотеть учитывать не только техническую мысль как таковую, но и коммерческий успех начинания, то можно говорить о машине Ползунова — Уатта, о лампочке Лодыгина — Эдисона. Но забывать Ползунова и Лодыгина вовсе — нам, русским, казалось бы, не к лицу. Так делали «западнобесы» периода императорской России, но не нам идти по их стопам.

Все это не лишено значения в плане «подготовки» русской эпохи всемирной истории.

Теперь об Александре Македонском.

Он наделал ужасных дел на Востоке. Стоит почитать хотя бы только у Б.А. Тураева о том, что Александр разрушил и уничтожил на территории собственно Персии[8]. У Александра <была,> видимо, прямая враждебность к незнакомой ему культуре, чего, напр<имер>, не было у Чингис-хана.

И все же: Александр, несомненно, начал новую эпоху в истории Передней Азии и небольших примыкающих к ней частей Европы. Эту эпоху Дройзен[9] назвал «эллинистической». О ее проявлениях говорят и «Деяния Апостолов», 9, 29.

Я интересуюсь Александром, слежу за литературой о нем. Но я не могу не сознавать, что по сравнению, напр<имер>, с тем же Чингис-ханом, с такими его полководцами, как Джебе или Субутай, Александр — глубокий провинциал. Александр — принадлежность истории «западной части Старого Света». Кочевники и их вожди — принадлежность истории *всего* Старого Света.

Все ли в духовной истории Севера пришло с Запада и Юга, как это любят утверждать западники всех мастей и категорий. Нет, мой дорогой друг, не все! Возьмем наиболее близкий нам пример: русское православие. Нет сомнения в том, что догматика и литургика пришли на Русь с юга. Но уже в русском календаре (напр<имер>, русское празднование Пасхи), в житиях русских святых, в русском старчестве (несмотря на *молдавский* опыт Паисия Величковского[10]) — не чувствуете ли Вы и не видите ли Вы собственно русских, местных, «почвенных» элементов? И, напр<имер>, в 16–17 вв. в такой религиозно существенной области, как иконописание, уже не православный Восток влиял на Русь, но, наоборот, Русь влияла на православный Восток. Об этом есть множество документов.

Изменив подлежащее изменению, то же можно сказать и о культах Сибири.

Теперь о Волынском[11].

Конечно, Артемий Петрович был человеком крепостнической эпохи. Даже он в одиночку не мог превратить свою эпоху в чисто капиталистическую и тем менее в социалистическую эпоху. К тому же его «Инструкция» — чисто утилитарный документ, действительно, указания приказчику. По части паспортов для крестьян Волынский повторяет указы Петра. Но посмотрите, сколько передовых для своего, отчасти же интересных и для нашего времени, мыслей и наблюдений он вкладывает в этот чисто деловой документ: 1) «когда тягло вспашет на меня две десятины в поле, то надобно, чтоб собственной ему земли было на всякое тягло против того вдвое» (цитирую по коллективному труду: «История русской экономической мысли», АН СССР, т. 1, ч. 1, М., 1955, стр. 381). Ведется наблюдение за тем, чтобы эта «собственная» земля крестьянина была им вспахана и засеяна. Простой арифметический расчет показывает, что эта норма отвечает *двум дням барщины в неделю*. Для того времени это не слишком эксплуататорская норма. Было бы, в условиях того времени, великой победой разума и гуманности, если бы она тогда же была превращена в закон, 2) во избежание разорения бедных крестьянских семей Волынский перераспределяет подушную подать на тягла как реальные экономические единицы. Вполне рациональное и даже гуманное мероприятие. Оно обнаруживает в Волынском хорошего финансиста, 3) Волынский раздавал своих телят, ягнят, поросят, цыплят для воспитания и выращивания «деловым бабам».

Минимальный приплод — помещику. Весь «излишек приплода» — воспитательнице («деловой бабе»). Очень остроумное мероприятие по созданию личной материальной заинтересованности в развитии животноводства у «деловых баб» — не лишенное поучительности и для нашего времени, о чем свидетельствую на основе самовиденья, 4) Волынский — прекрасный знаток сельского хозяйства. В его «Инструкции» — целый ряд указаний, направленных на то, чтобы крестьяне умножали производство хлеба, расширяли пашню, покупали хорошие семена для замены плохих (это зовется теперь «сортовые» семена), вовремя производили сев и уборку, не пропуская удобного времени. Все это — настоящая политическая экономия (хотя бы и прикладная) и настоящая агротехника, а не что-либо другое. Речь идет о хозяйствах крестьян. 5) Волынский приказывает завести *опытные* участки (по десятине каждый) — в частности, для изучения влияния на урожай разных норм густоты высева (на каждой делянке — особая норма) и разных видов удобрений (навоза и удобрений «лядинного» типа — сжигание хвороста на пашне). Волынский — один из инициаторов русского сельскохозяйственного опытного дела, 6) Весьма поучительны его указания о постановке сельскохозяйственного учета. В числе другого он предписывает проводить в январе ежегодную с<ельско>х<озяйственную> перепись. «Опросная карточка» Волынского не очень отличается от современной. — Волынский заботился о размножении числа грамотных. Он был энтузиастом прудового рыбоводства, садоводства, пчеловодства (стр. 382–383). Инструкция писана в 1724 г., но многое по части организации сельского хозяйства звучит в ней вполне по-современному.

Нет, дорогой друг, что ни говорите, а Волынский был достоин войти в состав нашей Академии наук уже в 1725–1726 гг. Если бы ему дали развернуться в общегосударственном масштабе, у нас была бы сельскохозяйственная опытная сеть уже во 2-й четверти 18 века. Вместо этого Академию заполнили немцами, часто бездарными и наглыми.

Назову здесь еще одно имя, против которого, я думаю, и Вы не будете возражать, — имя Ивана Тихоновича Посошкова[12]. Это был экономист раннекапиталистической эпохи, с удивительной широтой горизонта. Он мог бы украсить любую академию наук. Лучшего организатора «экономического» собрания Академии нельзя себе и представить. Вместо этого правительство Екатерины I сгноило его в Петропавловской крепости.

Нет, велики преступления против России императорского режима.

T-SAV-V/80 (7).

1 Президент Франции в 1959–1969 гг.

2 Король Франции в 1589–1610 гг.

3 От фр. faubourg — предместье.

4 Максимилльен де Бетюн (de Béthune), или герцог Сюлли (Sully; 1560–1641), был главой правительства при Генрихе IV. Известен своим покровительством сельскому хозяйству и торговле. Его отношение к промышленности было более сдержанным. Считается одним из вдохновителей физиократов.

5 Савицкий Николай Петрович (род. в 1935), филолог, старший сын П.Н. Савицкого.

[6] Переход от проблемы уникальности России-Евразии к ее мировому значению в поздних трудах евразийцев подчеркивает А.Г. Гачева (см.: [Гачева 2005]).

[7] Русская пословица.

[8] См., например: *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Т. 2. М., 1935.

[9] Дройзен Иоганн Густав (Droysen; 1808–1884), немецкий историк. С 1835 г. профессор Берлинского университета. Автор трехтомного труда «История эллинизма» (1836–1843). Известен тем, что ввел в научный обиход сам термин «эллинизм».

[10] Паисий Величковский (1722–1794), религиозный деятель, «отец русского старчества», апологет исихазма и «умной молитвы», переводчик с греческого трудов Георгия Паламы, Исаака Сирина и др. Многие годы провел в Молдавии и Валахии.

[11] См. о нем примеч. 10 к письму № 4.

[12] Посошков Иван Тимофеевич (1652–1726), экономист, автор «Книги о скудости и богатстве (1724). Из евразийцев идеями Посошкова также интересовался философ В.Н. Ильин (см.: [Ильин 1925]).

8

Мое письмо Н.Н. Алексееву о его «Воспоминаниях» («Новый журнал», кн. 53, 54 и 55), его труде «Формы мышления и атомная революция», а также по вопросам русской истории 18 века (июль 1959)

Мало сказать, что Ваши «воспоминания» впечатлили меня; они взволновали меня и захватили. — Их пронизывает желание выразить и описать все именно так, как «оно было». Описываемая Вами «эпоха» русской истории встает перед читателем во всей ее конкретности — в преломлении <?> дум «ордена русской интеллигенции». — Ваши страницы и строки породили во мне целую «бурю» мыслей, замечаний, дополнений (хотя бы и непрошеных), а иногда и возражений. Вываливаю перед Вами все это волнение души моей без всякой систематичности, просто в порядке страниц Вашего текста.

1) кн. 53, стр. 173, внизу: о «трех выветрившихся и ничего не говоривших ни уму, ни сердцу понятиях»[1]. — Коли брать народ как целое, то Ваша формула и сейчас не подходит. Что это обстоит так с православием и народностью — этого я ожидал. Прочее было для меня неожиданностью. Оказывается, историческая память в народе сильнее, чем я думал. — И тут у Вас в Вашем тексте — на с. 177–178 — о Евгении Николаевиче Трубецком[2]. Я знал его лично, много с ним говорил. В его жизни православие никогда не было *выветрившимся* понятием. Не было им и в тот момент, о котором Вы пишете. — В книге 54, стр. 150 вверху: мне кажется необоснованным утверждение, что в Павле Ивановиче Новгородцеве «религиозность пробудилась... в конце жизни, в эмиграции». В годы 1923–1924 я был в большой дружбе с П<авлом> И<ванови>чем. И он лично говорил мне, что к православию он пришел еще до революции, в ходе своих поисков «общественного идеала»[3]. Уже тогда он понял, что его «общественный идеал» и дан в православии (в его философской сущности). Также к ЕА Павел Иванович подошел «не на

краю могилы»[4]. Вся серия его ЕА выступлений была сделана им еще в расцвете здоровья и сил. В дальнейшем, как Вы помните, тогдашние русские «западники» и неистовые «антибольшевики» (П.Б. Струве, Д.Д. Гримм и др.) объявили Павла Ивановича «большевиком» и стали его травить. Устранили с важнейших должностей (на которых П.И. <Новгородцев> был поистине незаменим), не оставляли нападками. Увы, оказалось, что П.И. <Новгородцев> мало приспособлен к перенесению такой ситуации. Тут-то и было роковым образом подорвано его здоровье. А ему не было и 60 лет.

2) кн. 53, стр. 175–176. Очень интересно для меня то, что пишете о Димитрии Яковлевиче Самоквасове[5]. Он мой отдаленный «дядя» по одной из женских линий. Хутор Самоквасовых под Новгород-Северском (на Десне), к югу от него, верстах в 10 от усадьбы Савицких («Савищины»). С других хуторов и окрестностей Новгород-Северска происходят: 1) педагог К.Д. Ушинский — звезда 1-й величины в русской педагогике, 2) экономист середины 19 в. А.П. Заблоцкий-Десятовский, выдающийся знаток крестьянского вопроса, сподвижник Павла Дмитриевича Киселева[6], а также его, Заблоцкого, братья — крупный статистик и крупный хирург, 3) писатель Пантелеймон А. Кулиш, талантливый человек с очень сложной и «пестрой» судьбой — и многие, многие другие, вплоть до нашего почтеннейшего Владимира Андреевича Косинского[7] («хутор Косинских»). — Почти все они прошли через новгород-северскую гимназию, крупнейший (с начала 19 в.) центр просвещения. — В 1916 г. хутор Самоквасовых уже лежал в развалинах. Летом этого года я поехал верхом, в одиночку, его осматривать. От зданий оставались только фундаменты. Вокруг стоял одичавший фруктовый сад, все это в речной долинке (приток Десны) редкой красоты. Димитрия Яковлевича я видел в жизни всего один раз — еще мальчиком. Он был очень «важный» родственник. Я никак не думал, что мой важный московский дядюшка сохранил до конца жизни «новгород-северское» произношение. Ведь «унивэрситэт», «факултэт» — это новгород-северский говор (конечно, в Москве, неуместный). Я прямо-таки не поверил бы тому, что Димитрий Яковлевич так говорил, но Вы — свидетель непреложный. — Научные заслуги Д<митрия> Я<ковлеви>ча огромны. Его раскопки в Чернигове («Черная могила» — тезоименитая городу) — до сих пор не превзойденный источник по ранней истории Руси. В некоторых отношениях Дм<итрий> Як<овлевич> — прямой предшественник ЕА воззрений.

3) кн. 54, стр. 151 — о С.А. Котляревском[8]: в 1910-х — 1920-х годах у нас с ним был дружеский контакт на почве ЕА воззрений. Будь он в других условиях — он стал бы, я думаю, выдающимся ЕА автором.

4) там же, стр. 156, внизу: «Мало кто в наше время интересуется предметом, который читал нам наш канонист Суворов[9]». — Действительно, в формальном отношении каноническое право сейчас на поверхности только в двух духовных академиях (Загорск и Л<енин>град) и в шести семинариях (обе столицы, Ставрополь, Саратов, Одесса, Жировицы в Белоруссии). Но зато какой горячий интерес к каноническим вопросам в среде народа! Какие страстные споры о том, где истинная церковная власть и каковы канонические основания ее истинности.

И слышал все это своими ушами. Дорогой Николай Николаевич: действительность диалектична!

5) там же, стр. 162 — о Б.П. Вышеславцеве[10]. В 1920-х — 30-х годах Борис Петрович был во многом близок к ЕА воззрениям. Я помню, как восторженно он приветствовал «Формулировку 1927 года». В 1943 г. мы дружески встретились с ним в Праге. И сразу же вслед за тем разошлись: я считал и считаю участие в нацистском «Антикоминтерне» (и его нынешних продолжениях) самым антирусским делом, какое можно себе представить.

А Борис Петрович принял в нем участие. Думаю, что это резчайшее наше с ним расхождение продолжалось, в той или иной форме, до самой его смерти. Но и сейчас ценю и чту общий моральный облик Бориса Петровича; он выразился в том, что уже в период резчайшего нашего расхождения Б<орис> П<етрович> оказал мне большую жизненную услугу.

6) Очень интересна вся «толстовская» часть Ваших воспоминаний (кн. 55). Конечно, о Толстом, о жизни в хамовническом доме Толстых, о Ясной Поляне есть чудовищная по размерам литература. Сказать здесь что-либо безусловно новое очень и очень трудно. Но Ваш рассказ весьма удачно оттеняет основные факты. Великолепно сожаление Л<ьва> Н<иколаеви>ча о том, что он не сидел в тюрьме (ощущение, в полной мере оставшееся в силе и теперь): «У нас в России все порядочные люди сидели, а я не сидел, нехорошо». Прекрасен в этом аскете и вегетарианце и вегетарианский восторг по поводу убитого Вами русака — «фунтов на девять». В лад с этим восторгом и его «компетентное руководство» Вами в карточной игре. Хорошо и все прочее. — Тут у меня нет печатного текста, цитирую по рукописи.

7) стр. 3, вверху — о Сергее Александровиче Рачинском[11]. Он известен не столько как ученый-агроном, сколько как своеобразный «народный педагог», косвенный вдохновитель победоносцевских церковно-приходских школ. В своей татевской школе (Татево — имение Рачинских с прекрасным старинным домом, унаследованным ими от Потемкиных) Сергей Александрович, человек тончайшей культуры, достигал многого. Он создал и кадр учеников. Почти все картины художника Богданова-Бельского писаны на мотивы татевской школы[12]. Но без Рачинского такое дело идти не могло. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1-е издание, том XXVI, СПб., 1899, стр. 390–391) большая, но совершенно полемическая (и с передержками) статья о Рачинском — сравнительно редкий пример полемики в энциклопедии. Статья без подписи.

8) там же, посередине — об ударении на словах: м**а**ма, п**а**па, мам**а**, пап**а** — в старорусских дворянских семьях. Мой покойный друг Николай Сергеевич Трубецкой, хорошо знавший московское дворянство, делил его по этому признаку на две группы: 1) мелкое и среднее дворянство «русского» духа — ударение на первом слоге; 2) аристократия космополитического духа — ударение на последнем слоге. Вы показываете, что семья Толстых «по ударению» принадлежала ко второй группе.

9) стр. 7 — о судьбе Сергея Львовича Толстого. Будучи в России, я следил за судьбой семьи Толстых. Около 1948 г. (не позже 1949 г.) в ряде советских газет

появились заметки о его кончине и краткие некрологи (я просматривал тогда до двадцати газет в день — роскошь, здесь для меня совершенно недостижимая). С того времени я запомнил год его рождения: 1863. Некрологи характеризовали его как «композитора». У Вас он «нигде не служил, вечно сидел в своем кабинете и наигрывал что-то на рояле» (стр. 4, внизу). Быть может, в советский период он сделал по этой части что-либо более толковое?[13]

10) стр. 9, вверху — В.Г. Черткова. Знаете ли Вы, что Ваши воспоминания можно замечательным образом иллюстрировать? В 1958 г. в Москве в изд<ательст>ве «Советский художник» вышла толстенная (500 стр. малой четверки, сотни воспроизведений, среди них много цветных, цена 74 рубля) книга А. Михайлова: Мих<аил> Вас<ильевич> Нестеров. Жизнь и творчество[14]. — В книге этой дано целых два портрета Черткова кисти Нестерова (стр. 95 и 588) — оба как по Вашему описанию сделанные: «Статный, высокий, с орлиным носом и высоким лбом, над которым художественно зачесанные назад волосы». Первый портрет 1890 года, второй 1935 года. Между ними — 45 лет. Но Ваше описание подходит к обоим. Тут же (стр. 219) портрет Душана Маковицкого[15] 1907 г., т. е. по времени очень близкий Вашему рассказу, и портрет Льва Николаевича того же года (стр. 217). В лице Ивана Александровича Ильина (кн. 54, стр. 163) Вы увидали (и я с Вами согласен) печать «сурового, религиозно-жесткого и безотрадного кальвинизма»[16]. — По-моему, эту печать передал и Нестеров в своем портрете И.А. Ильина 1921–1922 гг. (стр. 231). Тут же — прекрасный двойной портрет П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова 1917 г. (стр. 273), чрезвычайно схожий и величественный портрет моего незабвенного собеседника владыки Антония Храповицкого[17] (стр. 176), портрет наших евразиек 1920-х годов Наталии Григорьевны Яшвиль (стр. 197) и Татьяны Николаевны Родзянко[18] (стр. 163). Думаю, Вам будет интересно поглядеть эту книгу, и надеюсь, что невежество снова не простретcя так далеко, чтобы оставить свои библиотеки без этой книги.

11) стр. 16–17: Вы не совсем правы в том, что «толстовство... в России... в настоящее время почти что забыто». Толстовцы есть, они активны и делают «новоприобретения» даже в среде советских писателей. Я проводил в среде толстовцев 1917–1918 <годы> и затем снова 1955 год. Толстовец — мой большой друг чудесный, в лаптях, гомельский мужичок, ни одного дня не бывший ни в какой школе и все же философ, друг Чертковых Онуфрий Евдокимович Леонков. Я был с ним в большой дружбе и в больших спорах (в основном по церковным вопросам). Он переписывался тогда (это было в 1947–48 г.) с Анной Константиновной Чертковой, вдовой В<ладимира> Г<ригорьеви>ча (она была жива), получал от нее известия о своем любимом Диме (Дима был то в Москве, то в Л<енин>граде). Вот Вам — хотя и кратчайшее — известие об одном герое Вашего рассказа (стр. 13 о Диме: «Не знаю, что с ним стало после революции 1917 г.»). Видимо, по-своему, он выплыл <?>. — В книге Михайлова о Нестерове (см. выше) на стр. 92 и 94 два прекрасных портрета А.К. Чертковой 1890 г. на дистанции 57 лет от времени моего рассказа. — О чем же еще с таким жаром и ежедневно и спорил с другом Чертковых и моим Онуфрием Евдокимовичем? О.Е. — человек святой жизни, неподкупной нравственности и в то же время рьяный сторонник «непротивле-

ния злу силой». Он нападал на патриарха (перед тем — митрополита) Сергия Страгородского за то, что тот в первый же после нападения Гитлера и немцев на Россию призвал русский народ встать на защиту Отечества[19]. И затем ежедневно и ежечасно повторял этот призыв. — Призывы Патриарха сыграли свою роль в обеспечении русской победы в Великой Отечественной войне. — Вы можете себе представить, что было бы, если бы русский народ в этот момент послушался советов толстовцев. Русский народ, во всем его целом, был бы истреблен немцами, как скот на бойне или как клопы с помощью газа. А вслед за ним были бы истреблены и все прочие славянские народы. — Я спорил пламенно и, смею думать, в спорах с Онуфрием Евдокимовичем оставался победителем. — Хороший человек Онуфрий Евдокимович, но слава богу, что толстовцев на Руси было и есть совсем мало. Тут меня не убеждают ни Ваши ссылки на Ганди (стр. 16, внизу) — Индия в совсем другом положении, чем мы, — ни предположение (стр. 17), что своевременное распространение толстовства «могло бы сделать революционный процесс менее кровавым и мстительным». — Нам, русским, предстоит в перспективе нескольких поколений истребить зло на нашей планете (поскольку это возможно в земных условиях). Такой задачи с помощью «непротивления злу силою» не разрешить.

Благодарю Вас и за присылку статьи С. Левицкого «Н.Н. Страхов» (Новый журнал, кн. 54)[20]. Кто он — этот С. Левицкий?[21] Я вспоминаю человека с этой фамилией по Софии (Болгария). Но тот писал «темно и вяло», а этот пишет хорошо. В статье много ценных и даже ценнейших данных. Не понравилось мне только нытье: «Страхов был человеком и мыслителем крупного масштаба, который был бы по справедливости оценен, случись ему жить и действовать в другой стране» (стр. 164). Страхов вошел в историю русской мысли, а в дальнейшем его роль будет выяснена и еще подробней. Собеседники, корреспонденты и оппоненты у него были такие (Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой, Розанов), что дай Бог всякому. В частности, Страхов повлиял и на развитие раннего ЕА. Тогда и я прочитал его «Борьбу с Западом в нашей литературе». В ней много проникновенных мыслей, но меня огорчала их разбросанность. — На стр. 166 неприятная опечатка. Наш гениальный ученый, сыгравший значительную роль и в жизни Страхова, — Николай Яковлевич Данилевский, назван тут Н.П. Данилевским. — К.А. Тимирязев брал на себя называть Н<иколая> Я<ковлеви>ча «дилетантом». Но он сам дилетант по сравнению с Николаем Яковлевичем. В частности, работы Н.Я. Данилевского по распространению и биологии рыб России — огромные, основоположные работы совершенно непреходящей ценности. — А все же, дорогой Николай Николаевич, как бы велико ни было озлобление на Западе (в Западной Германии неистовство особенно велико), русская эпоха всемирной истории — хотя и медленно — наступает. — Первые главы «России и Европы» Н.Я. Данилевского показывают, что при царях нападки на Россию на Западе были не менее ожесточенны, чем при коммунистах. Это довольно поучительный вывод. Не могу все-таки не отметить совершенно исключительную западническую ослепленность Левицкого, прямо-таки невидение им реального мира. Он указывает (вместе с Вл. Соловьевым) «на необоснованность многих славянофильских претензий, особенно на претензию исключительного из-

бранничества русского народа» (стр. 175). Скажу так: если ты контрик, можешь ненавидеть и проклинать это избранничество. Но отрицать его как факт — невозможно: из всех народов мира единственно русский народ ставит своей задачей в корне преобразовать мир — сделать последних первыми и первых последними.

Перехожу к присланной Вами мне заключительной главке Вашего труда «Формы мышления и атомная революция». — Это увлекательный очерк философской стороны современной ядерной физики. Очень хорошо и ярко истолковали философские взгляды западных атомников. Убедительно показана непреходящесть основных философских категорий. — Хочу только подчеркнуть, что миросозерцательные взгляды русских ядерных физиков, по моему убеждению, отнюдь нельзя сводить к одному лишь тезису: «Религия есть опиум для народа» (стр. 6, вверху). — Положение можно, мне кажется, описать в следующих чертах: русские атомники целиком сосредоточились сейчас на своей чисто научной и научно-технической работе. Ее результат налицо. В отличие от западных физиков они не публикуют ни философских статей, ни философских трактатов. — Но это отнюдь не означает, что их мысль не работает творчески также над философскими вопросами. Их философские труды будут опубликованы в следующем или послеследующем поколении. А пока мы можем любоваться их делами: первый и второй искусственный спутники Земли (октябрь–ноябрь 1957), первая искусственная планета Солнечной системы (январь 1959). Понимаю ограниченность и этих дел по отношению к масштабам Вселенной. И все же скажу: не было и нет в истории человечества более яркого обнаружения истинности древнего слова о том, что человек есть «образ и подобие божье», нежели эти дела. — Я читаю книги и статьи по ядерной физике; и должен сказать — читаю их как трактаты по богословию в делах и цифрах.

Перехожу к рецензии М. Фридиева на Вашу работу о русском абсолютизме 18 века. Эта рецензия исключительно содержательна. Она служит славе Вашего имени, и это искренне меня радует. — Пользуясь случаем, чтобы поделиться с Вами некоторыми своими мыслями о русском 18 веке. — Мне кажется, что, сопоставляя Россию с Западом, нужно говорить *о преобладании* обязанностей над правами в юридической природе русских сословий[22]. Ибо права тоже были — и среди них такое странное право, как право дворян владеть крепостными. Русские люди середины 20 века в состоянии полностью оценить значение и такого права, как право купцов торговать и заводить промыслы (в широком смысле этого слова). Это последнее право фактически распространилось и на крестьян, как о том свидетельствует вся история русских «крестьянских промыслов». — Положение крепостных, безусловно, приближалось к рабскому (стр. 2 рецензии, посередине). Нет достаточно сильных слов, чтобы описать ужасы, которые из этого проистекали. — Все же нельзя, мне кажется, упускать из виду факторы, которые придавали этому рабству несколько особый оттенок: 1) существование резко выраженного национального единства. И крепостные, и помещики были русскими православными людьми. Это обязывало не только крепостных, но и помещика. А если помещик забывал об этих своих обязанностях, то очень часто его убивали (а иногда только пороли — тому есть примеры). Дела об убийстве помещиков — большая

категория дел. И каждый помещик, не потерявший головы, помнил, что эта категория дел существует, и даже весьма существует. Русский народ никогда не был «непротивленцем» (потому и толстовство не пошло). И в отличие от поляков, руку помещикам не целовал, 2) существование мощной национальной армии. Крепостные были в ней солдатами (впрочем, могли и выслужиться), помещики — офицерами. Они вместе шли на смерть за Родину. Это создавало психологическую обстановку в отношениях, не вполне отвечавшую понятию рабства. — Мне кажется, что во «вставке», внизу, Фридиев слишком сгущает вопрос о влияниях. «О, народ, к славе и величию рожденный», — восклицает Радищев[23], обращаясь к русскому народу. Этой мыслью пронизаны все его работы. Вычитать ее у французских материалистов он не мог.

Приписка[24]. В Пруссии до самого Бисмарка брак дворянина с недворянкой при любых условиях признавался незаконным сожительством. У нас брак дворянина с крепостной всегда считался столь же законным, как и любой другой брак — скажем, князя с княжной. — В прусской армии традиционной была «палочная» дисциплина. Ее «вершина» — Фридрих II. Ни один сколько-либо крупный русский полководец не признавал палочной дисциплины. — Два разных мира, два различных круга представлений. Мы все должны всеми силами отстаивать нашу самобытность. Глубоко самобытный и не колеблющийся уклад мыслей и дел нашего народа — нам порукою в том, что усилия приведут к результату.

T-SAV-V/80 (8).

[1] Речь идет о знаменитой уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность».

[2] Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), философ, теоретик права. Дядя Н.С. Трубецкого.

[3] Речь идет прежде всего об идеях, высказанных П.И. Новгородцевым в труде «Об общественном идеале» (1917), но в более ранних работах, например во «Введении в философию права: Кризис современного правосознания» (1909), эта тема также затрагивалась.

[4] Обсуждается следующий фрагмент: «В эту... <пореволюционную> эпоху он, будучи убежденным западником, неожиданно почувствовал всю особенность судьбы нашей родины и, уже стоя на краю могилы, обнаружил сочувствие только что возникшему тогда евразийству, что ему многие до сих пор не могут простить» (*Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 54. С. 150).

[5] Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911), русский археолог, историк, реорганизатор государственных архивов.

[6] Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), русский государственный деятель, военачальник. В 1837–1856 гг. министр государственных имуществ. Член секретного комитета по крестьянскому вопросу, активный противник сохранения крепостной зависимости крестьян.

[7] Косинский Владимир Андреевич (1864–1938), русско-украинский общественный деятель, специалист в области политической экономии. С 1921 г. в эмиграции, преподавал в Польше и Латвии.

[8] Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939), русский историк, юрист. После революции остался в советской России, занимался вопросами государственного права. Расстрелян в 1939 г.

[9] Суворов Николай Семенович (1848–1909), правовед, автор классической работы «Учебник церковного права» (1908), выдержавшей множество переизданий.

[10] Обсуждается следующий фрагмент: «Ненависть эта <к большевикам> толкнула Вышеславцева на необдуманный шаг сближения с нацистским "Антикоминтерном", а Ильина превратила в деятельного члена и идеолога Лиги Обера — противосоветской организации, основанной в Женеве после убийства советского дипломата Воровского бывшим русским офицером Конради и существовавшей на средства, собираемые женевским адвокатом Обером. Вступление в нее Ильина вполне соответствовало его характеру — он с молодых лет погружен был в политику; тогда как только излишняя эмоциональность заставила Вышеславцева, которому политика была стихией совершенно чуждой, свернуть со своего жизненного пути. Я говорю это как друг, которому больно было смотреть на слепую озлобленность этого доброго человека и философа, потерявшего в данном случае дар спокойно и мудро взирать на развивающуюся перед нашими глазами мировую историческую трагедию» (*Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 54. С. 162).

[11] Рачинский Сергей Александрович (1833–1902), русский педагог, общественный деятель. Характеристика, данная ему П.Н. Савицким, в целом верна.

[12] См., например, картину Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского» (1895).

[13] Толстой Сергей Львович (1863–1947), композитор, музыкальный этнограф, поклонник индийской культуры. Автор романсов. Профессор Московской консерватории.

[14] *Михайлов А.* М.В. Нестеров. Жизнь и творчество. М., 1958.

[15] Маковицкий Душан (Makovický; 1866–1921), словацкий врач, писатель, сподвижник Л.Н. Толстого. Автор «Яснополянских записок» (1904–1910).

[16] П.Н. Савицкий прокомментировал следующий фрагмент: «После Октябрьской революции оба мои современника стали "религиозными философами", но, на мой взгляд, мой друг Вышеславцев до последних, тяжких дней своей жизни был христианским эпикурейцем, а в христианстве Ильина было нечто от сурового, религиозно-жестокого и безотрадного кальвинизма. Недаром он своей фигурой и своим лицом был похож на статуи тех кальвинистов, памятники которым стоят в Женеве в саду против университета» (*Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. 1958. № 54. С. 163).

[17] Антоний (Храповицкий; 1863–1936), митрополит, богослов. С 1920 г. в эмиграции, председатель Высшего церковного управления за границей. В 1922–1936 гг. первоиерарх Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Часто упоминался в евразийской переписке.

[18] Яшвиль Наталия Григорьевна (урожд. Филипсон; 1861–1939), художник, иконописец, общественный деятель. Жила в Праге, участвовала в жизни кружка Н.П. Кондакова. Родзянко Татьяна Николаевна (1892–1933), дочь Н.Г. Яшвиль, художник, график.

[19] 22 июня 1941 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский; 1867–1944) обратился к народам СССР с призывом защитить родину от «фашистских разбойников».

[20] *Левицкий С.А.* Н.Н. Страхов: (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 164–185.

[21] Левицкий Сергей Александрович (1908–1983), русский философ, публицист. После революции эмигрировал, учился и жил в Праге, в 1950 г. переехал в США. Испытал философское влияние Н.О. Лосского, Вл. С. Соловьева и др. Автор книг «Трагедия свободы» (1958), «Очерки истории русской философской и общественной мысли» (1968) и др.

[22] В этом замечании Савицкий развивает идеи Н.Н. Алексеева, изложенные в его статьях «Обязанность и право» (1928), «О гарантийном государстве» (1937) и др. В этих работах Алексеев формулирует идею «правообязанности» как единства прав и обязанностей субъектов, присущего именно России-Евразии. При этом взгляды Н.Н. Алексеева на ста-

тус сословий в России сформировались под влиянием В.О. Ключевского (см.: [Ключевский 1918]).

[23] Цитата из знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

[24] Слово «Приписка» принадлежит П.Н. Савицкому, который так отметил фрагмент своего письма.

9

Мой отзыв по поводу работы Н.Н. Алексеева «Природа и человек в философских воззрениях русской литературы» («Грани», № 42, 1960)[1]

С *огромным* интересом я перечел в печатном тексте «Природу и человека». Я сказал Вам свое мнение, еще читал эту статью в рукописи: статья эта вовсе не статья о *прошлом*; это в высокой степени *актуальная* статья. И даже *больше* статья о будущем, чем о прошлом.

Я сказал бы так: из всех известных мне народов нашей планеты русские суть наиболее *космический* народ; и в то же время народ с наибольшей волей к переделке, к перестройке космоса, т. е. той природной среды, которая доступна их воздействию.

Мне было бы очень дорого, если бы Вы перечли страницы о «месторазвитии» в моей брошюре «Россия — особый географический мир» (стр. 28–33). Там есть даже слово «власть земли», поставленное Вами в заглавие главки. От установок Л.Н. Толстого и Глеба Успенского[2] (у Вас стр. 189–191) понятие «месторазвития» отличается более *активным* характером. В нем выражена не только «власть земли», но и *власть человека над землею* — а теперь (1960), по-видимому, уже не только над землею.

Дело не в одном лишь земледельческом быте (у Вас стр. 190, посередине). *Космичный* характер русского народа заложен глубже; он полностью сохраняется и при *промышленном* быте. Именно в силу своей *космичности* русский первым из народов Земли созревает в народ *космический*, в народ космонавтов, в народ «кочевников вселенной» — конечно, в тех пределах, которые вообще доступны человеку.

Без разрешения вопросов, поставленных в Вашей статье, невозможно объяснить тех Грунь и тех Нюр, тех Василиев и тех Мишек, в густой среде которых я провел недавно одиннадцать лет...

Я отнюдь не отождествляюсь, конечно, с вывертами Розанова и крайностями Федорова. Но нужно сказать, что в земных масштабах волю к «преобразованию природы» русский народ проявляет огромную; «общее дело» делает немалое. И даже по части борьбы со смертью достиг успехов значительных: так, напр<имер>, смертность в России в расчете на год и на тысячу человек населения уменьшилось с 1913 по 1959 год в четыре с половиной раза: с 32 до 7,2 на 1000. Это не фунт изюма. И в русских условиях это не механическое следствие «повышения

жизненного уровня»; это именно *философское мероприятие.* — Далее эта борьба со смертью непременно упрется в некоторый *земной предел*, для человека уже непреодолимый. За этот земной предел уводит нас только *Воскресение Христово.* — В недостаточно глубоком понимании этого факта ошибка Н.Ф. Федорова.

Что же касается душевного, духовного, а тем самым и философского толкования того «преобразования природы», которое предпринял и ведет сейчас русский народ, — то тут еще всё течет, всё в движении, всё в становлении. И окончательное слово не сказано отнюдь.

Детальные замечания.

Решительно не согласен с концепцией Е.А. Баратынского[3], — конечно, и ранее мне известной, а Вами переданной на стр. 191, посередине. Это не русская концепция, в ней, действительно, отзвук шеллингианства, немецкой узости и ограниченности. Познание природы «горнилом, весами и мерой», по глубокому убеждению моему, отнюдь не противоречит *целостному* ее пониманию — хотя бы в смысле И.В. Киреевского (у Вас — стр. 191, внизу). Наоборот, одно другим подразумевается.

В этом смысл столь дорогого моего сердцу понятия «периодической системы сущего», о котором мы с Вами беседовали еще в начале 1930-х годов. Не боюсь сказать: познание природы «числом и мерой» не отводит от *мистического* ее постижения, но, наоборот, приводит к нему. Что касается меня лично, то я одновременно энтузиаст «числа и меры» в анализе, «целостного знания природы» (в смысле И.В. Киреевского) — в синтетическом его завершении.

Очень актуальны и современны слова Глеба Успенского о «святых угодниках» (стр. 190–191). И велика во многих в народе русском воля взять святых угодников «за образец». Велико и несовершенство людское, но «образец» светит людям, как путеводная звезда.

Не могу, в общей форме, согласиться с Вашим утверждением (стр. 194, вверху), что И.С. Тургенев совершенно «не чувствовал русской религиозности». Конечно, на поверхности его мировоззрения были взгляды пошлейшие, как Вы правильно это отмечаете. Но в «нутре» было и другое. Человек, совершенно не чувствующий «русской религиозности», не мог бы написать такие вещи, как, напр<имер>, «Живые мощи». Некую *тайну* в русской душе и в русской природе Тургенев видел, и притом тайну не только «темную» (как выходит по Вашему тексту). Об этом свидетельствует и его короткое, но весьма выразительное предсмертное (1883 г.) письмо-завещание Л. Толстому[4].

Сознаюсь, не нравится мне то общее имя, которое Вы даете рассматриваемой Вами группе русских философов: «свободные теософы» (стр. 188, посередине и повсюду). Не нравится мне оно по связи своей со специфической «теософией», которой люди эти были чужды. И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский (при всех грехах своих), Н.Ф. Федоров (при всех своих заблуждениях) — все это верующие православные люди. Какие же они «теософы»? Мне кажется, что гораздо лучше старое традиционное имя: «светские богословы». Даже Глеб Успенский, когда ставит русской интеллигенции в пример наших святых угодников, выступает в качестве такового. Некоторые из «светских богословов» (напр<имер>, Л.Н. Толстой)

впали в явную ересь. Но это вообще нередко случается с богословами. Вот, напр<имер>, на наших глазах о. Сергий <Булгаков> и в рясе был, а в ересь впал несомненную («софианство»). А скажем, Достоевский был лично очень грешным человеком (говорю это не в осуждение; кто из нас без греха?!), но еретиком Достоевский не был. — «Светские богословы» — гораздо лучше, чем «свободные теософы». И Вы, мой дорогой друг, тоже светский богослов, — хотя, быть может, этого и не сознаете.

А землю целовать нужно (у Вас стр. 193, внизу). И я постоянно это делал, пока был на русской земле. Русская земля меня и спасла в испытаниях. И нужно *беречь* нашу землю, что сейчас особенно актуально!

А в общем — замечательная статья, и много в ней волнующего содержания. Я вновь *переживал* Ваши мысли, ее перечитывая. И вновь нашел в ней много тем для продумывания, как Вы это отчасти видите и из этих моих строк... Это было бы хорошо развернуть ее в целую *книгу*. Материала этого рода в русской литературе, безусловно, хватит и на книгу, и притом материала *животрепещущего*.

SAV-V/80 (9).

[1] Статья с таким названием была опубликована в № 42 журнала «Грани», но не в 1960, а в 1959 г. На этот отзыв Савицкого Алексеев ответил 6 июля 1960 г.

[2] Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель, публицист, исследователь русского крестьянства, общественный деятель. Был близко знаком с идеологами «Народной воли».

[3] Алексеев подчеркивает разочарование в исключительно научном, сухом и рациональном познании природы у Е.А. Баратынского. Вслед за многими учеными он отмечал влияние идей Шеллинга на Баратынского и Ф.И. Тютчева.

[4] «Милый и дорогой Лев Николаевич, долго я вам не писал, ибо был и есмь, говорю прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу, и думать об этом нечего. Пишу же я вам, собственно, чтобы сказать вам, как я был рад быть вашим современником, и чтобы выразить вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар ваш оттуда, откуда всё другое. Ах, как я был бы счастлив, если бы мог подумать, что моя просьба так на вас подействует. Я же человек конченый, доктора даже не знают, как назвать мой недуг: “nevralgie stomachale gouteuse” (некая желудочная невралгия. — *Примеч. изд.*). Ни ходить, ни есть, ни спать... да что! Скучно даже повторять всё это. Друг мой, великий писатель земли русской, — внемлите моей просьбе... Дайте мне знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте ещё раз крепко-крепко обнять вас, вашу жену, всех ваших. Не могу больше. Устал!!!» (*Соловьев Е.А.* И.С. Тургенев: Его жизнь и литературная деятельность. М., 2005. С. 128).